

ОГОНЁК

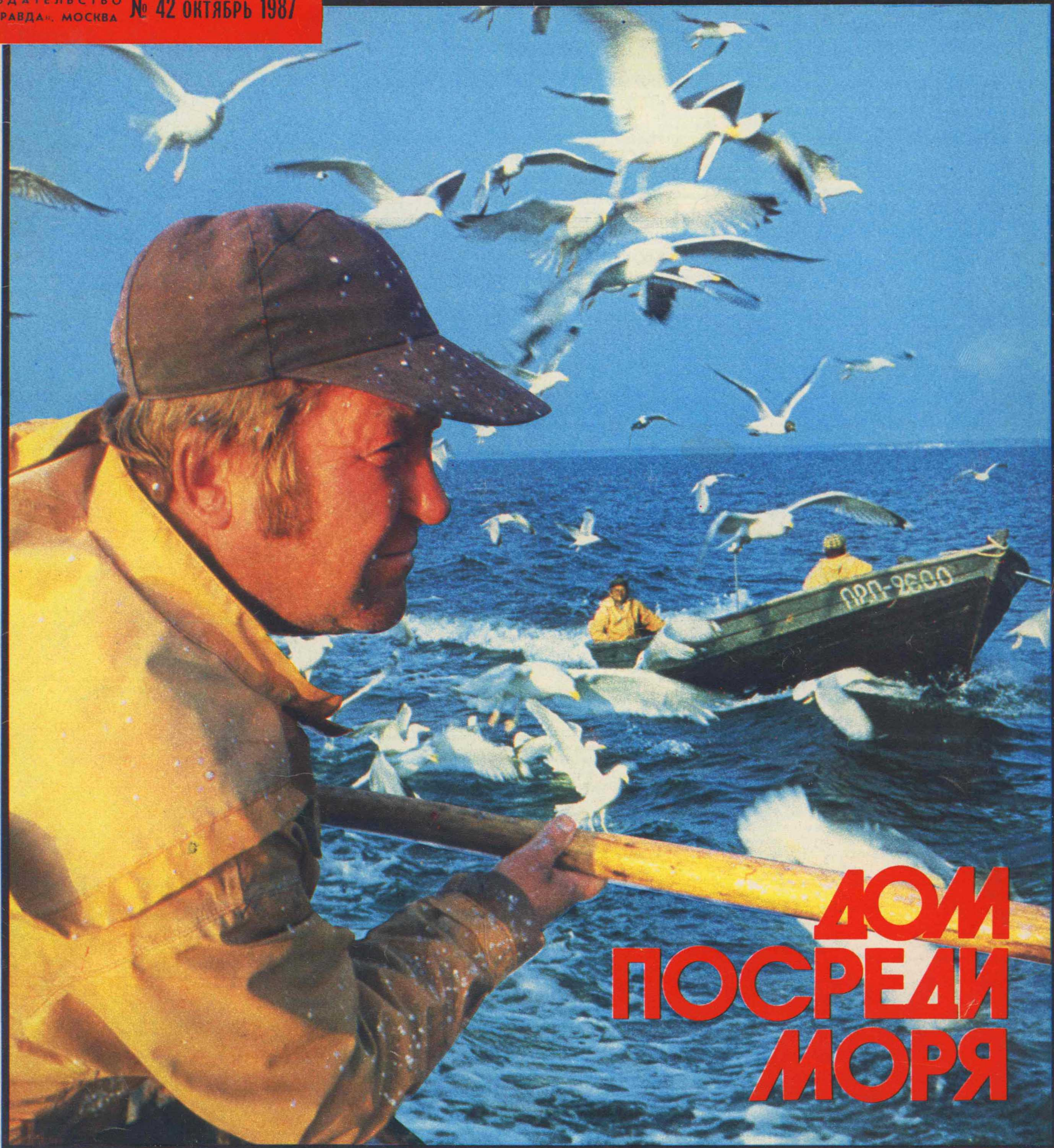
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА № 42 ОКТЯБРЬ 1987

АКАДЕМИК
ГОЛЬДАНСКИЙ:
НТР И НОВОЕ
МЫШЛЕНИЕ

РАССКАЗ
НИКОЛАЯ ШАХБАЗОВА

ВЕРТОЛЕТЧИКИ
ЗАПОЛЯРЬЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЕК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 42 (3143)

17—24 ОКТЯБРЯ

© Издательство «Правда», «Огонек», 1987.

Главный

редактор — В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия:

Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ,

Д. В. БИРЮКОВ,

Л. Н. ГУЩИН

(первый заместитель
главного редактора),

К. А. ЕЛЮТИН,

В. П. ЕНИШЕРЛОВ,

Н. А. ЗЛОБИН,

Д. К. ИВАНОВ

(ответственный
секретарь),

Ю. В. МИХАЛЬЦЕВ,

В. Д. НИКОЛАЕВ

(заместитель
главного редактора),

Ю. В. НИКУЛИН,

А. Г. ПАНЧЕНКО,

А. Б. СТУКОВ,

С. Н. ФЕДОРОВ,

Ю. Д. ЧЕРНИЧЕНКО.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Лахт Антс из рыболовецкого колхоза «Сааре
Калур». [См. в номере очерк «Островитяне».]

Фото Сергея Петрухина

Оформление В. В. ВАНТРУСОВА
при участии О. И. КОЗАК

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ
БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ
СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИС-
НОГО МЕСЯЦА.

Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на
полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб.
19 коп.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27;
отделы: Публицистики — 212-21-88; Коммуни-
стического воспитания — 251-89-83; Междуна-
родный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69;
Искусства — 212-15-39; Писем и массовой ра-
боты — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Оформле-
ния — 212-15-77; Литературных приложений —
212-22-13.

Рукописи объемом более двух авторских ли-
стов не рассматриваются.

Сдано в набор 25.09.87. Подписано к печати
13.10.87. А 00442. Формат 70×108¹/₈. Глубокая
печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55.
Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 500 000 экз. Изд.
№ 2693. Заказ № 1279.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Револю-
ции типография имени В. И. Ленина издатель-
ства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва,
А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП,
Москва, Бумажный проезд, 14.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЗАПОВЕДНИК «ЛОСИНЫЙ ОСТРОВ» — В ОПАСНОСТИ! «ЗЕЛЕННЫЕ ЛЕГКИЕ» МОСКВЫ УЖЕ КОТОРЫЙ ГОД ПОД УГРОЗОЙ.

Борис РЯЗАНЦЕВ,
Дмитрий ДЕБАБОВ (фото)

Если взглянуть сверху, то Лосиный остров, пожалуй, напомнит пирог с обломанными краями. Особенно если сравнить с картами двадцати—тридцатилетней давности. И уже стал, да и в массиве изрядно пощипан. Посечен просеками подъездных путей и линий электропередачи, перерезан Кольцевой автодорогой. И со всех сторон жмут на него сооружения.

Помнится, еще совсем недавно, десятилетия два лет назад, новоселы Северного Измайлова, точнее Гольянова, словно заново открыли «московскую тайгу». О ней писали столичные газеты, сообщая маршруты пеших прогулок, не отставало и радио... Повышенное «внимание» современников немало навредило древнему заповедному лесу, объявленному не так давно национальным парком.

Хотя и тогда еще неподалеку от станции метро «Щелковская» можно было собирать грибы. Теперь рискованно. Сказывается близкое присутствие ТЭЦ-23.

— Я исходил здесь все в округе, — сообщил руководитель лаборатории отдела озеленения городов Академии коммунального хозяйства имени Памфилова М. И. Пронин. — Была конкретная цель — определить воздействие станции на почву. Вывод, увы, неутешительный: ее дымовые трубы довольно равномерно рассеивают в округе вредные элементы с содержанием тяжелых металлов. Прежние аппетитные грибы свинушки оказались к ним весьма восприимчивы и стали ядовитыми. Конечно, без тепла и света в наших домах не проживешь, но ведь в почве заповедника накапливаются ядовитые вещества.

Если б этим только ограничились беды Государственного природного национального парка «Лосиный остров». Одна из первых и, пожалуй, глав-

ВЫ

ЛЮБИТЕ ПРИРОДУ?

ных — положение в охранной зоне, которая должна осуществлять роль своеобразного буфера между лесом и городом. По совершенно необъяснимым причинам эта зона повсеместно подчинена местным исполкомам. А для них она не только не нейтральная полоса, а нечто вроде резерва под застройку.

В том же Гольянове, где произрастают ныне ядовитые свинушки, на Камчатской улице Куйбышевский исполком начал активное наступление на ближний лес. Уже открыты траншеи под коммуникации, а значит, нарушился гидрологический режим, и тысячи ближних деревьев обречены.

Нет у национального парка никаких прав, кроме права одаривать людей общением с живой природой и оделять каждого чистым воздухом. И пока он беззащитен — даже против предприимчивых огородников с их самочинными посевами-посадками в охранной зоне.

Правда, есть обнадеживающая весточка. Совсем недавно с помощью комсомольцев и молодежи Сокольнического района администрация Государственного природного национального парка ликвидировала на берегу Яузы в районе производственного объединения «Красный богатырь» более двух с половиной тысяч самовольных огородных участков. Не было ни единого протеста, ни единого письма. И вот почему: комсомольцы нашли за заборами, обитыми железом, форменные бункера под неказистыми огородными конурами. В глубоких землянках с нарами, в которых мог при нужде отсидеться кто угодно, было найдено множество са-

могонных аппаратов. А неподалеку и неопознанный мужской труп...

Итак, с самовольными захватами бороться можно, если Советы возглавляют люди, небезразличные к облику своего района, как в Сокольническом исполкоме. Но в недавние времена и он оказался бессилем, когда в 1969 году бывший председатель Моссовета Промыслов подписал документ, в котором отвел производственному объединению «Красный богатырь» пять гектаров на... территории парка. Да еще на месте питомника.

Мало того, что само предприятие давно пора вынести за пределы столицы, объединение именно сейчас лихорадочно строит сооружение в национальном парке. На днях на генерального директора «Красного богатыря» М. Г. Муравьева за очередные нарушения наложен денежный начет в размере... аж 50 рублей. Но он строит и будет строить. Будет срубать, ломать, перекапывать... И после ни дерево, ни трава не вырастут.

Не краше обстоят дела и в областной части векового леса. Совершенно редкая по степени беззакония обстановка возникла в районе бывшего поселка Оболдино. Он появился еще во время строительства водопроводного канала. По нему перекачивается вода, которая, получив обработку на Восточной станции, идет на питьевые

Продолжение на стр. 3.

Самострой
наступает.

«Памятники
любви»
к природе.

...Все, что мы наметили, — это для страны, для всех трудящихся. То, что сейчас трудно и будет задевать всех, надо выдержать, потому что, не переломив этого, мы не сможем выйти на те рубежи, которые наметили.

М. С. ГОРБАЧЕВ

На снимке: 13 октября 1987 года. Ленинград. Беседа М. С. Горбачева с рабочими в одном из цехов флагмана советского судостроения — Балтийского завода имени С. Орджоникидзе.

Фото ТАСС

ПЕРЕСТРОЙКА: ПРОВЕРКА ДЕЛОМ

Три залпа перестройки — апрельский Пленум ЦК КПСС, XXVII съезд КПСС и январский Пленум ЦК партии — в ключья разорвали тучу затхлости, висевшую над страной, открыли простор творческой деятельности для любого советского человека, открыли его, расковали инициативу. Это уже большое достижение перестройки, но это лишь тысячная доля желаемого. Лишь площадка для взлета. Не каждый человек рискует взлететь, хотя уже и с надежными крыльями. Контуры посадочной полосы в тумане неизвестности. Что-то или кто-то мешает многим обрести уверенность в успехе полета.

Эхо трех долгожданных залпов, прозвучавших в обновляющейся атмосфере нашего сегодняшнего общества, докатилось и до низов, до глубин. До нас. Запахло озоном. Легче стало дышать. Но для многих в глубинке главной приметой времени оказалась гробовая тишина на низах. Впечатление такое, что гроза (а перестройка — это и есть гроза!) проходит где-то стороной. Зачем то-

боту, должен проводить, какие-то должны быть конкретные примеры, результаты, отдача, хотя бы, скажем, от индивидуальных бесед с тем, кто «гробит технику». Если они проводились, такие беседы. Все, что говорится с трибуны, — все мимо цели. В зале — тишина, как на похоронах. Невольно думается: что же мы хороним — уж не перестройку ли, которая еще не успела родиться в нашем районе?

...Кто-то окликает меня у кинотеатра «Аврора». Поворачиваюсь на оклик: пенсионер. Лицо бледное, щеки дергаются. Таким я его ни разу не видел. Спрашиваю:

— Что случилось?

— Проверку проводил... Как председатель комиссии по контролю деятельности администрации и аппарата райисполкома, — говорит он подавленно. — По вопросу: как проводится прием граждан членами исполкома. И что, вы думаете, меня так поразило? Иные члены исполкома за второе полугодие прошлого года не приняли ни по одному человеку. Я им по два нуля поставил. А председатель исполкома райсовета Л. М. Ляхова приняла лишь 36. Это значит: по шесть человек в месяц. Считай, по одному в неделю.

— Да, — соглашаюсь с ним, — не идут люди в райисполком. Заявляют так: «там делать нечего», «там поговорить не с кем», «оттуда выходят с плачем».

— А проверять жалобы и письма мне запретили. Не дали ни писем, ни ответов, — продолжает он, пенсионер А. Д. Смолыгин. — Сказали так: этого от нас не требовали даже проверяющие из облисполкома. А ты, мол, кто... А про письма по жилищному вопросу предрик сказала: мы их не имеем права регистрировать. Вот как! Результаты проверки доложил, конечно, ей и первому секретарю райкома партии В. И. Труфанову, как члену исполкома. Так она мне: зачем вы в райком хо-

Глубинке нужен свой взрыв — кадровый.

Упоминание секретаря райкома в критической статье рассматривалось и рассматривается подчас как «подрыв авторитета партии». Подавление демократии в любых ее проявлениях осуществлялось под неписанным лозунгом «Демократия должна быть управляемой», который означал, что она, демократия, дескать, и есть на самом деле, а мы ею руководим, иначе будет анархия. Любые сигналы, посылаемые из районов в областные и центральные органы и огульно окрещенные «жалобами», возвращались и возвращаются, как правило, в руки местного звена, и оно тут же учиняло и учиняет расправу над авторами сигналов без суда и следствия. Так были созданы условия для полной безответственности и безнаказанности районных руководителей, которые, в свою очередь, подбирали (ставили) руководителей предприятий, колхозов, совхозов тоже по корыстным мотивам: чтобы были хорошие только для них. Ставили и держали, ограждали от критики и протестов коллективов, держали крепко. И жили припеваючи по принципу: «Пока мы, всего хватит, а после нас пусть хоть потоп».

Потопа как такового, конечно, не было, но наш район утонул в болоте бесхозяйственности. Сел на илистую мель. Понтоны-миллионы, подводимые под него государством ежегодно, никак не

КАК ВЗОРВАТЬ ТИШИНУ, или ГРОЗА ПРОХОДИТ СТОРОНОЙ?

ропиться, выбегать вперед? Пусть это делает кто-то другой. А я подожду, погляжу, сориентируюсь. Такое мнение сейчас преобладает у многих в глубинке, от кого уже сегодня страна ждет конкретной отдачи, конкретного результата в виде готового продукта. И поддерживается оно, это мнение, инертностью мышления, чрезмерной осторожностью, выработавшейся в душе человеческой за последние два десятилетия. Как это ни досадно, но состояние восторга от взрывов спадает, сменяется усредненным уравновешенным настроением стороннего наблюдателя, а не активного участника перестройки.

...На пленум райкома партии вынесен вопрос: «О перестройке воспитательной работы в трудовых коллективах и повышении роли человеческого фактора в решении социально-экономических задач». Отличный вопрос! Сегодняшний, животрепещущий, горячий. Наконец-то росток нового проклюнулся!

Но, увы, моя радость преждевременна. С трибуны читаются: доклад, содоклад, выступления. По бумажкам, конечно. О том, что «стройки строятся по семь лет». Что «к животноводческим фермам нет дорог». Что «техника гробится, ручной труд тяжел». Что «земля не получает необходимого количества удобрений, работает на износ». Что «молодежь не задерживается в селе». И т. д., и т. п. Но ни слова о самой воспитательной работе. О том, что, видимо, существуют какие-то формы и методы воспитания человека, старые и новые. Что кто-то и как-то ее, воспитательную ра-

дили? Мы ж тут сами администрация, сами и разберемся! Об этом я тоже сказал первому: почему со мной, как с провинившимся, разговаривают? В ответ услышал: ну, я ее предупрежу...

...Сеноуборка в колхозе. Молодой механизатор, работающий на стогомате четвертый год после службы в армии. За язык его не тяну. Сам говорит о больном:

— Приказал райком: косить и косить, хотя и погода дождливая. Семьдесят гектаров луга свалили, а потом перевезли в траншеи. Соль сыпали, оброном поливали. Пропадает все. И не косить нельзя было: председателя колхоза сразу же, к десяти часам вечера, вызовут на бюро, накажут, если приостановил косовицу. Пропало сено, а спросить теперь не с кого... Не выйдем мы в люди!

Своими руками я сгребал сено на одном гектаре. Двенадцать копен сложил. К-700 со спаренными тележками два рейса сделал, перевоза сено. Как минимум сорок центнеров будет! Мысленно прикидываю, перемножаю сорок на семьдесят, и у меня получается 280 тонн. Это столько сена потерял колхоз не по собственной вине.

За падеж скота в колхозе несут материальную ответственность животноводы, заведующие фермами, зоотехники, рядовые работники, ветспециалисты. Они возмещают ущерб своей зарплатой. А тут что? С тех, кто против своей воли косил, не спросишь: их заставили.

Надо спрашивать с тех, кто давал команду. Стоимость 280 тонн сена взыскать с них. Тогда в следующий раз, прежде чем спустить приказ, грозя «строгачом», они подумают, а в какую сумму выльется убыток, то есть начнут мыслить экономическими категориями. Только таким путем можно сломить кнутовище командно-приказного стиля руководства колхозами.

могут поднять, подтолкнуть к всплыванию — так сильно его засосало. Долги каждого колхоза нынче составляют от четырех до девяти миллионов рублей, и никто даже не поговаривает о том, когда и как их возратить государству. Напротив, просматривается порочная тенденция: подождем, государство спишет, ведь бывало же так раньше. В известной формуле «Государство и мы» слова поменяли местами: «Мы и государство». Пусть, мол, выкручивается оно, как хочет.

Но самое горькое наследие недавнего двадцатилетия — это то, что опустел район, постарел.

Печать время от времени поднимала на своих страницах тему миграции молодежи из сел в города, но объяснение этому массовому явлению сводилось к перечислению внешних факторов: нет дворцов культуры, нет асфальтированных дорог, нет автобусного движения, не то медицинское обслуживание, что в городе, и тому подобное. Однако никто не называл главной причины: люди уезжали от горе-руководителей, в которых перестали верить, верить в то, что с ними можно чего-то достигнуть и жизнь улучшится. Уезжали из атмосферы затхлости, бесправия, безынициативности. А матери и отцы им вслед приговаривали: «Мы тут натерпелись всего-всего. Не хотим, чтобы и вы, дети, это испытали на себе. Не допустим этого! Поезжайте».

«Божки» местные виноваты с ног до головы в том, что ежегодно в течение названных мной двадцати лет население района уменьшалось на 500—600 человек, прямо-таки как по заказу, а всего уменьшилось с 38 тысяч до 26 тысяч, то есть поч-

ВЫ ЛЮБИТЕ ПРИРОДУ?

Начало на 2-й обл.

нужды Москвы. Сейчас здесь насчитывается примерно две тысячи самовольных огородных участков. А ведь именно в этом месте находится уникальный водо-болотный комплекс. Именно отсюда берет свое начало Яуза. И огороды на этом месте — драма реки: бесконтрольные стоки загрязняют ее донельза. Конечно же, и дачные участки, и огороды необходимы

людям, но бесконтрольность никогда не способствовала разрешению важных проблем, а, напротив, осложняла их.

Калининград сбрасывает в канал ежесуточно по 100 тонн сточных вод. И все происходит разом в двух зонах — заповедной и санитарной...

В одном из домов мы застали хозяина, Николая Васильевича Васина, который служит в милиции, охраняющей Ануловский гидроузел.

— Мы уже давно здесь, года с 81-го, — сказал он. — Тут, помнится, еще бараки стояли. Их снесли, земля осталась. Стали делить.

— А кто разрешил?

— Руководство гидроузла.

— А разве это его земля?

Николай Васильевич на вопрос точно ответить не смог. Да и как тут разобраться, если, кроме калининградских землевладений, тут и балашинские есть. И даже пушкинские — через совхоз «Лесные поляны». Этакая чересполосица в двух охраняемых зонах.

Тут следует в очередной раз посетовать на равнодушие местных властей, оставляющих национальный парк без помощи. Но какая там помощь! Калининградский горисполком самими срочными темпами строит котельную, а точнее, мощную ТЭЦ, в заповедном лесу. Она должна обеспечить теплом два микрорайона по 30

тысяч жителей в каждом. Для подвоза мазута к станции прорублена просека в сосновом бору. Тысячи корабельных, мачтовых сосен возрастом до двухсот лет, деревьев, которых не найдешь в ближнем Подмосковье, гниют в десятках штабелей здесь же, неподалеку от строительства.

Что ни день, в лесу устанавливаются разномастные частные гаражи. С особым удобством устраивается кооператив при отделении милиции 4-го участка по охране водопроводных сооружений. На его территории вязы, лиственницы, сосны. Мы пошли к начальнику отделения капитану В. Е. Воробьеву и спросили:

— Виктор Егорович, не как должностному лицу, а как частному вам не жалко леса?

— Жалко, конечно, — смутившись, ответил он. — Но у нас разрешение гидроузла имеется.

А до бровки канала мы насчитали от гаражей 187 шагов...

«Московская тайга». Шестидесять с лишним лет назад по этим лесам любил гулять В. И. Ленин, были у него и свои заветные тропы, которые теперь исчезли навсегда. Да и дом-музей в Костине, и территория вокруг в таком виде, что ее только и можно назвать «реставрируемой»...

Недавно «Московская правда» сообщила о заседании комиссии Пре-

зидиума Совета Министров СССР по охране окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов. По выводам комиссии, за последние два года на шесть процентов увеличилось загрязняющие выбросы в воздушный бассейн столицы. А ее зеленые «легкие» за это время разьедались новыми «кавернами» бездушия.

...Когда материал верстался в номер, из Лосиногостовского сообщили о поимке двух браконьеров. Одного взяли на месте, другой, бросив сумку с капканами и пойманную ондатру, ударился в бег.

Нам очень захотелось посмотреть в глаза тому, кто ловил зверьков. Мы увидели станочника Альберта Анатольевича Колесникова в мытищинском отделении милиции № 1 и спросили:

— Вы любите природу?

— Это в каком смысле? — переспросил он.

ти на одну треть. Исчезали хутор за хутором — и это никого не тревожило, кроме самих хуторян. Исчез с лица земли целый колхоз, «Красным Октябрем» назывался, с тремя населенными пунктами — Мандровка, Николаенков и Артюхов. Сейчас кой-где в степи стоят железобетонные столбы, с которых сняли электропровода, как памятники бывшей цивилизации. Остался чернозем, источник жизни, без своего коренного, родового хозяина. Чернозем, где озимая пшеница давала уже в ту пору по сорок и более центнеров зерна с гектара, как в то время давали и кубанские почвы.

Чернозем без хлебопашца — эти слова в голове не укладываются.

Местные «божки» — районные и сельские —

опозорили (не побоюсь сказать это слово) саму суть колхозного строя, потому что противились всему новому, глушили творческую инициативу хлебороба, ибо она тревожила их покой, сживали его с землей.

Сейчас в нашем районе проблема из проблем — как удержать села. Нам уже не до хуторов, разбежавшихся из райских уголков: речка рядом, лес рядом, поле черноземное рядом. Тот первый поселенец из был неглупый мужик. Хлебопашец настоящий. Он выбирал место для своего дома, для своего рода, для привлечения других поселенцев. Для него земля — это было все, а труд — он с ним не считался, он работал и работал, не считая рабочих часов, не требуя платы: он и не знал, что и для крестьянина придет то время, которое у нас сейчас, что будут платить за отработанные часы. Он знал одно: что получит от земли, за то он выручит себе рубли. То и будет ему оплатой за никем не учтенный его денный и ночной труд. Тому он и будет рад. Но нет теперь такого крестьянина (почему мы боимся этого слова — слова-кормильца?) в наших селах. Отжил он свой век бесславно. И наследников, подобных себе, он не оставил.

У меня кровь приливает к голове. Стучит вопрос в висках: как спасти села от опустошения? Повторяюсь, глубинке нужен свой взрыв — кадровый.

Пришло время обновления. Сегодня только кадры вчерашнего дня (а это и те, что уже поработали много лет, и те, что выдвинуты год-два тому назад, и даже те, что поставлены в буквальном смысле слова вчера, но по старым мотивам-меркам — кумовство, своеничество, землячество, рукопродвигательство) являются главным тормозом перестройки и ускорения.

Надеяться на то, что эти кадры сами перестроятся, бесполезно. Пустая трата времени. Гуманность к ним в данном случае не помощница, а препятствие. Тот, кто способен, тот уже перестроился или уже был давно перестроен, только ожидал этого времени, но тот, кто, как говорят в народе, на своем посту ни бе, ни ме, ни кукареку, сидит в своем кресле и смотрит на какую-то перестройку, для него совершенно непонятную, как баран на новые ворота. У него даже возникает мысль: отойти чуть подальше от ворот и с разбега нанести удар лбом. Но нет, он пока не идет на таран. Он старается крепче держаться за свое кресло (тем более если оно всего лишь год назад получено!). Держится обеими руками и даже заказал пошить ремни безопасности в местном ателье. Он не заявит прямо, что руководит в современных условиях не может, ибо лишен к тому способностей, шарики в голове не так расположены с самого рождения. Зато он не гнушается воспользоваться любым поводом, чтобы покрасоваться на голубом экране областного телевидения, хотя хвалиться ему совершенно нечем.

Он читает газеты, иногда слушает радио, регулярно смотрит телевизор. Он слышит слово «перестройка» и сам на службе его частенько произносит, но так, как будто ежа во рту катает. Он слышит слово «демократия» и тут же небрежно бросает своему окружению: «Рано нам демократию разводить: у нас еще народ не созрел». Это наш-то народ не созрел! Он сам стоит вроде выше народа? Он читает в газете на первой полосе фразу, набранную заголовочным шрифтом: «Революция продолжается», — тут же высо-

комерно заявляет: «Додумались до чего!» Этим дает понять всем, что он чувствует под собой почву, что он выжидает, что победит: революция или контрреволюция? (Осторожно употребив первое слово, мы не можем не назвать второе.)

Таков вкратце психологический портрет антиперестройщика, контрреволюционера, а проще сказать — бюрократа. Самого опасного врага в социалистическом строительстве, о котором предупреждал Ленин. И мы уже были на трудной грани — и материальной, и духовной. А почему дожили до такой жизни? Да потому, что со стеной бюрократизма, сложенной из «хороших кадров», мы не боролись так, как это мыслилось Ленину: «А к суду за волокиту привлекали? Где у нас приговоры народных судов за то, что рабочий или крестьянин, вынужденный четыре или пять раз прийти в учреждение, наконец, получает нечто формально правильное, а по сути издевательство?» И дальше, обращаясь к коммунистам, спрашивал: «...Почему вы же не организуете ловушки этим господам бюрократам и потом не потащите их в народный суд и в тюрьму за эту волокиту? Сколько вы посадите их в тюрьму за волокиту?» «Нисколько», — ответим правдой Ленину сейчас. Нисколько до сих пор.

Вспомнились слова М. С. Горбачева: нам нужна демократия как воздух. Действительно, только она позволит нам разорвать бюрократическую цепь — от ее самого нижнего звена до самого верхнего, то есть до республиканского, только она, демократия, обрубит «указующие персты» и переломает «большие руки», и это будет перестройке и ускорению на руку.

А пока мы чего-то замешкались. А антиперестройщики бодрятся, перестраиваются по-своему, подтягивают к себе поближе свои силы, родственные по духу. И все делают для того, чтобы выжать у населения недовольство перестройкой. Захочу — и колбас не выделывают. Знай, мол, наших! И без хлеба могут оставить. И оставляют: не выпекут и в магазин не завезут. И жуй что хочешь. Поневоле сам скажешь: «Доперестраивались!» Торговлю спиртным превратили в дразниловку, а делают вид, что они здесь якобы ни при чем. Верхи, мол, верхи виноваты... Даже из этого щепетильного противоалкогольного вопроса высасывают для себя пользу. Действуют все по тому же принципу: «Мы и государство», — который в данный момент переводится так: «Чем хуже государству, тем лучше нам».

Районный клубок держали в своих руках гонимыми и Валентин Овечкин, и Ефим Дорош, и другие писатели-деревенщики, как их окрестили, но так и не нашли кончика ниточки, потянув за который, размотаешь весь клубок. Мне же кажется, что кончик ниточки — это и есть демократия. Чем скорее она распахнет свои крылья в глубинке, тем раньше мы ощутим ее жизнеспасающую силу.

...Как взорвать в глубинке тишину? Почему гроза зачастую проходит стороной? Где стоят громоводы, кто их поставил и как их повалить? На эти вопросы я, как смог, ответил, а что из этого получилось, судить тебе, читатель.

Иван ТОПЧИЕВ,
зав. отделом писем газеты
«Верный путь»

Петропавловский район,
Воронежская область.

Рисунок Сергея ТЮНИНА

1917 • 1987

КОНКУРС ЧИТАТЕЛЕЙ
«ОКТЯБРЬ В МОЕЙ ЖИЗНИ»

ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ

В начале 1919 года в маленьком Льговском поселке Брянска-II была создана первичная организация Российского Коммунистического Союза молодежи. Секретарем комсомольской организации избрали Виктора Толстунова. Центром работы комсомольской организации стали паровозное депо и агитпункт при вокзале. Проводили беседы и читки, митинги и собрания, по просьбе неграмотных солдат писали письма, сообщали сводки с фронтов гражданской войны, ремонтировали вагоны, заготавливали дрова. Им много помогала сестра Виктора, учительница Саша Толстунова, член Брянского губкома РКС(м).

Виктор Толстунов воевал в дивизии Щорса. За смелость в бою, умелую организацию действий пулеметных тачанок в свои 18 лет был удостоен ордена Красного Знамени.

Высылаю фотографии первых комсомольцев. Память о них мы храним верно.

Е. КУЛИНЕНКО,
член совета ветеранов
комсомола
Брянск.

Александра
Толстунова.

Виктор
Толстунов,
1920 год.

отец

ОБ ЭТОМ ЧЕЛОВЕКЕ СОБИРАЛ МАТЕРИАЛ
В ТЕЧЕНИЕ ДЕСЯТИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ СВОЕЙ ЖИЗНИ
ПИСАТЕЛЬ С. С. СМІРНОВ.

ВОТ ЕГО СЛОВА:
«СЕЙЧАС ТАКУЮ КНИГУ НАПИСАТЬ НЕВОЗМОЖНО.
НО Я ВЕРЮ, ЧТО ЕЕ ВРЕМЯ НАСТАНЕТ».

Беру на себя смелость рассказать о жизни дорогого мне человека — моего отца. Сначала представлю: мне 28 лет, окончил Харьковский университет, два года работал в Нигерии, сейчас преподаватель английского, женат, маленькой Анюте всего четыре месяца. Отца знаю лишь по воспоминаниям матери и его друзей, письмам, справкам, анкетам и другим документам. Он умер, когда я был младенцем.

...1943 год. Освобожденный Ворошиловград (Луганск), родной город моей матери. Мама рассказывала: «Тех, кто в оккупации был, на работу не очень-то брали. Меня пожалели: молодая, девчонка совсем. Приняли в военный госпиталь. После фашистского ужаса, после голода отогрелась, немного подкормилась, от страха отошла...» Там она познакомилась с начальником госпиталя майором медслужбы Михаилом Васильевичем Смирновым. Ей — девятнадцать, ему — тридцать шесть, полюбили друг друга. Став красноармейцем, простившись с семьей, последовала мать на запад вместе с госпиталем и вместе с любимым человеком. Повезло: остались оба живы да еще служили не расставаясь. Победу встретили в Восточной Пруссии. Смирнов — уже подполковник, семь правительственных наград.

Отгремела война. Отец получает новое назначение — начальником туберкулезного госпиталя в Риге. В 1948 году родился мой старший брат, которого мама назвала в честь отца Михаилом. И тогда произошел случай, на который мать и внимания, в общем, не обратила. При регистрации брака, а это было после рождения Мишки, она, разумеется, захотела взять фамилию Смирнова, но отец стал почему-то протестовать и ответил: «Мне тебе так много надо сказать, но еще рано, об одном прошу — верь, я честный человек...» А еще мама рассказывала, что отец работал напролет дни и ночи, писал научные статьи по медицине, ездил в Москву на конференции медиков, выступал с докладами. Было ощущение, что он спешит, будто не успеет состояться. Он и маму убедил окончить педагогический институт.

На выпускном вечере в институте — была весна 1949-го — мама узнала, что отца назначили начальником Центрального госпиталя Группы советских войск в Германии (Потсдам). Это означало, что он уедет один, а они с Мишкой придут позже.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ МАТЕРИ:

«Мы писали друг другу ежедневно. И вдруг нет письма день, второй, третий. Я пыталась узнать, что же случилось с Мишей. Все мои хождения, мольбы, слезы, поездки были напрасны — везде стена молчания. Я ничего не понимала, кроме единственного — пришла беда. Потом один из сослуживцев мужа написал своей жене в Ригу, что Смирнов оказался не тем человеком, за которого себя выдавал. Поползли страшные слухи: подполковник Михаил Васильевич Смирнов — враг народа, немецкий шпион. Многие отвернулись, на работу в школу, несмотря на новенький диплом, меня не брали. С трудом устроилась, раскрашивать косынки и шарфы в частную артель.

Приходили с обыском, часто вызывали, расспрашивали о муже. На мои же вопросы отвечали примерно так: «Да перестаньте же о нем думать, он недостойн считаться советским человеком. Вы молоды, красивы, еще создадите семью...»

Неожиданный звонок знакомого нам по госпиталю майора Баева, который захотел встретиться со мной не дома, а в сквере, наконец внес канюю-то ясность. При встрече я узнала, что настоящее имя моего мужа Георгий Эмильевич Рихтер. Узнала еще, что «дело» моего мужа закончено, есть решение прекратить его, и мы скоро увидимся...»

Но встретились мои родители только в Орше в 1950 году в пересыльной тюрьме. Свидание — пять минут, через решетку, в присутствии часовых, когда ни о чем нельзя спросить. Они молчали, не в силах произнести ни единого слова.

Чтобы объяснить все случившееся с моим отцом, рассказать, каким он был человеком, я должен вернуться далеко-далеко назад, к началу нынешнего века. Буду называть теперь его подлинным именем и той фамилией, которую он носил всю жизнь, за исключением периода с 1942 по 1949 год, той фамилией, которую сейчас носит мать и мы, его дети.

Георгий Эмильевич Рихтер родился в 1906 году в г. Онеге Архангельской губернии в семье адвоката, политического ссыльного Эмиля Филипповича Рихтера, потомка давно обрусевших немцев, одного из руководителей восстания 1905 года в Ярославле. В этом же году он был сослан на Север, и только в 1913 году ему с семьей было разрешено поселиться в Киеве.

В Киеве же в 1929 году мой отец окончил медицинский институт, его специальностью стала психиатрия. Он работал в Киеве, Харькове, потом в Москве. Начав с должности ассистента областного Московского клинического института в 1932 году, он через два года становится старшим научным сотрудником Всесоюзного института экспериментальной медицины (ВИЭМ), а еще через два года (в тридцать лет) назначается главным психиатром Москвы, затем заместителем начальника отдела психиатрической помощи Минздрава РСФСР. Параллельно с этим Георгий Эмильевич защищает кандидатскую диссертацию, совмещает преподавательскую работу в психиатрической клинике 2-го медицинского института, которой заведовал известный психиатр В. А. Гиляровский. Отец собрал большой теоретический и клинический материал по проблеме лечения психических заболеваний длительным сном, обобщив его в 14 научных статьях и монографиях. Этой проблемой заинтересовался академик И. П. Павлов, занимавшийся, как известно, изучением физиологии высшей нервной деятельности. Он в то время возглавлял Ленинградский филиал ВИЭМа. Работа отца вызвала резонанс и в Москве, и в Ленинграде. Был снят документальный фильм, появились статьи в газетах и журналах, принята к изданию книга. Судьба отца и время, казалось, были счастливы слиты.

Но в декабре 1937 года в Киеве арестовали мать Георгия Эмильевича, известного врача, мою бабушку. Узнал он о ее судьбе только из справки, выданной 12 декабря 1958 года: «Дело по обвинению Рихтер Анны Теодоровны (Федоровны), 1882 (1883) года рождения, работавшей до ареста врачом-стоматологом в поликлинике № 1 Красного Креста в гор. Киеве, пересмотрено военным трибуналом Киевского военного округа 9 декабря 1958 года.

Постановление от 19 января 1938 года отменено, и дело прекращено.

Рихтер Анна Теодоровна (Федоровна) реабилитирована посмертно».

В январе 1938 года, через девять дней после ареста матери, в Москве был взят Георгий Эмильевич за «связь с врагом народа». Требовали одного — отказаться от матери. Постановлением Особого совещания при НКВД СССР под председательством Берии от 2 августа 1938 года он был осужден на пять лет исправительно-трудовых лагерей и сослан в Коми АССР. Жалобы, заявления, письма лично Сталину, которому он верил безраздельно, не возымели действия.

Письма читателей подготовила Зоя ЗОЛотова.

Подполковник Рихтер-Смирнов.
Восточная Пруссия, 1945 год.

Началась война. В лагере он подавал заявления одно за другим с просьбой отправить на фронт.

ИЗ ОБЪЯСНЕНИЯ ОТЦА ПО ПОВОДУ ИЗМЕНЕНИЯ ФАМИЛИИ:

«Я считал, что в тяжелые годы войны мое место в рядах тех, кто защищал нашу Родину, и дальнейшее мое пребывание в заключении с сознанием незаслуженного осуждения и бесцельности пребывания в лагере стало для меня невыносимым, и я решился на крайний поступок и бежал из лагеря. Я нашел в себе силы пойти на такой шаг только потому, что сознавал себя невиновным и всей душой стремился стать в ряды защитников Родины и делами доказать свою невиновность. Совершить побег я мог только при условии перемены фамилии, так как иначе я был бы задержан при первой проверке документов. Через одного из заключенных, который работал писарем, я получил дубликат справки об освобождении Смирнова М. В., который в эти числа уходил из лагеря в связи с окончанием срока наказания.

16 ноября 1941 года во время этапирования около г. Рыбинска, выпрыгнув на ходу поезда, я ушел из-под стражи, хотя до конца моего срока мне оставалось один год и два месяца. С этой справкой добрался до Северного Кавказа, там в районе, где я устроился на работу, получил на основании ее паспорт и встал на воинский учет. Я долго не мог оправиться после страшной дистрофии. С декабря по февраль 1942 года работал в этом районе врачом, заведовал мед. участком около Нальчика. Но уже в январе стал добиваться направления меня на фронт. Однако в связи с тем, что врачей было мало, меня вначале не отпускали с работы, и только в феврале, после моего повторного заявления, я был зачислен в часть (297 кав. полк, 115 кав. дивизии). Вскоре я был направлен на передовую и до конца войны оставался на фронте. Перемена фамилии, я не только не совершил ничего порочащего меня, как офицера и члена партии, но на деле в самые тяжелые годы войны доказал свою преданность Родине... Об этом свидетельствуют материалы моего офицерского и партийного личного дела».

Такова вкратце история жизни моего отца до сентября 1949 года, когда он в Потсдаме, будучи начальником госпиталя, случайно встретил кинорежиссера, приехавшего снимать фильм о нашей победе и знавшего отца по Москве. Случай этот еще раз перевернул его судьбу. Режиссер узнал отца, служившего, как известно, под чужой фами-

лией. Надо сказать, что у отца бывали и раньше неожиданные встречи. Так, на фронте он был связан по работе с В. М. Баншиковым, начальником фронтового эвакуационного пункта, профессором психиатрии, с которым встречался на научных конференциях и даже дома. Но все обходилось без единого вопроса. Обходилось даже, когда отца шантажировали бывшие заключенные, сидевшие с ним, требовали денег за сохранение тайны.

Потом, через много лет, он рассказывал матери, что на этот раз не спал ночь, предчувствуя арест. Утром, проведя планерку, он увидел подъехавшие машины, спокойно попрощался с врачами и со словами: «Вы за мной? Я готов», — вышел навстречу прибывшим.

Почти год, до августа 1950 года, велось следствие. Допрошены десятки людей, проверена вся жизнь, особенно военные годы. Он начал рядовым. Вскоре за личное участие в боях получил свою первую медаль. В составе 51-й армии участвовал в обороне Сталинграда, награжден там орденом Красной Звезды за вынос раненых с поля боя. Впоследствии заслужил и вторую Красную Звезду. Был ранен, контужен. Безупречное поведение, заслуги отца были столь несомненны, что военный трибунал его оправдал (!), вынес решение: дело прекратить за отсутствием состава преступления. Но Военная Коллегия Верховного Суда СССР в те годы решение это не утвердила, и Г. Э. Рихтер был осужден на пять лет за побег и за незаконное хранение трофейного пистолета, который был изъят при обыске у моей матери на квартире в Риге.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ МАТЕРИ:

«В лагере Георгий Эмильевич работал врачом. Просил меня выписывать литературу по психиатрии. Каждый раз, когда я ездила в Москву с просьбами о помиловании, он умолял обязательно побывать в библиотеках и переписать рефераты новых советских и зарубежных работ по психиатрии.

В 1953 году мой муж попал под амнистию в связи со смертью Сталина. Писал о скором возвращении, о том, что сегодня выпустили троих, завтра еще уезжают пятеро... Наконец уехали все, но его задерживали. Еду снова в Москву, уже на прием к министру юстиции Горшенину Константиновичу Петровичу. Сейчас даже не верится в тот счастливый случай 28 апреля, в день моего рождения. Иду по пустому коридору, и спросить не у кого, где кабинет министра. Наконец мне указали. Вхожу. Рассказываю. Меня выслушивают. Подает письмо мужа. Было задано несколько вопросов, и среди них один, решивший, по-моему, его судьбу: «Ваш муж немец по национальности?» «Нет, он русский, в деле записано», — отвечаю. И сразу резолюция — освободить. Неправдоподобно, но это факт. Через месяц мой муж, Рихтер-Смирнов, вернулся в Ригу».

Ни дня отдыха отец себе не дал. Сразу же устроился на работу в психиатрическую больницу заведующим отделением. В течение года пишет кандидатскую диссертацию (документов о присвоении ему ученой степени в 1938 году не сохранилось). Успешно защищается. После выступления в Москве на съезде психиатров в 1956 году получает приглашение на должность старшего научного сотрудника, заведующего организационно-методическим отделом в Харьковском НИИ неврологии и психиатрии. В институте он возглавляет организацию психиатрической помощи на Украине, ведет педагогическую работу, читает лекции в Ужгородском университете. Одновременно пишет докторскую и заканчивает ее за два года. Защита была назначена на 17 ноября 1959 года.

Еще 10 апреля 1957 года отец был реабилитирован по первому делу. Выписка из справки: «Привлечение к уголовной ответственности и заключение в ИТЛ гр-на Рихтера Г. Э. признано необоснованным, и поэтому постановление Особого совещания при НКВД СССР от 2 августа 1938 года отменено и дело производством прекращено за отсутствием состава преступления».

Гр-н Рихтер Георгий Эмильевич по указанному выше делу реабилитирован.

На основании решения от 8 сентября 1955 года Рихтеру Г. Э. время нахождения в местах заключения, а также время пребывания в ссылке засчитывается как в общий трудовой стаж, так и в стаж работы по специальности, и он имеет право на получение двухмесячной заработной платы, исходя из существующего на день реабилитации месячного оклада, по должности, занимаемой до ареста».

Ровно через год, 18 апреля 1958 года, отец получил еще одну справку, в которой значилось: «Дело по обвинению Рихтера Георгия Эмильевича, арестованного 17 сентября 1949 года, пересмотрено Военной Коллегией Верховного Суда СССР от 30 января 1958 года».

Приговор военного трибунала войсковой части 48240 от 11 августа 1950 года в отношении Рихтера Г. Э. отменен и дело за отсутствием состава преступления прекращено».

Перед отцом встала новая задача — восстановление в партии в связи с реабилитацией. Первичная партийная организация отказала в восстановлении по следующим мотивам, как пишет сам отец: «Во-первых, потому что в членах партии я состоял как Смирнов М. В., а ходатайствует о восстановлении Рихтер Г. Э., и бюро не знает, кого же следует восстанавливать. Во-вторых, вступая в

члены Коммунистической партии в 1942 году под фамилией Смирнов, я не рассказал о том, что бежал из лагеря и жил под чужой фамилией». Секретарь парторганизации О. Р. Степаненко высказала мнение, что реабилитация Верховным Судом еще ничего не доказывает, и если реабилитация дала отцу право свободно жить и работать, то это вовсе не значит, что партия может ему доверять. Администрация института обвинялась в недостаточной бдительности, потому что приняла на работу дважды судимого человека.

ИЗ ОТВЕТНОГО СЛОВА ОТЦА НА СОБРАНИИ ПРИ ВОССТАНОВЛЕНИИ ЕГО В РЯДАХ КПСС:

«Я не обманул партию. Я не скрывал в своей биографии никаких преступлений, я был не виновен перед партией, и мне нечего было, по существу, скрывать... Ведь я не мог и потом прийти и все сказать партии. Между мной и партией стоял Берия и его аппарат. Я никогда не был бы допущен до этого разговора, и ничто не могло бы меня спасти, никакие заслуги. Значит, надо было просто принести себя в жертву, перечеркнуть всю жизнь. Было бы это правильно? Я понимал, что в отношении меня совершена несправедливость, но никогда не отождествлял ее с партией. Скажу, как я понимал тогда ситуацию, что кто-то, как теперь выясняется, враг партии Берия, ведет борьбу против партии. Мой приговор был подписан им. И я считал, что я выполняю мой долг перед партией, а он состоял в том, чтобы идти на фронт, защищать Родину, бороться с фашизмом. И я честно служил партии».

Мое стремление восстановиться не связано с какими-то внешними мотивами. Передо мной и как перед беспартийным оторываются дороги — кафедра, работа, но для меня это важно, как признание моей честности, как последний этап моей реабилитации и снятие всего того, в чем я был незаслуженно обвинен, из-за чего я столько лет страдал.

Я хочу, чтобы партия, как мать, поняла меня, поняла и простила. Я годы ждал этого дня, когда смогу перед авторитетными членами партии рассказать мою жизнь, и верю, что я должен быть полностью реабилитирован и как член партии... Важно не имя, которое я принял, а что я делал под этим именем, почему и для чего я его принял.

В моем восстановлении есть два вопроса. Не восстановив меня, не реабилитировав меня в партийном отношении, значит, признать меня виновным и лишить меня права считать себя честным человеком. Это незаслуженно, но это личный вопрос. Но есть и другая сторона. Ведь я могу быть полезным партией, я хочу служить ей, я смог сделать это в самые трудные годы и в тяжелой ситуации, так разве сейчас я не могу быть ей полезен? Ведь я не боюсь отдавать партии мою жизнь и готов и сейчас для нее на все. Правильно ли будет с этим не посчитаться?»

Вскоре, незадолго до смерти (а умер отец 7 ноября 1959 года от инфаркта, не дожив десяти дней до защиты докторской), он был восстановлен в партии.

Мой рассказ об отце — лишь схема, внешняя канва, которая только наметила основные вехи его жизни. Знаю, что он был заботливым мужем и нежным отцом. Сохранились десятки писем и записок в роддом к матери моей, Ирине Андреевне Рихтер, по поводу ответственного события — появления на свет младшего сына, Андрея, коим я и являюсь. Нежность его к матери моей была безгранична.

«28 апреля день рождения Ирошки. Поздравляю Вас с ним и благодарю за то, что Вы вырастили такую замечательную дочь», — писал он моей бабушке по линии матери Неониле Сергеевне. Больно, что я принес ей столько горя и несчастий, но именно они еще раз показали все ее хорошие качества. Очень прошу в день ее рождения купить цветов и сказать, что они от меня. Лучше всего сделать это утром, когда она еще будет спать. Я делал так раньше, когда мы были вместе...»

Хочу сказать, что мама моя выдержала все, только очень поседела, работает логопедом, живет вместе с сыном Михаилом. Он окончил Харьковский медицинский институт.

И еще одно письмо не могу не процитировать, письмо О. Г. Виленского, бывшего аспиранта моего отца:

«Весь облик Георгия Эмильевича соответствует представлению о человеке исключительно волевым, мужественным, решительным и, как еще тогда казалось, несколько жестким. Голос его был твердым, он как-то чеканил слова. Казалось, что он создан для крупных организационных дел, что он мог бы быть военачальником. Но когда я заговорил с ним впервые наедине, я увидел поразительно мягкого, душевного, деликатного и утонченного человека... Живя и работая в чрезвычайно тяжелых условиях, он никогда не бывал раздраженным, угрюмым или озлобленным... Мне часто казалось, что он испытывает свои силы, что он играет с жизнью и смертью, так много он работал, так много ездил, так активно и напряженно жил...»

Перебираю бумаги отца, их сохранилось много — черновики, наброски, писем, и это понятно, ведь ему приходилось все время защищаться. Я думаю, его жизнь интересна не только как судьба одного-единственного человека. Она — часть сложной истории нашей страны. Она поучительна и замечательна, ибо является примером нравственной стойкости советского человека, преодолевшего все невзгоды, бесконечно верившего в счастливую жизнь в нашей стране.

А. РИХТЕР

Харьков.

ЭПОХА В ЛИЦАХ

Дмитрий ШЕЛЕСТОВ,
доктор исторических наук

Повод для этих заметок — выход в 1987 году двух новых фундаментальных однотомных энциклопедий. Они встали на книжные полки в преддверии семидесятилетия Советской власти и имеют самое прямое отношение к изучению ее становления. На переплете одной из них вытиснено «Великая Октябрьская социалистическая революция», на переплете другой — «Гражданская война и военная интервенция в СССР».

Факт появления двух изданий, взаимосвязанных между собой не просто хронологически, а единой эпохой Великой борьбы 1917—1920 годов, как назвал ее В. И. Ленин, является примечательным. И это следует особо подчеркнуть. Взятые вместе два рассматриваемых тома — своеобразный шаг к реализации давно назревшей потребности в «сквозном» освещении истории рождения и утверждения Советской власти.

Здесь уместно вспомнить, что в начале 30-х годов по инициативе М. Горького было принято решение о создании шестнадцатитомной «Истории гражданской войны в СССР». Начатая с большим энтузиазмом, ее подготовка приняла затем драматический характер. Еще в 1932 году в план издания были включены положения статьи К. Е. Ворошилова «Сталин и Красная Армия», которая стала сигналом постепенного внедрения в историческую науку представлений, связанных с культом Сталина. К концу 30-х годов из восьми членов Главной редакции остались только четверо (Сталин, Молотов, Ворошилов, Жданов), погиб С. М. Киров (1934 год), умер М. Горький (1936 год), застрелился Я. Б. Гамарник (1937 год), был арестован и погиб (1940 год) А. С. Бубнов. Из восемнадцати составителей вышедшего в 1935 году первого тома, имевшего вводный характер и рассматривавшего период от 1914 года до октября 1917 года, одиннадцать вскоре были подвергнуты репрессиям. Изданный в 1942 году второй том, посвященный событиям Октября, уже полностью трактовал их в духе положений книги «История ВКП(б). Краткий курс», которая на долгие годы — с конца 30-х до середины 50-х годов — стала «эталонном» в освещении истории советского общества.

На долгие годы заглохла и работа над «Историей гражданской войны в СССР». Ее завершение, возложенное на ИМЛ при ЦК КПСС, стало возможным только после XX съезда КПСС. В 1957—1960 годах появились три последних тома (издание было сокращено), сыгравшие важную роль в изучении борьбы с интервентами и белогвардейцами.

Одновременно стало нарастать изучение революционных событий 1917 года и их кульминации — истории Великой Октября. Такое «развеивание» двух тесно взаимосвязанных начальных периодов становления эпохи социализма, с исследовательской точки зрения, вполне оправдано, так как дает возможность глубже проникнуть в ход событий революции и ее героической защиты. Но тенденция «сквозного» изучения Великой борьбы 1917—1920 годов не заглохла. Она наиболее ярко выявилась в деятельности возглавляемого академиком И. И. Минцем Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции». Полагая, что Научный совет, под грифом которого вышла энциклопедия «Великая Октябрьская социалистическая революция», должен сделать логический шаг к объединению ее в едином двухтомном издании с энциклопедией «Гражданская война и военная интервенция в СССР».

Материалы обеих энциклопедий многообразны. В них значительное место занимают статьи о деятельности ленинской партии, ее органах, конференциях, съездах, наиболее важных мероприятиях. Впечатляющие таблицы увеличения численности большевистских рядов в 1917—1920 годах, отражавшего укрепление влияния партии, ее неуклонно возрастающую роль в революционной борьбе масс, создания и защите Советского государства. Важной особенностью энциклопедий стал конкретный показ революционной борьбы и гражданской войны в масштабах всей страны. В них, пожалуй, впервые дана столь широкая серия справок о развитии событий во всех губерниях и областях, национальных районах страны. Тем самым резко повысился реальный показ решающей роли народных масс в истории, особенно в ее революционные эпохи, о чем часто говорится в декларативной форме и что совсем не просто раскрыть на деле, особенно в справочных изданиях.

Отмечая это достоинство энциклопедий, надо

ли удивляться и тому, что их материалы насыщены упоминаниями о сотнях и тысячах активных участников революции и гражданской войны. Кроме того, едва ли не треть статей обеих энциклопедий относится, говоря языком специалистов, к «персоналиям». Остановимся на этой категории статей, неизменно привлекающей широкое читательское внимание, несколько подробнее.

Обширные галереи статей, содержащих справочно-биографические данные о руководителях и мастерах революции, о командирах и героях гражданской войны, а также и о крупных лидерах враждебного лагеря, — уже много лет не новостью в наших энциклопедических изданиях. Почему же они до сих пор вызывают не только познавательный, но и какой-то особо повышенный, может, даже обостренный интерес?

Представляется, что одна из причин этого — сложившаяся в 30—40-е годы и отчасти еще не изжитая традиция волевого «вычеркивания» из истории тех или иных реально действовавших в них личностей. Такая «традиция» противоречит марксистско-ленинскому освещению истории, в том числе и в энциклопедических изданиях, биографические справки в которых не являются неким «знаком отличия» или особого расположения, а констатируют действительный (и нередко общеизвестный!) факт активного участия того или иного деятеля в определенных событиях, что, разумеется, никак не исключает в необходимых случаях его критическую оценку. Эта очевидная истина никак окончательно не пробьет себе дорогу, в чем немалую роль играют застойные наслоения, оставшиеся от 70-х годов.

При этом иногда возникают ситуации, которые иначе, чем парадоксальными, не назовешь. Ровно тридцать лет назад вышла после более чем четвертьвекового замалчивания знаменитая книга Д. Риды «Десять дней, которые потрясли мир», в свое время высоко оцененная В. И. Лениным. За три десятилетия она не раз переиздавалась (последний раз в этом году), стала широкодоступной. В ней названы десятки активных участников революции, о которых в комментариях к книге, естественно, даются справки. Но попробуй найти такие справки о некоторых из них в выпусках энциклопедии «Великая Октябрьская социалистическая революция» 1968 и 1977 годов.

В нынешнем ее издании помещены биографические статьи о Бухарине, Зиновьеве, Каменеве, Раскольникове, Рыкове, Троцком, Шляпникове. Однако было бы напрасно искать соответствующие статьи в почти одновременно появившейся энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР», хотя (и это тоже широко известно!), скажем, Зиновьев являлся в то время председателем Петроградского Совета и с 1919 года кандидатом в члены Политбюро ЦК РКП(б); Рыков был в 1918—1920 годах председателем ВСНХ и чрезвычайным уполномоченным Совета Труда и Оборона по снабжению Красной Армии и Флота, а Троцкий — наркомвоенмором, председателем Реввоенсовета Республики и с 1919 года членом Политбюро ЦК РКП(б).

Традиция, о которой сказано выше, проявляется не только в искусственном ограничении справочно-биографических материалов, но и в обезличивании другой энциклопедической информации, особенно о деятельности высших партийных и государственных органов. Так, помещенная в только что названной энциклопедии в целом содержательная статья о Центральном Комитете РКП(б) в 1918—1920 годах упоминает, кроме В. И. Ленина, лишь одну фамилию — Е. Д. Стасовой. В статье сообщается, что с 1919 года начали работать такие важнейшие органы ЦК, как его Политбюро и Оргбюро, каждое в составе пяти человек. Но кто входил в их состав, не сказано. Это тем более неоправданно, что, затратив некоторые усилия, можно частично получить такую информацию из других статей. К примеру, в статье о Н. Н. Крестинском сообщается, что в 1919—1921 годах он был членом Политбюро и Оргбюро ЦК, а также занимал пост Секретаря ЦК до весны 1921 года, когда после X съезда партии секретариат был реорганизован и Генеральным секретарем ЦК с апреля 1922 года стал И. В. Сталин. Впрочем, об этом в упомянутой статье о ЦК также ничего не сказано.

Все это и является одной из причин, сдержанно выражаясь, обостренного интереса к «персоналиям», когда каждое новое издание энциклопедий становится как бы индикатором ответа на вопросы, «кого уже дали, а кого опять (или еще) не дали?». Такой подход — об этом и писать как-то неловко, настолько ясно всем — ничего не дает, кроме разговоров и слухов, порождает невежество и неуважительность к своей истории, приводящие к тому, что, как это уже отмечалось в печати (см.,

например, «Известия», 20 июля 1987 г.), десятки миллионов людей не знают, кто возглавлял Советское правительство после В. И. Ленина. Прочитайте последний выпуск (1986 г.) «Советского энциклопедического словаря», изданием которого мы справедливо гордимся, и увидите, что из восьми руководителей Советского правительства, чья деятельность ушла в прошлое (А. И. Рыков, 1924—1930 гг.; В. М. Молотов, 1930—1941 гг.; И. В. Сталин, 1941—1953 гг.; Г. М. Маленков, 1953—1955 гг.; Н. А. Булганин, 1955—1958 гг.; Н. С. Хрущев, 1958—1964 гг.; А. Н. Косыгин, 1964—1980 гг.; Н. А. Тихонов, 1980—1985 гг.), о двоих (Рыкове и Маленкове) нет даже краткой справки. А ведь с ними, как бы к этому ни относиться, были связаны в общей сложности почти десять лет деятельности нашего высшего органа исполнительной власти!

Заканчивая размышления о «персоналиях», нельзя не сказать и о явлении, которое образно можно было бы назвать «косвенной фигурой умолчания». Оно выражается в том, что справочно-биографическая статья о той или иной личности публикуется, но составлена таким образом, что читатель порой диву дается: как эта личность могла что-то сделать в революции, занимать высшие партийные или государственные посты, наконец, как ее терпел в своем ближайшем окружении В. И. Ленин?

Здесь особенно сильны стереотипы полувековой давности, наше сохраняющееся до сих пор неумение раскрыть многообразие и противоречивость эпохи, а действовавших в ней людей — во всей сложности их поступков. Еще раз подчеркнем необходимость критического освещения их деятельности, но это не исключает и другую необходимость — в строгом соответствии с исторической правдой раскрыть то реальное, что было сделано данным конкретным участником событий.

И еще об одном — о замалчивании в энциклопедиях последних лет того (вновь всем известного факта!), что жизнь многих активных участников революции и гражданской войны трагически оборвалась в конце 30-х годов. Можно даже установить, когда такое «замалчивание» было без огласки навязано. Возьмите с полки первый том «Советской исторической энциклопедии», датированный 1961 годом, и увидите, что там без обиняков сообщалось о судьбе погибших во время ежовско-бериевских репрессий. А затем наугад откройте любой том третьего издания «Большой Советской Энциклопедии», осуществленного в 1970—1978 годах, и убедитесь, что такая информация начисто исчезла. Так, между прочим, обнаруживается еще одна функция энциклопедии — по ним в некоторой степени можно изучать время.

Думается, читатель увидит, что подробное обращение к «персоналиям» высвечивает многие (хотя, конечно, не все) изъяны современного изучения истории советского общества, вызванные перестройкой и приспособленчеством, которые дают на нашу науку не только извне, но «имеют место» и внутри ее самой и, к сожалению, совсем не в некоторых, отдельных случаях, как иногда аккуратно выражаются.

Обе энциклопедии ушли в набор почти сразу после XXVII съезда КПСС и были подписаны к печати накануне январского (1987 года) Пленума ЦК КПСС. Естественно, в них не могли отразиться перемены, наметившиеся в исторической науке, тем более что пока идут главным образом споры о путях ее развития, конкретные исследования еще впереди.

Но дух начавшихся перемен они, конечно, могли и должны были воспринять. Во всяком случае, составители энциклопедии «Великая Октябрьская социалистическая революция» это попытались сделать, современность застала их в пути.

Иной оказалась позиция тех, кто определял судьбу энциклопедии о гражданской войне и интервенции. В нее включили ряд новых важных статей (об истории изучения — историографии проблемы, партийно-комсомольском подполье, численном росте РКП(б) в 1918—1920 годах и некоторые другие), но фактически она является простой перепечаткой того, что было подготовлено в 70-е — начале 80-х годов и издано в 1983 году. Ее составители вроде бы заняли выжидательную позицию, а может, и придерживаются высказываемого сейчас некоторыми историками мнения о незыблемости «общепринятых исторических концепций».

Снятые с печатных машин, новые справочные издания, посвященные эпохе рождения советского общества, шагнули на книжные полки. Началась их самостоятельная жизнь. Она будет продолжаться до тех пор, пока на смену не придут другие энциклопедии, которые выразят непрекращающийся процесс научного познания истории Великой борьбы 1917—1920 годов.

Владимир МИШИН,
фото Игоря ГАВРИЛОВА

АНСАМБЛЬ «МОДЕРН ТОКИНГ» ОЖИДАЛИ В МОСКВЕ НАЧИНАЯ С ФЕВРАЛЯ. ЗАГОДА ПРОДАЛИ ВСЕ БИЛЕТЫ НА КОНЦЕРТЫ. ПРИЕХАЛ ТОЛЬКО ОДИН ИЗ ЗАПАДНОГЕРМАНСКОГО ДУЭТА — ТОМАС АНДЕРС. КОГДА ВМЕСТО ПЕНИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬ ЛИШЬ ОТКРЫВАЛ РОТ, А СЕМНАДЦАТЬ ТЫСЯЧ ЗРИТЕЛЕЙ СЛУШАЛИ МАГНИТОФОННУЮ ЗАПИСЬ, НЕДОУМЕНИЮ НЕ БЫЛО КОНЦА...

«3»

везда» решила пошалить, едва ступила на московскую землю. Инициатором неоправданных действий выступила его супруга Нора. Здание аэропорта Шереметьево гости покидали, закрыв лица и отказавшись сказать хотя бы слово встречавшим их журналистам и телевизионщикам. Предложенные номера «люкс» в гостинице «Советская» команду Андерса не устроили. Потрясающая пачка билетов на обратный путь, менеджер в категоричной форме требовал у организаторов «жилья поудобнее». Недоумевал директор «Советской» В. А. Мишутин: как же так, в гостинице останавливаются почетные гости города, она удовлетворяла и писателя Грэма Грина, и губернатора штата Нью-Йорк Куомо, и эстрадных знаменитостей Мирей Матье и Адриано Челентано...

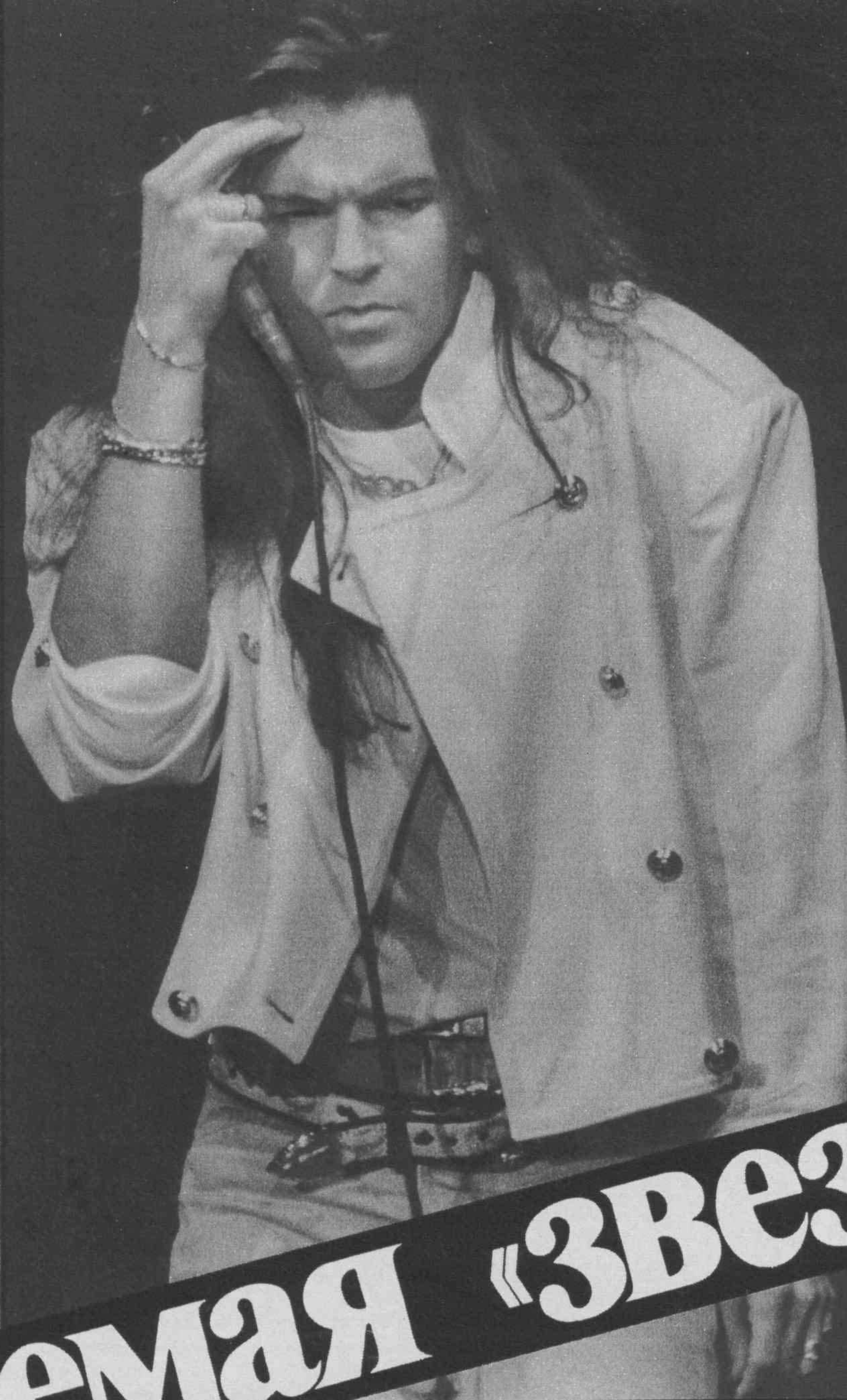
— В номерах сыро, мы очень боимся простудиться, — так мотивировала свои действия Нора Андерс.

Тут, как говорится, на вкус и цвет... Кого-то пугает «Советская», кому-то и апартаменты в «Международной» кажутся тесноватыми. Только гостиницей дело не кончилось. Репетиции программы «Томас Андерс шоу» ни в

первый, как было запланировано, ни на следующий день не состоялись. Буквально перед самым началом выступлений выяснилось: никакие репетиции гастролерам и не нужны были, концерты почти целиком проходили под аккомпанемент... фонограммы!

— Такие условия поставила перед нами фирма грамзаписи «Ариола-Ханза», — разъяснили приезжие.

Допустим, это так. Но зачем? И знали ли об этом в Госконцерте СССР, за каждые два часа «липового» (иначе не назовешь) шоу солидно расплачиваясь в валюте? Заместитель директора Госконцерта А. В. Седов публично отказался огласить, во

немая «звезда»

сколько обошлось «уникальное» приобретение, мотивируя отказ соблюдением некоей «коммерческой тайны». Тем не менее в кулуарах называлась сумма в 12,5 тысячи долларов! Если принять ее к сведению, окажется, что исполнители куда более высокого ранга берут за настоящую работу значительно меньше. Билли Джоэл из США совсем недавно выступал в Москве практически бесплатно. Мы не претендуем на окончательность выводов, но, если распоряжаться деньгами — немалыми, — быть может, это надо делать более умело и профессионально?

Порядки в зале устанавливали иностранцы, и больше всех пострадали журналисты.

— Если после трех номеров я замечу у кого-либо в руках фото- или видеокамеру, магнитофон или еще что-нибудь, — разобью! — пригрозил представитель фирмы «Мультимедиа» Гидо Карб.

— С Томасом все будут говорить только по-немецки, — заявил он же перед пресс-конференцией.

В музыкальном отношении концерт был бледен. Не спасали ни лазерное шоу, ни солидный вид многотонной аппаратуры. В первом отделении тот, на которого шли, на сцене так и не появился. Пели Ронни и Свен из западноберлинского дуэта «Твинз».

— А мы покупали дорогие билеты и ожидали совсем другое, нам так хотелось увидеть настоящих «Модерн токинг»! — говорили нам в антракте Аня и Света, восьмиклассницы из Подмосквы. Да только ли они?

Томаса с женой возила по городу черная «Чайка». Ни одна знаменитость, включая долго ожидаемого Челентано, так высоко себя не поднимала. А как в собственных глазах? Действительно ли Андерс считает представляемую им музыку лучшей в мире? Об этом спрашивали на пресс-конференции, которую буквально уговорили его провести.

— Я не хочу себя с кем-либо сравнивать. Вопросы о популярности задавайте зрителям, которые приходят на концерты.

— Можно ли всерьез говорить о популярности группы, которую толком так и не видели на сцене? Ведь «Модерн токинг», записав три неплохие пластинки, на четвертой сломались...

— Нас покупали, значит, мы нравились.

— Надеетесь ли вы на успех в будущем?

— На ближайшее время он нам обеспечен...

ПОЭТИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ

РУССКАЯ МУЗА XX ВЕКА

ВЕДЕТ ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

КОНСТАНТИН МИТРЕЙКИН 1905—1934

В сборниках «Бронза», «Я разбиваю себя» — заметное влияние конструктивизма. Мне кажется, что у Митрейкина остались нераскрытые творческие возможности. Жертва остроумия Маяковского. Помните: «Кудреватые Митрейки, кудреватые Кудрейки...»

ЭЛЬКИНЫ ИЛЛЮЗИИ (отрывок)

Кто не думает — тот не страдает.
Тот бредет по тропинке привычки.
Тот оптимист по влечению. Тот
Бойтись столкнуться с ветром.

Тот всюду и всем доволен.
Тот консерватор. В его глазах
Самое худшее зло — перемена.
Я мучаюсь — следовательно,
я размышляю.

Вечер. Шумит за окном ветер.
Осень тащит, как невод, ливень.
По-осеннему мне тоскливо. Утром
Горлом пошла кровь. Грустно
Чуть на душе, но не больно.
Ты не приходишь. Я начинаю
дневник.

Я хочу говорить с тобою, Тасенок,
И время, пространство
и неизвестность
Не отнимут тебя от меня.

Есть человеческие жизни, похожие
на дремотные озера.
Другие похожи на закатные светлые
небеса

Со взбитыми на них пенными
облаками.

Есть жизни широкие, как
оренбургские степи.
Иные похожи на горные вершины,
квадратные, обостренные,
Другие куда-то торопятся,
словно надутые паруса,
И вдруг, чуть упадет ветер,—
они опадают и вянут.

Мне кажется, что я похожа на речку.
В моем течении есть широкие заводи.
В них сновиденьями проходят облака.
Леса
Опрокинуты в них. Тишина.

Но вода течет.
Вода меняется, и под мнимой
неподвижностью
Пulsирует трепетное течение.

Сила,
Которая готова обрушиться
на первое препятствие.

АНАТОЛИЙ ОЛЬХОН (псевдоним А. ПЕСТЮХИНА) 1903—1950

Наследие Ольхона, прожившего большую часть жизни в Иркутской области, огромно (более сорока книг). Во время войны пользовалось огромной популярностью в Сибири его стихотворение об обручальных кольцах, пожертвованных в фонд обороны. Лучшее произведение Ольхона — поэма «Ведомость о секретном преступнике Чернышевском за 1862—1863 гг.», из которой мы приводим отрывок. Вся поэма написана на основе сибирского бродяжеского фольклора.

ПЕСНЯ СИБИРСКОГО ТРАКТА

Гонит желтые листочки,
Гонит ветер гулевой,

ГРИГОРИЙ ПЕТНИКОВ 1894—1971

Один из сподвижников Хлебникова, участвовавший вместе с ним в манифесте «Труба марсиан».

КОНЕЦ СВЕТА

Я. ван Годдис
Слетает шляпа с головы буржуа.
Крик в воздухе сковал безликий страх.
Треск падающих крыш. И слышно,
негодую,
Вздувается вода в размытых берегах.

Уж буря здесь. Плотин крутые груди
Штурмуют дикие моря ордой валов.

МИХАИЛ ГЕРАСИМОВ 1889—1939

Один из основателей пролеткультовской группы «Кузница». С 1905 года вел жизнь рабочего-революционера и в России, и в своих скитаниях за границей. Во время революции был председателем Самарского Совета солдатских депутатов. Искренность Гerasимова, однако, не всегда переходила в настоящую поэзию, оставаясь зачастую высокопарно-декларативной. Незаконно репрессирован.

Тучи дремные, с дождями
Слезы льют над головой.

По дороженьке широкой
Арестантики идут,
На дороженьке далекой
Себе кликают беду.

За уральскими камнями
Птичка — в ельничке — снегирь,
Позади тебя — Рассея,
Перед личиком — Сибирь.

Обождите, не спешите,
Эй вы, босы и голы,
Левой рученькой держите,
Придержите кандалы.

По распутью, по росстани,
Помяни родимый край.
На прощальном на привале
Нашу песню запевай.

Чтобы кости не стучали,
Чтобы путь короче был,
Чтобы вы не заскучали
У дорожных у могил.

Кто там лег, не все равно ли?
Знать, такая ж голытьба:
На спине бубновым тузом
Припечатана судьба.

Не зови Сибирь чужою,
Только душу береги:
Места хватит под землею
Для тебя и для других.

И насморком застигнутые люди,
И гулкий грохот рухнувших мостов.
1918.

ПЕСНЯ

Верфель

Проходит день, проходит год,
проходит человек,
И прижимаются плотней
Два яблока на мускулах кривых ветвей.

Из переулка слышен ход телег,
Сквозь облако покачивают
кони морды,
Кружится по холма покатым
бедам

Народ пирующих ворон,
И войско тайное стрекоз,
Как звон струны, летит через
овес.

Тяжелый гул проходит по лесам,
Не узнанный никем бродяга, брат
ветрам.

Я заодно охвачен этим чувством,
Что я, осеннего свидетель пира,
Как птица, дерево, как ход телег,
Дыша, не исключен из мира.

Проходит день, и год, и человек.
1922

ЖЕЛЕЗНЫЕ ЦВЕТЫ

Я не в разнеженной природе,
Среди расцветшей красоты,
Под дымным небом
на заводе
Ковал железные цветы.

Их не ласкало солнце юга
И не баюкал лунный свет,
Вагранок огненная вьюга
Звонящий обожгла букет.

Где гул моторов груб и грозен,
Где свист сирен,
металла звон,

Я перезвоном медных сосен
Был очарован и влюблен.

Не в беспечальном хороводе —
В мозолях мощная ладонь,
Неугасимый на заводе
Горел под блузой огонь.

Вздвух я горн рабочим гневом
Коммунистической мечты,
И опьянен его напевом,
Ковал железные цветы.

ПАЛИТРА

ОТКРЫТЬ СВОЮ ЗЕМЛЮ

Светлана СВЕТЛАНОВА

У каждого народа свадьба — самый красивый и самый характерный праздник, когда в неспешном чередовании предстают свято хранимые и дорогие обычаи, освященные глубоким смыслом. Торжественная протяженность слов, неповторимое очарование взволнованных женских лиц, которых коснулся трепет чьей-то любви, изобилие стола, что накрывается так лишь один раз в жизни. Такую свадьбу в Байсуне пишет Григорий Зильберман.

История и культура узбекского народа, присущее ему чувство красоты и щедрости... Все это живет в его полотнах, полотнах человека, родившегося у моря, в Одессе. Эвакуация занесла семью в Ташкент, где незаметно для себя проросла она корнями, порвать которые оказалось потом не под силу.

В его семье никто не рисовал, но никто и не препятствовал влечению Григория к живописи. Он окончил Ташкентское художественное училище имени П. Бенькова и долгие годы вел поистине отшельнический образ жизни. С мольбертом скитался по горным кишлакам Байсунии, где встречался с людьми, вдохновлявшими его на создание многих картин. В кишлаках не очень-то принимают чужих, но молчаливая, скромная натура пришельца, его приветливость, доброжелательность вызвали доверие у жителей тех мест, где останавливался Григорий Зильберман.

Острый интерес к людям, раскрытие прекрасного и доброго в человеке — основная тема творчества известного живописца. Так получилось, что главными героями его кар-

ДЕВОЧКА С КОСИЧКАМИ. 1985.

Г. И. ЗИЛЬБЕРМАН. Род. 1938. МАЛЪЧИК С ПЕТУШКАМИ. 1981.

тин стали старики и дети. Зильберману присуще глубокое и проникновенное понимание старости. Он умеет читать ее письма, высветлить для зрителя ее глубокую, всепроникающую мудрость и доброту. Эти «нудные и ворчливые» старики — те естественные живые мостки, что связывают нас с прошлым: с конкретным домом, именем, что носим мы, с землей, где впервые осознан был запах отчего дома. И хлеба.

Так уж повелось, что старики и дети — всегда вместе, вот как на картине «Старая мельница». Лицо мельника, его усталые натруженные руки, древним способом добывающие муку, наивная игра старика на маленькой расписной дудочке, что покупается обычно в базарный день детям... «Старую мельницу» в свое время отклонили от показа на выставке в Ташкенте. Но ведь каждый видит именно то, что хочет увидеть! Кто-то увидел насмешку в стариках, дедовским способом обмолачивающих зерно сегодня, в «одной из самых развитых наших республик».

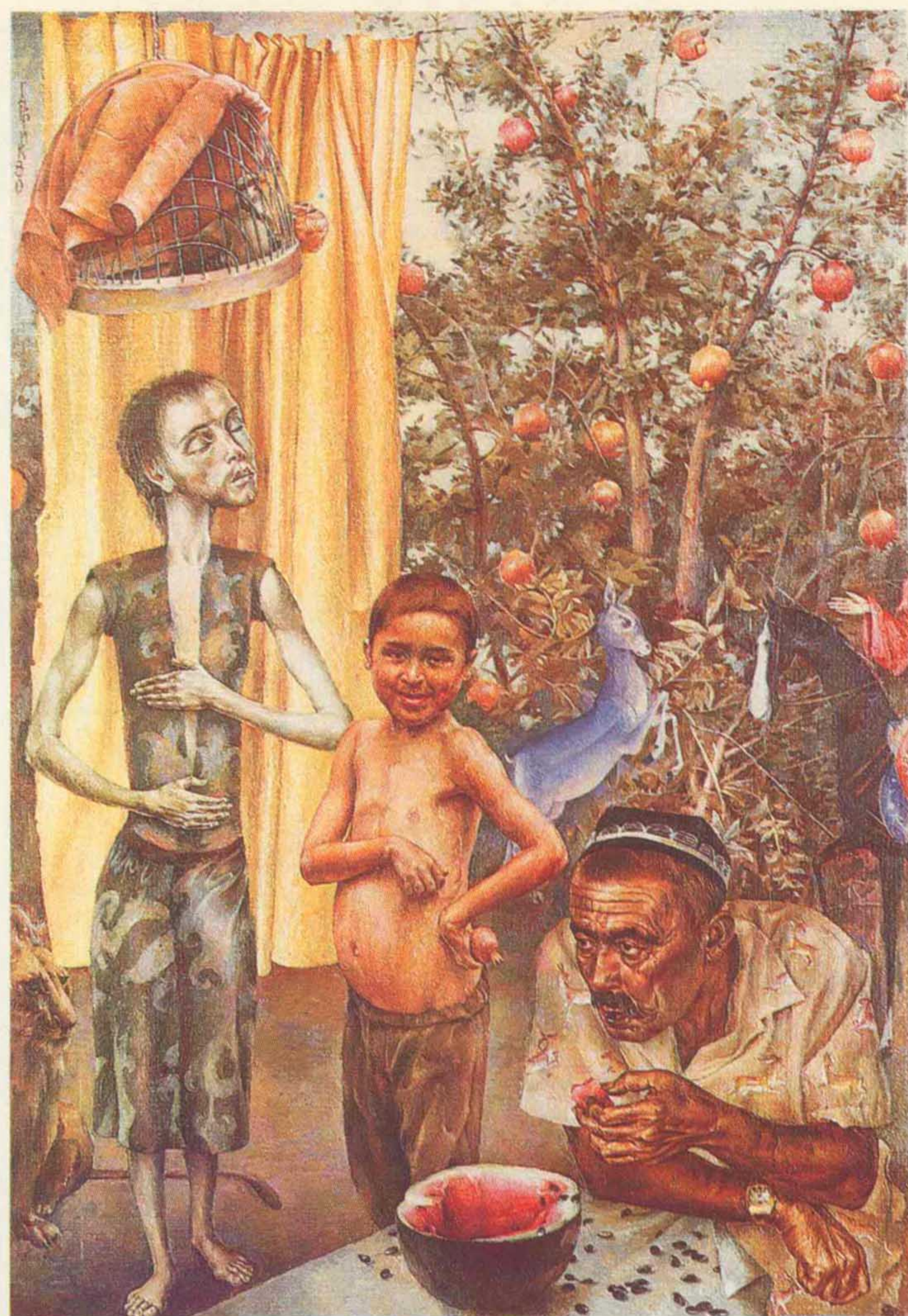
В такой же вынужденной изоляции какое-то время оставалась и его работа «Белая страда», выделяющаяся чистотой, просветленностью не только палитры, но и пронзительно переданным чувством долга нашего перед всеми, кто в страшном напряжении сил служит земле в час ее великого плодородия. Зильберман поднимает человека-труженика на высшую отметку земных ценностей, которую не достигает и само белое золото — хлопок. Уже висевшую накануне открытия выставки работу сняли по мановению руки «ответственного лица». Зачем этот торжественный гимн покло-

нения земле? Нужен комбайн, подтверждающий реальность огромных цифр, еще так недавно бывших символом времени.

Зильберман — не спорщик и не борец в общепринятом смысле этого слова. Он просто знает, что надо работать. Он спешит, никогда не отдыхает, не знает, что такое отпуск. Его картины висят во многих музеях страны, их вывозят на зарубежные выставки. А в мастерской на мольберте уже новое полотно. И надо написать еще столько лиц, окутанных счастьем, смятением, болью.

...Дни Советского Узбекистана в Международном торговом центре. В огромном вестибюле на ветках искусственных деревьев висели клетки с бедной. На айваны подавался плов, а неподалеку красовались изделия искуснейших мастеров Узбекистана — ювелирные, гончарные и многие другие. На одном из мольбертов стояло полотно, с которого смотрела девочка из далекого кишлака в национальном платье из хан-атласа. И в глазах ее было столько чистоты и наивной изумленности открывающемуся миру, что вокруг нее всегда толпились люди. (Эту работу — «Портрет девочки с косичками» — художник передал в Советский фонд культуры, где она была принята с благодарностью).

Как и почему смог художник, не родившийся на земле высоких гор и зеленых долин, проникнуть так глубоко в истоки духовности, культуры целого народа? И вспоминаются пейзажи Кузнецова, «гранатовая чайхана» Волкова, работы Бенькова, открывшие нам, да и не только нам, но и самим старожилам Среднюю Азию.

АРБУЗНЫЕ
КОСТОЧКИ.
1980.

СТАРЫЙ
КУДЕСНИК.
1978.

НАСТАЮЩЕЕ НАСТОЯЩЕЕ,

ИЛИ РАЗМЫШЛЕНИЯ У ПАРАДНОГО ПОДЪЕЗДА

Сергей ЧУПРИНИН

Не так давно в Центральном Доме литераторов открытым голосованием выбирали — и выбрали — короля современной молодой поэзии. Тогда же в московском Дворце культуры «Меридиан» три дня, вперемешку с рок-концертами и выступлениями фольклорных ансамблей, бушевал фестиваль поэтов-«нонконформистов».

Время спрессовывается, день идет за год, фестивальное пламя перебрасывается из клуба фабрики «Дукат» в Центральный Дом архитекторов, оттуда в Дом культуры энергетиков, и если раньше, случалось, некуда было пойти, то теперь энтузиасты «молодежной культуры», а след за ними и охотники за сенсациями носятся из одного конца столицы в другой, чтобы поспеть и на премьеру устной книги, и на дискуссию, допустим, о концептуализме, там послушать в авторском чтении рассказы Виктора Ерофеева, тут стихи Льва Рубинштейна, а в третьем месте предъявить просроченные векселя Союзу писателей и Госкомиздату...

Так в Москве. Но почти то же, по слухам, творится и в других городах, пусть даже в несколько меньшем масштабе. Концертный период бытования молодой литературы продолжается, все возбуждено, взбудоражено, вовлечены в карнавал — но на практической «подкладке» — азарт, все торопится — наверстывают, должно быть, упущенные в предыдущем десятилетии возможности, насмерть бьются с инкомыслами из собственной среды за место у парадных издательских и журнальных подъездов.

По временам тяжелые двери приотворяются, и дальше — по Некрасову: «Возвращаясь, иной напеваает «трам-трам», а иные просители плачут».

Теперь, впрочем, «плачут», как и «просят», редко. Чаще требуют, сочиняют коллективные протесты, образуют инициативные группы, подумывают об «альтернативных» творческих союзах, шлют облитые горечью статьи в газеты и журналы.

Статьи эти сегодня печатают охотнее, чем стихи и прозу молодых. Перелистайте комплекты «толстых» литературных журналов за последние месяцы, вспомните, что анонсировано ими на ближайшую перспективу, и другие доказательства вам вряд ли потребуются. Если раньше — так, во всяком случае, принято думать — воинствующая серость вытесняла робкую свежесть с журнальных страниц, то теперь годами дожидавшиеся волшебной надписи «В набор!» произведения новых (и, как правило, лишь относительно, условно «молодых») авторов сами расступаются перед наконец-то пробившимися к читателю творениями Гумилева и Ходасевича, Набокова и Платонова, Твардовского и Ахматовой, перед неизвестными ранее книгами Трифонова, Шукшина, Рыбакова, Дудинцева, Антонова, Можжева...

Хочу быть верно понятым. Рукописи больших мастеров сего и былого дней, конечно же, должны пользоваться в журналах режимом максимального благоприятствования; кощунственно выстраивать их в общую очередь. Именно они прежде, быть может, всего необходимы сегодня и читателям, и обществу в целом.

Все так. Все правильно. Спорить не о чем. Но... Но как же нам все-таки быть с теми, кто бурлит, выпускает пар в концертных залах (раньше, конечно, и этого не было — на кухоньках, на посиделках друг у друга бурлили), но, как встарь, сникает, чувствует себя докучливым просителем при приближении к парадному литературному подъезду?

Они ждали писательского съезда, но, будем честны, «проблема молодых» была не только не решена, но даже и не поставлена как проблема на его многошумных заседаниях. Они надеялись на обновление редакционных портфелей — и услышали в ответ привычное: «Погодите, ребята, не до вас пока что...»

И нарастает раздражение, словно бы щелочью, проеденное очередным разочарованием: хорош, мол, сказ, да опять не про нас... И в параллель, а зачастую и вперекор литературному процессу, формируемому журнально-издательской политикой, координируемому Союзом писателей, исследуемому критикой, возникает, ширится, вспенивается совсем иной — действительно альтернативный — поток, где все наособицу: и ценности, и трудности, и свои, как видим, «короли», и свое понятие о «наших» и «ненаших».

Думаю, что не только на меня произвели неприятное впечатление телепередача «Молодые литераторы в гостях у писателя Владимира Карпова» и выступления молодых романистов Юрия Сергеева и Сергея Алексеева на последнем пленуме правления Союза писателей СССР (выступления эти были опубликованы в «Литературной газете» и приобрели поэтому широкую известность). Агрессивность всегда отталкивает, особенно если она нацелена на истребление «ненаших» и захват «нашими» монопольного права печататься, представлять всю молодую литературу в целом. Но что же было этой злой агрессивности противопоставлено сначала на телеэкране, а потом и на писательском пленуме? Увещевания? Умиротворяющие жесты: «Давайте... ну, давайте же... ну, мы вас очень просим... давайте жить дружно»?

Ситуация, мне кажется, такова, что увещевания делу не помогут. Проблема молодых нуждается в решении именно как проблема — и литературная, и социальная, то есть в решении принципиальном, ответственном, общегосударственном. Перестройке в литературе требуется не только моральное и идеологическое, но и материальное, организационно-кадровое обеспечение.

Что, в частности, имеется в виду? Общим местом в нашей публицистике стало проведение аналогий между нынешней общественно-творческой ситуацией и той, что сложилась во второй половине 50-х годов. Все сравнения хромают, конечно. Хромает и это, но почему бы нам все-таки не вспомнить, что именно тогда — на протяжении всего четырех-пяти лет — только в столице были созданы (или возобновлены) журналы «Юность», «Молодая гвардия», «Дружба народов», «Москва», «Наш современник», «Театр», «Вопросы литературы», «Иностранная литература», организован еженедельник «Литература и жизнь» (позднее переименованный в «Литературную Россию»), изобретен «День поэзии», составлены два выпуска альманаха «Литературная Москва», открыто издательство «Советская Россия», проведен, наконец, учредительный съезд Союза писателей Российской Федерации... А «Нева», «Север», «Дон», «Подъем», «Волга», «Урал», другие республиканские и региональные издания, тогда же примерно появившиеся и тогда же предоставившие свои страницы не только именитым, но и никому дотоле не известным авторам?..

И пересмотрите-ка под этим углом зрения дискуссию о молодой литературе тех достопамятных лет! Спорили, помнится, отчаянно, крепко, но только не о том, что молодым авторам негде печататься, только не о том, что возвращающиеся к читателю страницы творческого наследия Есенина и Бабеля, Булгакова и Грина, Бунина и Цветаевой будто бы оттесняют на обочину в журнально-из-

дательских планах произведения дебютировавших тогда Тендрякова и Вознесенского, Бакланова и Самойлова, Ахмадулиной и Астафьева.

И только не о том, что молодая литература не представлена обществу именно как молодая и именно как литература.

Что же касается последних двадцати пяти — тридцати лет, то семью литературных изданий пополнили за этот срок лишь критико-библиографическое «Литературное обозрение», а также «Литературная учеба» и «Современная драматургия», имеющие, как видно уже по названиям, свое достаточно специализированное назначение. Возникло, правда, издательство «Современник», но и оно только отчасти компенсировало перевод «Художественной литературы» и «Советской России» на переиздания, на выпуск одно-, двух- и много-томников, собраний сочинений наиболее именитых авторов.

Соотношение между новинками и переизданиями в условиях хозрасчетной издательской политики, похоже, и дальше будет меняться не в пользу новинок, что, как все прекрасно понимают, скажется прежде всего на положении молодых писателей, еще не завязавших сколько-нибудь прочных отношений с издателями, не завоевавших себе пока авторитета в литературном мире.

Я допускаю, что литературные достоинства многих и многих рукописей, грудой сваленных ныне у парадного подъезда, проблематичны, а возможно, и реально не высоки. Тут надо конкретно разбираться с каждым конкретным случаем, и сердце греет надежда, что когда-нибудь и при Союзе писателей, по примеру Союза кинематографистов, заработает конфликтная комиссия, которая выяснит, что из представлявшегося в издательства было отклонено справедливо, обоснованно, а что пало жертвой бюрократического «кабычего-невыхода». Селекция и впрямь необходима, но селекция, отбор и выбор, а не априорное отталкивание, итогом которого в теперешней ситуации может быть лишь все обостряющийся разлад, распадение молодой — и не только молодой — литературы на два неслиянных потока.

Это распадение — будем смотреть реальности в лицо — уже наматилось, и наматилось не сегодня. И ответственными за него следует признать не самих авторов, а тех, кто «пускал» или «не пускал», печатал или не печатал. Вернее, одних печатал, привечал, одаривал хвалебными рецензиями и премиями на разного рода литературных конкурсах, а перед другими наглухо захлопывал двери издательств и журнальных редакций. Что из этого вышло? А то, как заметил критик А. Мальгин, что «до недавнего времени у нас существовали две молодые поэзии. Одна печаталась в журналах и книгах; другая не печаталась нигде».

Ну, с той молодой поэзией (и вообще литературой), что благополучно печаталась и продолжает печататься, все более или менее ясно: это она на протяжении последних десяти — пятнадцати лет давала критикам повод к сокрушенным вздохам и сотованиям, что вот, мол, и в талантах нехватки нет и таланты эти почти все симпатичные, но существенной, принципиальной новизны они с собой не несут и привычный расклад ролей в литературе практически не меняют.

Готов согласиться, что сотования такого рода (грешен, и сам им предавался) объяснялись иной раз близорукостью критиков, инерционностью их восприятия, настроенного преимущественно на творческие импульсы тех писателей, чей путь и облик определились еще в пятидесятые — шестидесятые годы. Готов согласиться и с тем, что в общем шуме и гвалте нелюбознательной нашей критикой не были, как должно, расслышаны пусть не многие — их много и не бывает, — но, безусловно, самобытные, ясные и чистые голоса. Такие голоса среди пробившихся в печать действительно и были, и есть (тут можно назвать, например, прозаиков Петра Краснова и Геннадия Абрамова, поэтов Татьяну Бек, Олеся Николаева, Ольгу Ермолаеву, Татьяну Реброву), но звучали они как-то порознь и нового литературного поколения, подобного, скажем, поколению «шестидесятников», очевидно, не составляли.

Поговорим поэтому о тех, чьи произведения до поры до времени не печатались или — уточним ради справедливости — печатались лишь урывками, словно бы по недосмотру литначальства, но тем не менее звучали — и год от года все отчетливее, все приметнее. Помню изумление, с каким я года четыре назад разбирал почту, пришедшую в «Литературную газету» после публикации там статьи

Да то же самое, что пугало и что до сих пор смущает.

Сложилась уникальная по-своему ситуация: чис-

Такая ситуация требует объяснения. И дело.

Слово «новаторство» — вспомните-ка — в эти

Я лично ничего дурного не вижу в этом типе

Но я вместе с поэтами-«нонконформистами», их

Впрочем, лед, кажется, трогается; и тут, отда-

Преданные поклонники этих молодых поэтов

Возможны и иные претензии к «юностинской»

Почему? Да потому, что эта группа авторов,

Воспитание и труд в семье – первое общее

К. Ковальджи, бесспорно, прав, и действительно

FORGETTING HISTORY: DANCE

© 2000 Blackwell Science Ltd *Journal of Internal Medicine* 247: 399–406

[illegible]

И это, может быть, главное — воспаленное гра-

УНИВЕРСИТЕТ "СВ. СВЕТОСЛАВ" СОФИЯ

(Вл. Друк)

Покупа Москва полудримский стоит Капитолий

2000 年 6 月 2 日 星期五

Что же, воля ваша, читатель. Но согласитесь, что

говоря о восстановлении справедливости, «эко-

* * *

...Но разве это новость для других,
И разве это для тебя догадка?
Однако и при взрывах мировых,
И в тихих заводах миропорядка

Всего труднее быть самой собой —
Сестрой дождя, подругой
снегопада —
И знать, что между небом и землей
Тебе иных посредников не надо.

* * *

Гляжу вперед — и вижу все, что было,
Смотрю назад — не вижу ничего,
Ни жутковатой жизни кочевой,
Ни городской оседлости унылой.

А впереди — спасительная ложь —
Пространства нет, есть только
перекресток.
Где я, старуха, женщина, подросток,
Смеюсь, едва перемогая дрожь,
Когда меня ты за руку берешь,

И вижу я: собрались воедино,
Сосредоточились в лице одном
Всех позабытых лица и личины —
Все города сошлись в один Содом!
Нет времени, а есть пиры и казни!
Нет совести, но есть пятно на ней!
Смотреть вперед — нет памяти
опасней,
Корить тебя — нет слабости
напрасней,
Казнить себя — нет гордости
страшней!

ЧУЧЕЛЬНАЯ МАСТЕРСКАЯ

Все в моем доме давно мне
наскучило —
Кисть и пейзаж на стене,
А мастерская, где делают чучела,
Очень понравилась мне.
Правда стояла в соломенном
вретище,
Выдвинув руки вперед,
Словно ждала, что заблудшее
детище —
Совесть — в объятья падет.
Ложь была в шлеме и в рыцарском
панцире,
В прочной осоке с болот
И раскрывала зелеными пальцами
Густо-коричневый рот.

Инна ЛИСНЯНСКАЯ

ОБОЙДУ ВСЕ РОДНЫЕ МЕСТА

Тут же, березовой шкуркой обмотана,
Совесть косила слегка...
Мальчиком чучело это сработано,
Внуком того старика,

С кем за одной восседала я партою,
С кем развела меня жисть,
Где я металась меж ложью и
правдою,
Пробуя краски и кисть.

ЗНАХАРКА

Что еще рассказать
Вам о жизни беззубой карги?
Разучилась держать
Ручку в пальцах неправой руки,

Десять лет громогласно
Левша утверждает одно:
Что не люди опасно
Болеют, а время больно.

Что имеет в виду,
Я в безумную речь не вдаюсь,
А вернее, беду
На старуху навлечу я боюсь.

Ишь, в бумажном котле
Варит времени зелье-питье,
Насушив на столе
Корни слов и ботвишки шмотье.

И котел сей течет,
И сухие слова — не трава,
Их никто не прочтет
И не выпьет, пока я жива.

* * *

Отходчивый, гневливый
Морской прибой,
Мой норов прихотливый
В родстве с тобой.

Опять в объятья схватишь
И бросишь в дрожь,
Одной волной откатишь,
Другой — прибьешь

К песку, где жизнь шальная
Шла, трепеща,
Одной рукой роняя,
Другой — ища,

И тех, кого любила,
Не берегла,
Одной рукой манила,
Другой — гнала.

ЗАВАРНЫЕ ЧАЙНИКИ

Плохо ль приговаривать
«Жисть как жисть» и чай
Для тебя заваривать
Крепче, чем Китай.

Весь покой отчаянья
Жил во мне, и вдруг
Заварные чайники
Падают из рук,

Вдруг надежда жгучая
В сердце расцвела,
И опять задумчиво
Руки развела,

И смотрю, как зарево
Льется через край...
Больше чай заваривать
Мне не доверяй.

НЕНАПИСАННЫЙ ПОРТРЕТ

Пред злом твоим немею,
А также пред добром.
Еще тебя не смею
Я описать пером,

Лишь с плеч твоих усталых,
Под тяжестью миров,
Сгоняю тварей малых:
То мух, то комаров.

С таким усиьем веки
Подъемлешь иногда,
Как поднимают реки
Напластованья льда.

И свет сквозь роговицу
Болотно-голубой,
И как отроковица
Робею пред тобой.

Неужто без причины
Слились в душе твоей
Испарина трясины
С дыханием полей?

ВОДОЛЕЙ

Никогда ни о чем не жалею —
Что оплакано, то переменится.
Лей слезу, голубой водолей,
На голодную зимнюю мельницу.

Я, твоя лунатичная дочь,
Буду в поле поземку толочь,
Буду вьюгу месить привокзальную.
Пролегла пешеходная ночь
Через всю мою жизнь поминальную.

В мимоходной толпе облаков
Встречу лица друзей и врагов,
И потоком сознания подхвачена,
Я под легкие звоны подков
И под клекоты колоколов,
И под всхлипы души околпаченной

Обойду все родные места
От бакинской лозы до креста
На лесистой московской окраине.
Наша память о жизни — мечта,
Наша память о смерти — раскаянье.

ПАМЯТИ МАНДЕЛЬШТАМА

Неизвестна твоя могила,
Может быть, это — целый свет.
В первом Камне такая сила,
Что последнего камня нет.

Только море, песок и тучи,
Только звезды и семена,
Да на проволоке колючей
Музыкальные письма.

Только музыки русской вера,
Только пчел золотой псалтырь...
У задумчивого Гомера
Опрометчивый поводырь.

же вопреки, быть может, нашим хотениям и ожиданиям...

Сказанное относится в полной мере не только, естественно, к авторам четвертого номера «Юности», но и, например, к Марине Кулаковой, выпустившей в прошлом году тоненькую тетрадку стихов в Волго-Вятском книжном издательстве, и стоит, я думаю, прислушаться к этому простоудно-безыскусному и, может быть, даже наивному голосу, который пока еще только спрашивает, не торопится с ответом, но и право ответить на свои же вопросы не передоверит никому:

Сказать о поколении моем?
Судить о нем — не рано ль?..

Ибо что же
сказать о тех, кто ничего не сделал
еще,
и кто за право быть моложе
пока что права голоса
лишен?

Оно непросто, поколение наше.
Мы полной чашей получили жизнь.
И дом.

И смутное желанье —
ударом опрокинуть эту чашу.

Стоит прислушаться и к Михаилу Шелехову, одновременно с первой своей книжкой — «Слово ненастное, слово лазурное» (М.: «Современник») опубликовавшему цикл стихотворений «Дренаж» в шестом номере «Нового мира». По манере, по стилю мышления и способу высказывания этот поэт в известной мере противостоит своим ровесникам из «Юности», а по сути и смыслу, по оскорбленному, требующему удовлетворения гражданскому, патристическому чувству сближается с ними. Тут вновь и вновь слово берет поколение, заждавшееся больших дел, высокой участи, и слово это — вот что важно — не о себе, не о своих личных видах и обидах, а опять-таки о Родине, о

перепутье, на котором, как в переломные эпохи, оказалась вдруг великая держава:

Хочется что-то иметь для души в этой местности,
Кроме княжения нижегородской бургундии,
Кроме фабричной, пропахшей мазутом

словесности,
Кроме маниловщины и золотой мерехлюндии!
Милое тождество матери, девки и матежи,
Милая дробь Византии, Европы и Азии...
Как утомилась душа от лентяйства и статистики,
А за Петром все не шлют вестовых и оказии.
Стану твоей я кровавой аортою, родина,
Памятью в родинках, линией жизни отважной,
Только бы ты мне напела мелодию Болдина
Горлом соловушки — хрипую трубой

дренажною.

Безупречны ли эти стихи? Сложился ли уже в полной мере и полном объеме облик нового литературного поколения? Не думаю. Но при всей неровности, недовершенности эти строки отмечены искренностью, выделены талантом, признаны социально значимой болью, и это дает нам, я думаю, основание говорить о пяти стихотворениях в «Новом мире», о занявшей восемь страничек в «Юности» подборке и о тридцати-страничной тетрадке горьковской поэтессы как о событии, принципиальном не только для прорвавшихся в печать авторов, но и для самой печати, сделавшей шаг навстречу литературной нови.

А что же проза?..

Тут положение до самого недавнего времени было в точности таким же, как и со стихами, то есть нехватки в публикациях не наблюдалось никогда, но критерием выбора неизменно служила степень похожежности авторского взгляда и почерка на уже утвердившиеся себя каноны «производственной», «деревенской», «молодежной» прозы или в лучшем случае — прозы «сорокалетних» с ее безыллюзорно пристальным вниманием к треклятой нашей обыденности, «рядовому» че-

ловеку, застигнутому как бы врасплох, в суматохе и горячке быта.

Единственным исключением на протяжении последних лет были рассказы блистательно дебютировавшей Татьяны Толстой, и, знакомясь с ее только что вышедшей первой книжкой — «На золотом крыльце сидели...» (М.: «Молодая гвардия»), с ее подборками в недавних номерах «Нового мира» и «Октября», лучше понимаешь, почему именно этот тип прозы у одних читателей вызвал бурный восторг, а у других — столь же бурное негодование. Подействовал, надо думать, принципиальный, «эпатирующий» отказ молодой писательницы как от священных для многих постулатов жизнеподобия, так и от еще более священной установки на тепловатое сочувствие к любому литературному персонажу. Подействовала и изобретательность Толстой в выборе и обработке нетривиальных тем, подействовала, наконец, свежесть голоса, интонации, мелодического рисунка — всегда нового в каждом новом рассказе...

Именно это «необщее выражение» творческого лица тут же выделило Татьяну Толстую из общего ряда дебютантов. Но теперь — с публикацией, например, рассказов Евгения Попова в «Знамени» и Вячеслава Пьецуха в «Новом мире», некоторых других вещей — становится очевидным, что и, помимо Т. Толстой, в этом поколении есть авторы, решительно не похожие на своих предшественников и старших товарищей, достойные разговора по самому серьезному счету — без каких бы то ни было скидок на молодость и профессиональную неопытность.

Такой разговор, я уверен, состоится. Но истинно продуктивным, полезным для общего движения литературы он станет лишь тогда, когда эти «заявочные», «пристрелочные» публикации будут поддержаны новыми, следующими и, может быть, еще более многообещающими, когда неторопливая наша периодика пошире раскроет свои заветные двери перед теми, кто в бездействии томится, а подчас и локтями толкается подле них.

Когда молодая литература — наше настоящее — наконец-то откроется обществу такой, какая она есть на самом деле, без изъятий и пробелов. Такой, какой ее написало время.

К

омандир вертолета Ми-8 Николай Васильевич Полубояров, второй пилот Сергей Васильевич Волик и бортмеханик Александр Николаевич Маркиев работают в городе Нарьян-Маре, в третьей эскадрилье объединенного авиаотряда. Наше знакомство с ними не было случайным. Командир летного отряда Виктор Алексеевич Суровцев рекомендовал нам полетать именно с этим экипажем.

В семь утра мы пришли на разнарядку. Экипаж уже получил задание, и оставалось только уточнить детали маршрута и сделать штурманский расчет. Чем и занялся второй пилот, а мы с командиром успели познакомиться поближе. Николай Васильевич приехал сюда почти тридцать лет назад после окончания Оренбургского училища. И сам родом из оренбургского села. Оставил его еще мальчишкой, но очень хотел как-нибудь заглянуть в родную Петровку, и обязательно на собственной машине. Ведь каких причуд у человека

Рабочие будни.

За работой экипаж Ми-8:
С. Волик, А. Маркиев и
Н. Полубояров.

Долгожданная встреча.
Геолог Анатолий Козлов прибыл
на работу в тундру после отпуска.

Арсений ЛАРИОНОВ,
Павел КРИВЦОВ (фото)

ЭКИПАЖ ИЗ НАРЬЯНА

не бывает... Много прошло лет. И вот однажды летом прикатил он на своем «Москвиче», только не нашел родной Петровки... И острее, чем прежде, почувствовал, что дом его теперь в Нарьян-Маре. Полуденная, раскаленная от жаркого солнца оренбургская степь ушла навсегда, осталась только в снах и грезах. Теперь здесь, в промозглой, продуваемой арктическими ветрами тундре, его семья, дети и внуки. Любимая охота и рыбалка. Друзья, их верность...

Пришел час отправляться к машине. Бортмеханик доложил, что вертолет подготовлен к вылету, а рабочие рыбокомбината заканчивают погрузку снаряжения.

Утренний вылет к рыбакам на озеро Нямдотейто. Вместе с нами в кабине Виктор Михайлович Протасов — рыбак из бригады Демита Алексеевича Пашкова, к которому мы и летим.

Посадить в тундре вертолет — совсем простое дело. И мы увидели виртуозную летную выучку командира и быстрые, смекалистые действия второго пилота и бортмеханика. Через несколько минут грузная машина примостилась на пригорке, почувствовав земную твердь под колесами. Бойко задвигались рыбаки, подкатывая поближе к машине бочки с рыбой. Пока они выгружали снаряжение и загружали улов, мы вместе с экипажем, спасаясь от холодного, обильно-водянистого дождя, пошли в рыбацкую избушку обогреться горячим чаем. А за чаем успели перекинуться словом со вторым пилотом Сергеем Васильевичем. Человек он еще молодой, хотя летает над тундрой десять лет, приехав сюда сразу же после Кременчугского училища. Родом из города Сумы, работал слесарем, летным делом занимался в клубе

-МАРА

ДОСААФ. Рассказывает, что первые три года в Нарьян-Маре были тяжелые, не мог привыкнуть к местным условиям: «Специфика тут есть, большой рубль платят не зря. Даже при хорошем здоровье тундра нередко оказывается сильнее, коварнее и неожиданнее. Надо припрорываться...» Сергей Васильевич припрорывался, почувствовал себя увереннее. Женится, растит ребенка...

...Рыбаки закатали бочки с уловом. Бригадир садится с нами в машину. Он летит на несколько дней в Нарьян-Мар. «Оформляю пенсию,— объяснил он,— ловить рыбу мне уже не по силам. Особенно зимой на морском побережье, когда мороз и вода руки узлами вьжут... А навага — хлопотная рыбка, намаешься, прежде чем дашь план».

Тем временем вертолет снова выходит на посадку возле красной палатки. Рыбаки вкатывают еще несколько бочек, Пашков им помогает. Под свист лопастей происходит быстрый обмен рыбацкими новостями. Бригадир из красной палатки Евгений Васильевич Татаринцов жалуется на плохую погоду: постоянные ветры, дожди. Неустойчивость в природе гонит рыбу на глубины, и тащат рыбаки пустые сети, клянут невезение и надеются на теплые осенние дни, когда тундра замрет в лучах последнего солнца в преддверии долгой полярной ночи...

И снова мы летим в этой хрупкой скорлупе, взявшей на борт больше полутора тонн груза.

К обеду приземлились в Нарьян-Маре, попрощались с рыбаками. А с экипажем двинулись в столовую. Не могу сказать, что она нас порадовала добрым обедом. Тесная времянка, скученность, за столом можно только примоститься, а не сесть

основательно и свободно после тесных летных кабин. Да и пища, не в обиду будет сказано местным мастерам, может показаться съедобной только при давно неутоляемом голоде. Право же, после такого тяжелого полета, а других здесь и не бывает, довольствоваться скудной едой негоже. Жизненные силы такая пища не восстанавливает.

И еще уместно было бы сказать, пожалуй, о жилье нарьян-марских летчиков. Квартиру приходится ждать по десять лет, а то и более. В то время, как летчикам до пенсии летать двенадцать с половиной лет. Здесь, как может быть нигде, требуются хорошие бытовые условия. Одной романтикой да еще молодостью долго не продержишься, эти величины весьма переменчивы.

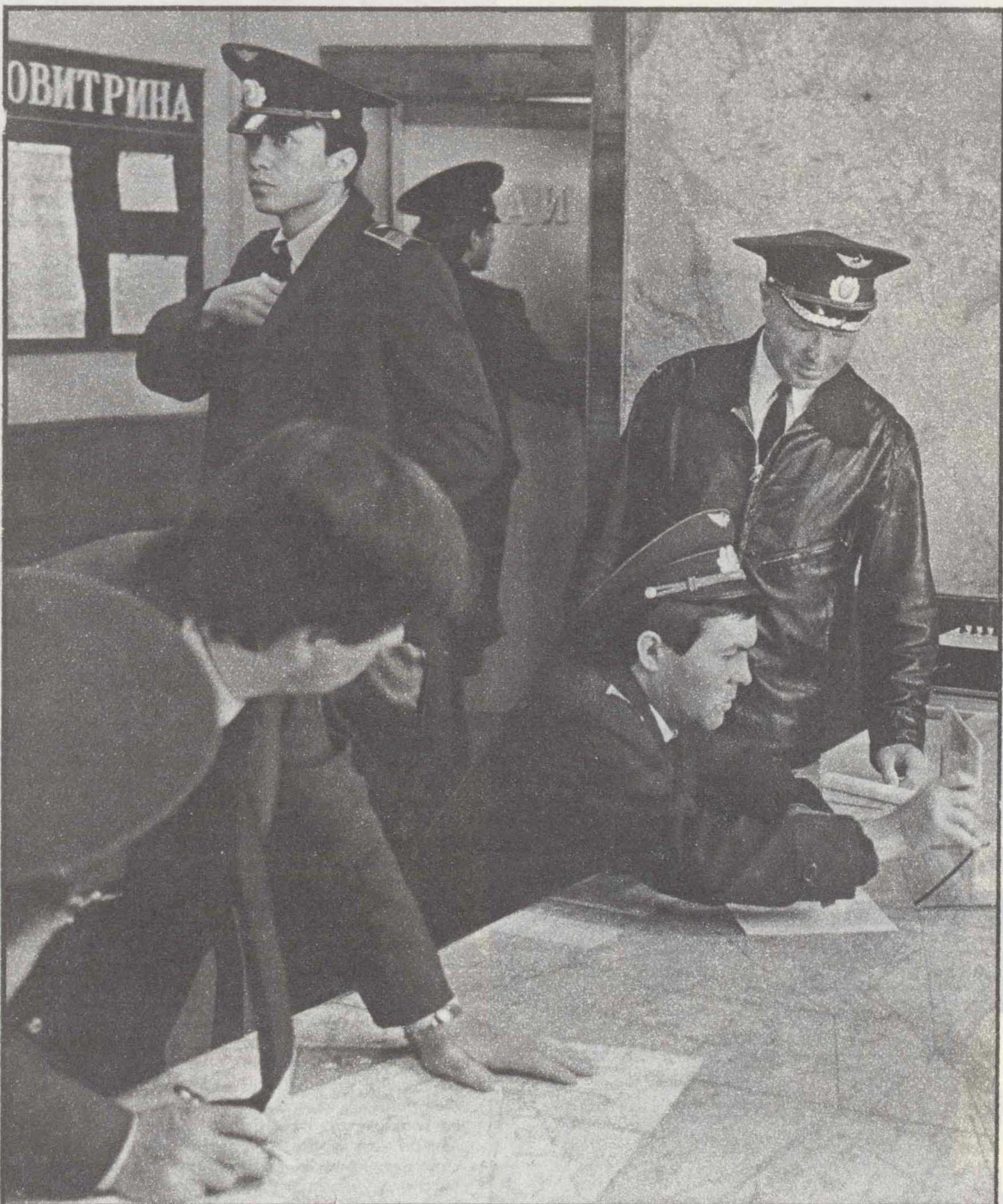
Мне кажется, что и Министерству гражданской авиации, и областному партийному руководству стоило бы уделять особое внимание авиаотрядам, работающим в трудных арктических широтах. Это одно из важнейших условий перестройки, которая пока мало коснулась полярного авиаотряда.

Непроста работа вертолетчиков. Я наблюдал в полете к геологам такой случай. С дальней стоянки надо было перевезти неисправный мотор в подвешенном состоянии на базу в Нарьян-Мар. Не берусь описывать все манипуляции, необходимые в такого рода полете, только могу сказать, что подобная работа требует большой сосредоточенности и немалого умения. Вертолет все-таки — всего лишь летательный аппарат, а не человеческие руки, способные уловить все движения нашей мысли. А командир поража нас не только виртуозной выучкой, но и согласованностью мысли и действий всего экипажа в самых неожиданных экстремально опасных ситуациях.

Такая у них профессия. Опасная. Рисковать приходится каждый день.

Нарьян-Мар — Москва.

Перед вылетом в штурманской.

Год назад я пошел на Волоколамскую швейную фабрику, входящую в состав столичного объединения «Сокол», чтобы написать заметку о выполнении рабочими социалистических обязательств.

И не написал, хотя и было о чем.

РИТУАЛ И СОМНЕНИЯ

Полдня тогда бродил по цехам, разговаривал с разными людьми, изумлялся, что пошитые фабрикой мужские плащи, бледно выглядывающие на фоне финских, поступивших в местный магазинчик, превышают их на полсотни по цене; возмущался, узнав, что на подкладку для волоколамских плащей вместо светского воздушного синтелона присылают тяжкий, как грех, ватин; поинтересовался напоследок планом и бригадным методом, взял у директора Надежды Павловны на добрую память копию с годового отчета и текст самих обязательств, сложил все в папочку; и вот извольте, никакого ощутимого результата.

Потому что на каждый вопрос, который должен был подниматься в записочке, я получал не ответ, а новый вопрос. Например: «Скажите, за счет каких резервов вы вместо четырех новых моделей по обязательствам освоили пять?» — «Скажите, а почему нас заставляют обязываться на год вперед, когда мода меняется за год дважды?» Или: «Скажите, а как вы оцениваете качество вашей продукции?» — «Скажите, а почему «Сокол» со склада присылает нам такую фурнитуру, что с ней если и будешь, как сокол, так только гол?»

Эта игра начинала затягиваться, образуя непрерывную цепь, на поверку оборачивающуюся замкнутым кругом. Ну, в самом деле, кто может ответить на вопрос: почему шалит с фурнитурой «Сокол»? Никто этого не знает, а если и найдется такой из знающих, то немедленно объяснит, что раз сам «Сокол» фурнитуру не производит, то его подводят смежники, а тех — смежники смежников, ну, а тех — смежники смежников смежников смежников... Можно подумать, что смежник — это такая профессия, которой учат в специальной диверсионной школе.

Количество вопросов возрастало лавинообразно, образуя за отсутствием ответов отрицательное множество. И, что тревожило, никак не пересекалось с положительным множеством указанных в обязательствах цифр, как будто питали обязательства не экономикой, а сомнительный пустоцвет похороненных в папочках обещаний.

Что же это за обещания?

Если верить документам, в 1986 году, «широко развернув социалистическое соревнование по достойной встрече XXVII съезда КПСС» и «включившись в активный поиск резервов», волоколамские швейники обязуются, во-первых, пошить пальто, курток и прочих необходимых мужчинам вещей на 8 тысяч рублей сверх плана; во-вторых, не просто пошить, а внедрить 4 новые модели; в-третьих, не просто внедрить, но и увеличить при этом на 1 процент производительность труда; в-четвертых, одной только продукции с индексом «Н» выпустить на 5800 тысяч рублей... — было там еще и «в-шестых», и «в-десятих», всего (легко запомнить) тринадцать пунктов.

И вот, знакомясь с такой замечательной годовой программой, я вдруг засомневался в предполагаемом энтузиазме рабочих и служащих, голосующих и утверждающих перевыполнение еще не выполненной работы, и вновь принялся за вопросы, вводившие в такой экономический лес, в такую чащу... То есть не то чтобы непроходимую, но в которой работ-

О МИРЕ МНИМЫХ ВЕЛИЧИЙ

ЗАЧЕМ, ДЛЯ КОГО И КАК ПРИНИМАЮТСЯ ПОДЧАС СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

нику местной печати гулять не рекомендуется.

Вот, скажем, записано: «Выпустить сверх плана». А откуда возьмется дополнительный выпуск? Наивно думать, будто сверхплановая продукция получается из возросшей производительности труда: как правило, возникает она все-таки из сверхпланового сырья. Но это словосочетание лишено смысла, поскольку все поставки сырья заранее утверждены и спланированы. Для сверхплановых плащей нужны сверхплановые нитки и ткани, а для ниток и тканей — сверхплановые станки и хлопок, а для станков и хлопка — сверхплановая погода и руда... Ну хорошо, с Гидрометцентром волоколамцы еще как-нибудь договорятся, да вот поднимется ли от этого хлопчатник?..

Если планирование произведено на основании дел на Земле, а не звезд на небе и если расчет своих сил принял вид закона, то как его можно перевыполнить, этот закон? Закон либо соблюдают, либо нарушают — перевыполнение как раз и будет нарушением, ибо, связанные целостной экономической системой, мы одним только требованием сверхпланового сырья ставим под удар тех, у кого это сырье вычтем... Если, конечно, система действительно целостна.

Мысль о том, что перевыполнять план — это иногда плохо, открытие не из свежих: несколько лет назад ивановская ткачиха Голубева тревожно говорила о том, что километры сотканых ею сверхплановых тканей лежат на складах, ибо спросом не пользуются. Но одно дело — признание человека, которому бронзовый бюст поставили, и другое дело — массовое сознание. Так что я сказал сам себе: «Зарапортовался, братец», — вопросов ставить больше не стал, папку с обязательствами убрал и с фабрикой на время расстался.

ДА ЗДРАВСТВУЮТ ДЕТИ

Время сейчас меняется быстро; я имею в виду экономическое время, в котором мы невольно ставим вехи: жизнь от апрельского Пленума ЦК КПСС (1985 г.) и до XXVII съезда ЦК КПСС, от съезда и до январского Пленума (1987 г.), от январского до июньского, причем расставляем знаки не с трибун, а в повседневной жизни.

Так же быстро меняется и экономическое мышление, и за своими прошлогодними страхами я хорошо вижу ограниченность дилетанта и робость неопита. Но прежде чем дать ответ на хаос экономических вопросов, выявившихся в простенькой теме «Социалистические обязательства и швейная фабрика», позволю себе сделать чисто гуманитарное отступление. Назвать его можно «Рассказ о печальном учителе».

...Итак, в один прекрасный день все в том же небольшом Волоколамске,

где всего три школы, я говорил с учителем, который жаловался на то, что десятиклассники задают ему «провокационные вопросы», чем немало удивил меня, полагавшего, что провокациями занимаются достаточно взрослые люди.

— Меня спрашивают, — невесело произнес учитель, — при каком строе мы живем?..

— Раньше я диктовал им, что мы живем в обществе развитого социализма, потом — что его в основном построили, затем — что приступили к строительству, а что я должен диктовать сейчас?

— А ничего диктовать не надо. Что словами бросаться? Посоветуйтесь, спорьте...

— Ну, разве так можно? Ах, не убедил я его! На прощание выразил сочувствие, но про себя подумал: да здравствуют дети! Им, пока еще не признающим условностей, дано это замечательное право — задавать вопросы неудобные, но очевидные. Это не к тому, чтобы лишний раз себя высечь: мол, какие неразумные, на кого рассчитывали, решая построить коммунизм к дню открытия Олимпийских игр в Москве, о чем думали, объявляя кукурузу панацеей от всех бед, — а к тому, чтобы задуматься над тем, что мы кладем в свой горшок, ставя его в печь. И если живем в стране, которая называется Союзом социалистических республик, и если со словом социализм родились, то должны думать, что под этим словом сегодня подразумеваются.

И тогда окажется, что экономическое содержание социализма сегодня — это также самофинансирование и хозрасчет, рынок и прямые договоры, зарплата из заработанного и развитие по прибыли. Значит, что соответствует этому, есть категория социалистическая, а то, что не соответствует, — не социалистическая.

После этого умозаключения можно вернуться в нынешний год и для начала прочитать еще одну бумагу.

«Претворяя в жизнь решения... готовя достойную встречу... и руководствуясь курсом на ускорение... В 1987 году коллектив рабочих, ИТР, служащих швейной фабрики принимает следующие обязательства:

1. Выпустить сверх плана полупальто мужских и реализовать сверх плана продукции на сумму 8 тысяч рублей.

2. В целях удовлетворения покупательского спроса внедрить в производство 4 новые модели.

3. Обеспечить рост производительности труда против уровня 1986 года на 1 %...

4. Выпустить продукции с индексом «Н» на 6190 тысяч рублей...

Можно не трудиться сравнивать, в этой свеженькой бумаге все точно-точно, как год назад: и те же самые лукавые тринадцать пунктов, и те же

самые цифры, за исключением парочки возросших, — отличается разве что та часть, которая на языке профессионалов называется «паровозиком»: ну да зная периодичность различных юбилеев, паровозики можно запускать лет на двадцать вперед. И поскольку под обеими бумагами стояли подписи неизбежного «четырехугольника», мне хотелось, пусть и по наивности, попросить собраться директора фабрики, секретаря партбюро, председателя профкома, секретаря комитета комсомола и произвести перед ними нечто вроде Речи Недоумевающего Журналиста.

— Дорогие товарищи! Ваши подписи стоят под обязательствами, должны соответствовать сегодняшнему дню фабрики. Где же это соответствие? Вы ведь с первого января этого года работаете в условиях самофинансирования, с вас снята дремучая и напрасная обязанность отчитываться по огромному количеству количественных же показателей, ибо судить по ним о работе фабрики — все равно что судить по лунатику о Луне. С вас теперь спрашивают совершенно иное — прибыль и поставки по договорам. Известно, что план этих поставок можно выполнить либо на 100 процентов, либо не выполнить, но перевыполнить его невозможно. Вы же берете неведомые вам самим цифры, с их помощью план «перевыполняете» и даже перевыполненное увеличиваете «от достигнутого». Неужели вам самим это все непонятно? Как вы этого не видите? Какого чёра... тут я должен был бы осечка, если бы такую речь произносил, но я не произносил: был наивен, но не настолько. Видят, все видят — от начала до швей, которые торжественно голосуют, от зевоты прикрывая ладошкой рот, — видят то, что обязательства являются дутыми, а недутыми быть просто не могут.

Дело в том, что принимать их фабрика должна в начале января, а план с «Сокола» на ту же фабрику приходит лишь в марте. Кроме того, обязательства принимаются на год вперед, а план для швейников существует лишь полугодовой, потому что система швейного производства является более или менее гибкой, современной, социалистической, чего не скажешь про торжественные манускрипты.

НЕ ЖДИТЕ ПРИКАЗА, ЕГО НЕ БУДЕТ

Швейную фабрику винить в этом никак нельзя — не в ней дело. Подобное наведение тени на ясный день — явление социальное, и раз так, необходимо задаваться традиционными для русской общественной жизни вопросами: «Кто виноват?» и «Что делать?».

— Кто виноват, Надежда Павловна, — спрашиваю я директора фабрики

ки в промежутке времени от январского до июньского, — кто же в принятии этих трубных обязательств виноват? Годы ведь принимали, а?

— Ну, вы же понимаете, — директор чуть улыбается, — мы не сами их придумываем, форма нам дается готовой...

Прекрасная директорская улыбка, таящаяся в уголках рта, при наличии опыта дешифровки может означать примерно следующее: «Мы с вами оба умные люди, как называют сейчас тех, кто не высказывает вслух то, что думает, и не тратим время на пустяки, хотя и прекрасно знаем, откуда эти обязательства берутся...»

Конечно, знаем откуда: от местного руководства. Местному руководству, в свою очередь, распоряжение поступает из области, а откуда поступает в область — не ведаю. Вся эта многоэтажная пирамида сохраняет равновесие и до сих пор не падает. Это тем более удивительно, что на разных ее этажах немало умных людей — в пяти минутах ходьбы от Надежды Павловны, к примеру, работает знаменитый Травкин, строительный кит, отец коллективного подряда. Я поинтересовался — и что же? Оказывается, и у него так.

И если это объяснение верно, то бесполезно ждать сверху, из какого-нибудь штаба по координации обязательств, приказа об отмене. Его не будет — все по той же причине. Так что нужно менять отжившую структуру уже на своем уровне. Сегодня нужно отказываться играть в игры, не соответствующие уровню дня: тогда отказ приобретет характер поступка. Опять-таки в Волоколамске (какой все-таки замечательный для изучения городок!) есть ткацкая фабрика, выпускающая махровые полотенца и детские байковые одеяла. Директором там Александр Петрович Лифенко, экономист. Не так давно он, просев под тяжестью поступающих сверху циркуляров, понял, что единственный способ не сломать хребет — это отправлять их, откуда пришли. И теперь случаются дни, когда секретарша на шутку двадцать входящих: «Лифенко. Немедленно изучить» — регистрирует ровно столько же исходящих: «Возвращаю за ненадобностью. Лифенко». Игра пока что находится в динамическом равновесии, ибо Лифенко не желает быть дураком и читает «Новый мир» и «ЭКО», а главк и Минлегпром желают сохранить курочку, несущую золотые яйца: фабрика при Лифенко работает, как часы.

В следующем году Александр Петрович собирается покончить с фокусом принятия соцобязательств, отчего, кстати говоря, сами обязательства не исчезают ни у него, ни у Надежды Павловны. Они и сейчас есть, просто называются планом поставок по договорам: обязательство в этом случае становится планом, план — законом, закон — обязанностью. А соревнование между предприятиями, по Лифенко, должно быть соревнованием за покупателя, итоги которого будут подводиться не раз в год в президиуме, а каждый день в магазине.

Признаюсь в любви: чрезвычайно приятен мне директор Александр Петрович Лифенко. Отказываться от привычки лгать «по маленькой» нужно непременно, поскольку маленькой лжи не бывает. Нельзя переходить на хозрасчет и обязать этот расчет перевыполнить. Нельзя принимать систему финансирования по прибыли и соревноваться по валу. Тут уж «или-или»: либо новое хозяйствование сметет старые обязательства, либо старые обязательства, скомпрометировав новое хозяйствование, малопомалу подгонят его под себя. Не отменю ложь сегодня — отмена пойдет в обратном, так сказать, направлении.

Дмитрий ГУБИН

«Перед нами — два возможных пути. Один, к которому призывает партия, путь нового мышления. Второй — ограждение от информации, шоры на глазах как для пугливых лошадей, заборы — поплотнее, повыше. Первый — базируется на достижениях научно-технического прогресса, содействует ему. Второй — тормоз для дальнейшего развития». Академик В. И. ГОЛЬДАНСКИЙ, лауреат Ленинской премии, отвечает на вопросы корреспондента «Огонька» Ванды БЕЛЕЦКОЙ.

ДУМАТЬ

И ПОСТУПАТЬ ПО-НОВОМУ

О глубинных связях научно-технического прогресса и нового мышления академик В. И. Гольданский заговорил одним из первых. Как член Комитета советских ученых в защиту мира, против ядерной угрозы, а теперь и Председатель советского Пагуошского комитета, в своих выступлениях на международных съездах, конференциях, симпозиумах он, может быть, чаще других напоминает всем глубоко выстраданные строки Манифеста Рассела и Эйнштейна:

«Мы должны научиться думать по-новому, мы должны научиться спрашивать себя не о том, какие шаги надо предпринять для достижения военной победы того лагеря, к которому мы принадлежим, ибо таких шагов больше не существует; мы должны задать себе другой вопрос: какие шаги можно предпринять для предупреждения вооруженной борьбы, исход которой будет катастрофическим для всех ее участников».

Перед нами лежит путь непрерывного прогресса, счастья, знания, мудрости. Изберем ли мы вместо этого уничтожение?.. Мы обращаемся ко всем, как люди к людям: помните о том, что вы принадлежите к роду человеческого...»

— Бертран Рассел и Альберт Эйнштейн обратились со своим манифестом к людям всей Земли более тридцати лет назад, но, кажется, никогда еще их манифест не был столь созвучен времени. Виталий Иосифович, почему глубокую правоту и мудрость этих слов человечество начинает осознавать лишь сегодня?

— Причина простая — нельзя не считаться с объективными реальностями, хотя иногда их долго стараются не замечать. Ученые со всей неизбежностью доказали: ядерная война несет гибель всему человечеству.

Догматиков же продолжает пугать утверждение, что общечеловеческие ценности в подобных условиях приобретают приоритет над задачами того или иного класса. Сразу скажу: не надо бояться подобных обвинений в «ереси». Было бы нелепо считать, что появление средств глобального уничтожения человечества ничего не меняет в учении марксизма-ленинизма о природе войн. Представьте себе нападение инопланетян на Землю. Разумеется, земляне объединились бы перед лицом общей опасности. Трудно представить себе в данном случае разделение на «оборонцев» и «пораженцев» в зависимости от классовой принадлежности. Борьба за безъядерную Землю — общее дело всех землян, ядерная война — их общая гибель.

Так научно-технический прогресс становится предпосылкой формирования нового мышления в международной политике. Первым необходимо такого нового мышления осознало советское руководство, лично Михаил Сергеевич Горбачев. «Ядерная война — это катастрофа для всех без исключения», — подчеркнул он. Отсюда — глубокая научная обоснованность советской внешней политики, нашей программы «разоружения для развития» в противовес «вооружению вместо развития».

Недавно я перечитывал доклады и статьи Крупской о Ленине. Они меня настолько заинтересовали, что отрывок я выписал для себя:

«Я помню один разговор о войне. Это было в начале 1918 г. в Ленинграде. Владимир Ильич говорил, что современная техника сейчас все более и более помогает разрушительному характеру войны. Но будет такое время, когда война станет настолько разрушительной, что она вообще станет невозможной... Ильич с большим увлечением говорил об этом. Видно было, как страстно он хотел, чтобы война стала невозможной. Ильич брал вопрос о войне в его развитии. К какому бы вопросу он ни подходил, он брал явления не в застывшем виде».

— Вот ведь где корни нового политического мышления! Кажется, что написано это сегодня... А возможен ли случайный ядерный взрыв, не санкционированный, не сознательно осуществленный, а именно случайный, скажем, при аварии с ракетой или с отдельной ядерной боеголовкой?

— Одна из задач, которые возникают перед конструкторами ядерного оружия, как раз и со-

стоит в том, чтобы свести к минимуму такого рода возможность, чтобы создать устройство, которое не могло бы взорваться случайно, непреднамеренно, несанкционированно. И все же сказать, что вероятность случайного взрыва равна нулю, не какой-то пусть очень малой, но конечной величине, а именно строго нулю, я не могу. Особенно после Чернобыля. До Чернобыля и на вопрос о вероятности аварии на атомной электростанции вам ответили бы по-иному, чем сейчас. Мы должны извлекать уроки из того, что произошло. Это тоже входит в понятие «нового мышления». Мы не должны, не имеем права бездумно, безгранично доверять технике, сколь совершенной она бы ни была. И не должны забывать о колоссальной ответственности, которая ложится на плечи людей, располагающих такой техникой. Техника должна быть предельно «фулпруф» — «дуракоустойчива», а люди — предельно добросовестны в обращении с ней.

— На разных международных встречах ученых возникают разговоры и о такой чрезвычайной опасности, как ядерный терроризм. По вашему мнению, это реально?

— Ядерный взрыв, как орудие террора, ужасен, конечно, и сам по себе. Стократ ужаснее он может оказаться в условиях перенасыщенности планеты арсеналами ядерного оружия, когда все меньше и меньше времени остается на то, чтобы разобраться в причине взрыва — единственный ли это акт террора или начало массовой агрессии, на которую полагается немедленно ответить столь же масштабным ударом, и когда концепцию «запуск при нападении» то и дело объявляют недостаточной и выдвигают альтернативу «запуск при предупреждении». Заявления о том, что основной целью американской программы «звездных войн» в конечном счете станет защита планеты от ядерных террористов и безумцев, смехотворны. Безъядерный мир — единственная подлинная гарантия того, что ядерное оружие не попадет в руки террористов, безумцев или абсолютно безответственных элементов, того, что можно не опасаться случайных ядерных взрывов.

На мой взгляд, на смену устаревшему взаимному «ядерному сдерживанию», которое полностью себя изжило, в международных отношениях должен прийти довольно длительный этап «сдерживания взаимным контролем» на фоне непрерывного снижения уровня вооруженности. Только через такой контроль можно подойти к установлению столь важного для будущих международных отношений фактора, как взаимное доверие.

Замечу, что именно свершения современной науки и техники, в частности необычайные успехи информатики и овладение космосом, открыли широчайшие возможности контроля за выполнением международных соглашений, так что и в этом отношении можно говорить о научно-технической обоснованности нового мышления.

— Мы все время говорим о необходимости нового мышления во внешней политике страны; а во внутренней?

— Два ключевых направления научно-технического прогресса — информатика и выход в космическое пространство — стали первостепенной важности элементами современных производительных сил, приведение же общественных отношений в соответствие с производительными силами в наши дни неизбежно включает такую важнейшую сторону нового мышления, как демократизация и гласность.

Сейчас необычайно быстро растет поток информации, совершенствуются качество и средства ее регистрации, хранения и передачи. Языки ЭВМ — алгол, фортран, паскаль и другие — становятся своего рода «эсперанто» наших дней.

Безусловной реальностью близкого будущего

являются всепланетарные радио- и телепередачи, глобальные коммуникации на «машинных языках», прием информации индивидуальными компьютерами и переработка ее по тем или иным программам.

— Такое кажется почти фантастикой! Ну и как ученые у себя дома, в нашей стране, готовы к этому?

— Увы, пока еще далеко не в той мере, как следовало бы. И причины тому не только чисто технические, но — если угодно — и моральные, в забвении долгие годы таких понятий, как «демократизация» и «гласность».

Например, кровно необходимым источником информации для работников науки служат научные журналы. Но получить из них сведения о работах наших зарубежных коллег становится все труднее. Подписка на иностранные журналы сокращается из-за валютных трудностей, но речь сейчас не об этом.

Из рук вон плохо обстоит дело с ксерокопированием. «Ксероксов» мало, правила пользования ими чрезвычайно усложнены, качество зачастую очень низкое из-за ветхости копировальных аппаратов и дефицита необходимого для их работы импортного порошка. Но это только цветочки! Ведь для того, чтобы знать, какую именно статью, в каком журнале надо прочесть, скопировать, необходимо сперва увидеть сам журнал или хотя бы его оглавление. Журналов мы получаем из-за рубежа явно недостаточно, да и те сосредоточены, как правило, в Москве и Ленинграде, в меньшей степени — в региональных отделениях Академии наук. В вузах почти повсеместно сильнейший голод на зарубежные научные журналы. Помочь делу — рассылкой ксерокопий пусть даже только оглавлений поступающих журналов — мог бы ВИНТИ (Всесоюзный институт научной и технической информации АН СССР и ГКНТ СССР), и он (спасибо ему!) это и делает, хотя бы для малой части наших библиотек и ученых, в частности, для членов Академии наук персонально. При этом, однако, неведомые чиновники из ВИНТИ часто тщательно оберегают нас от профессионально важной, срочно необходимой нам информации, вполне, конечно, доступной нашим зарубежным коллегам. Журналы вроде таких важнейших универсальных источников экспресс-информации по всем естественным наукам, как «Нейчур» (Англия), «Сайенс» (США) и другие, приходят с вырезанными страницами, а в ксерокопиях оглавлений этих журналов зачастую целиком или почти целиком изымаются такие важнейшие разделы, как «Последние известия», «Новости и комментарии» и тому подобное.

— Интересно, что же превращается чиновника от науки в секреты для советских ученых?

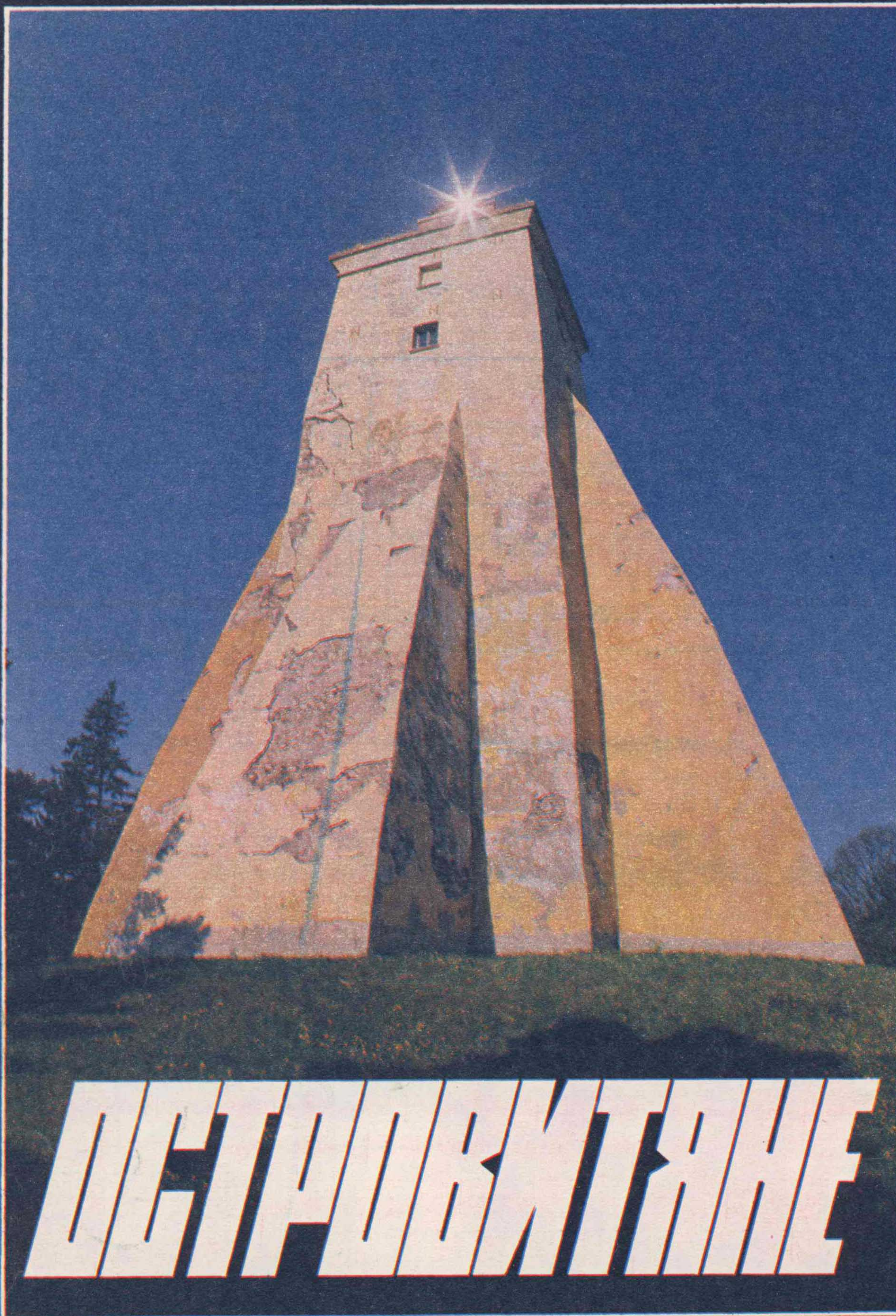
— Я проверил это в зарубежных библиотеках. Вот вам несколько примеров «недозволенных» заглавий в выпусках «Сайенс» за 8 и 15 мая, вымаранных из их оглавлений: «Гласность приходит в советскую физику», «Ядерная энергетика после Чернобыля», «Венгры хотят жить своим умом». А вот название книги, изъятое из списка книжных рецензий «Сайенс» за 15 мая, — «Коммунистическая партия и советская наука».

— Как говорится, комментарии излишни...

— Именно. И таких примеров многие десятки: статьи (и даже просто названия статей) о сейсмическом контроле за ядерными испытаниями, о разных аспектах пресловутой СОИ, статьи, содержащие в заглавии слово Чернобыль... Посмотрел эти «криминальные» материалы. В них содержатся, в частности, строго научное опровержение американскими сейсмологами антисоветских инсинуаций о том, что мощность некоторых наших (проведенных до моратория) подземных ядерных

Продолжение на стр. 25

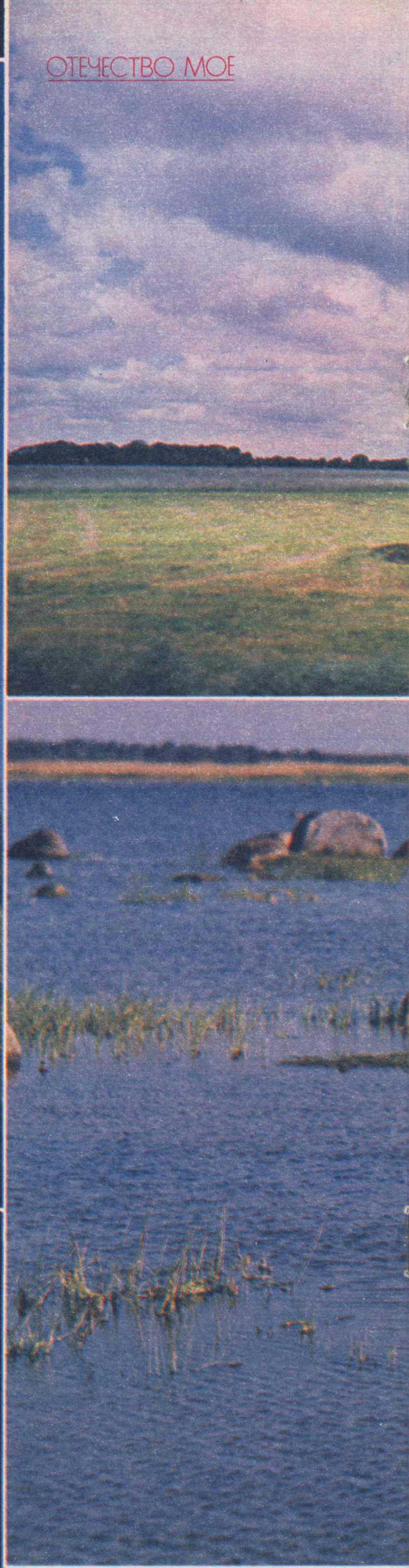

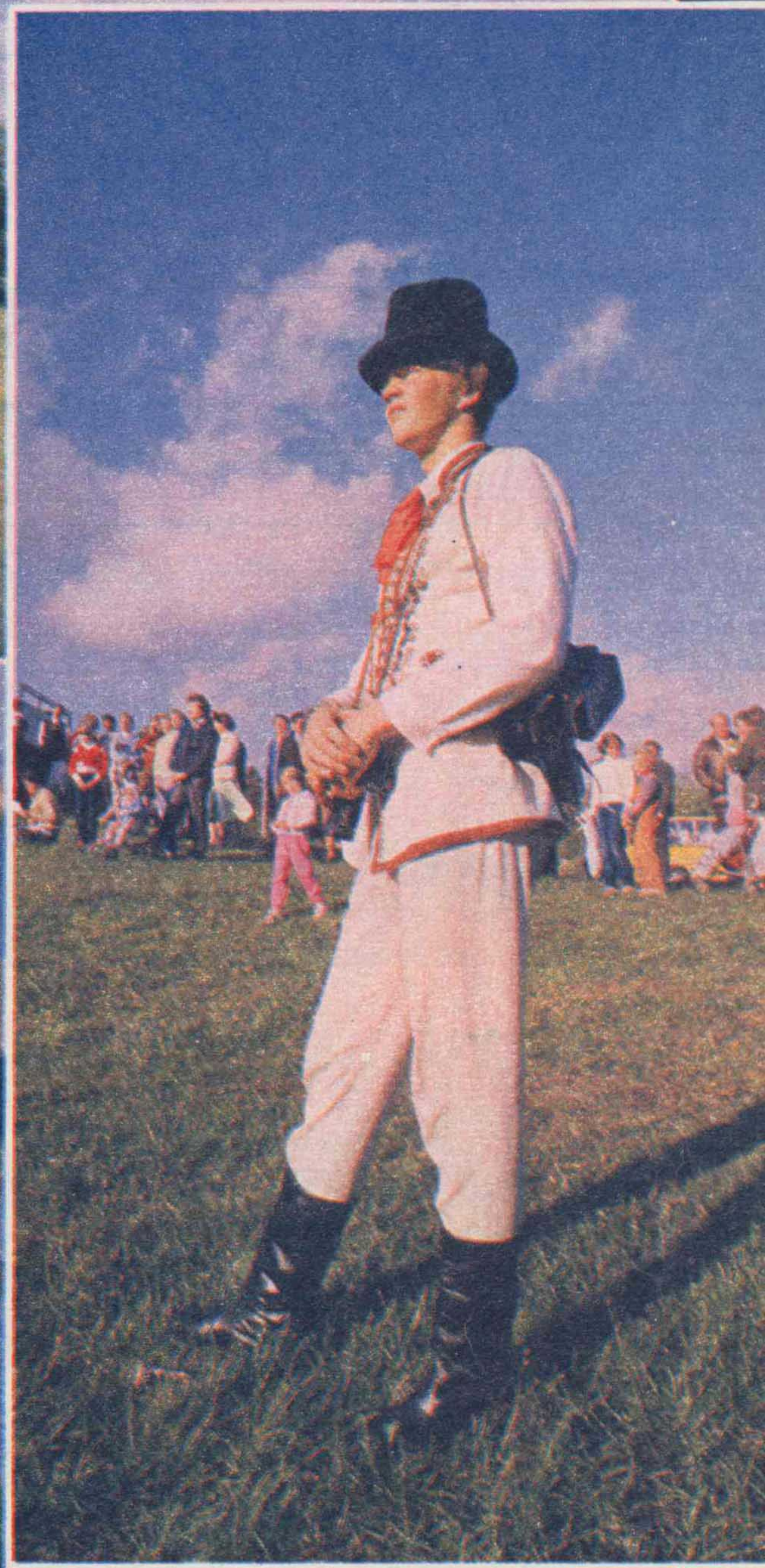
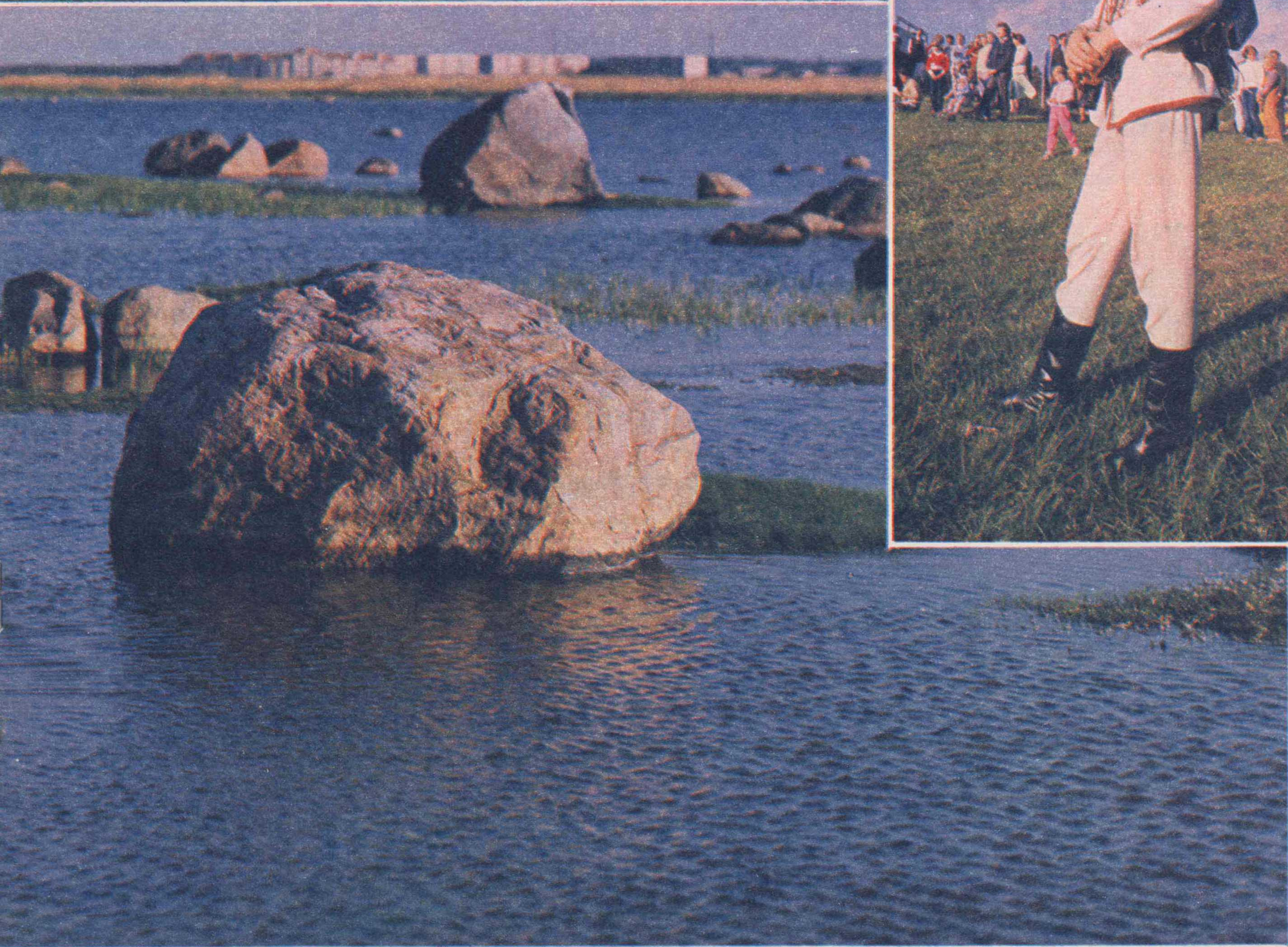
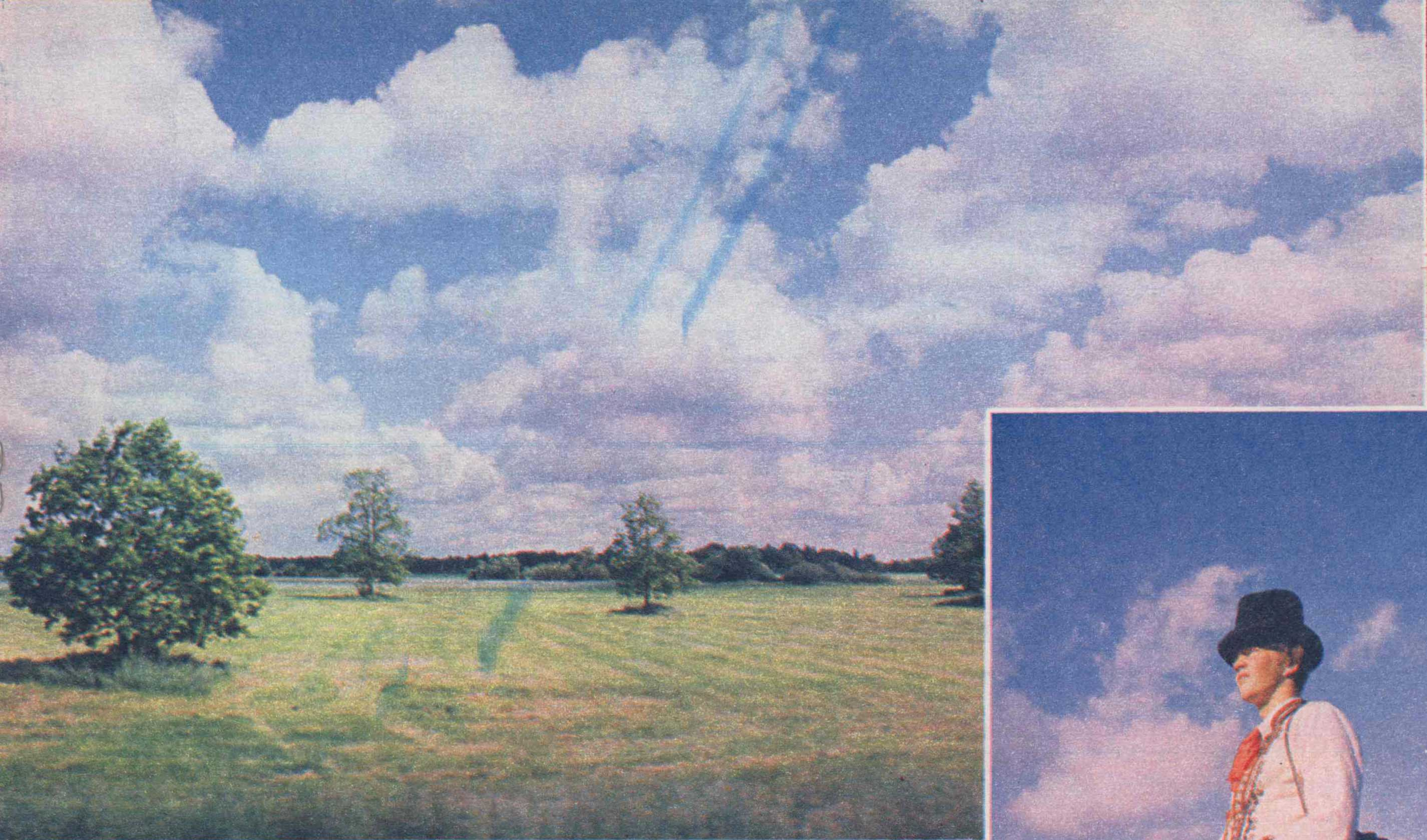
Олег ПЕТРИЧЕНКО,
Сергей ПЕТРУХИН [фото]
Специальные корреспонденты «Огонька»

Собираясь впервые на Моон-зундский архипелаг, я порылся в книгах и старательно выписал адреса, где мне непременно следовало побывать. Во-первых, в мемориальном доме-музее революционера Виктора Кингисеппа, именем которого названы сразу два города — на Сааремаа и в Ленинградской области. Хотелось отыскать полевой аэродром, с которого в ночь на

8 августа 1941 года летчики Балтийского флота начали совершать налеты на военные объекты Берлина, буквально ошелолив своими дерзкими бомбежками фашистов, вовсю трубивших о полном уничтожении Воздушных Сил СССР. Значился в планах и хутор Тоома, где родился, жил автор любимой мною «Ледовой книги», лауреат Ленинской премии Юхан Смуул, и еще немало памятных и просто экзотических мест вроде известного на весь мир озера Каали, образовавшегося на месте метеоритного кратера.

Но, как иногда бывает, самыми памятными оказались... неудачи. Налетевший шторм, надолго отменивший нужный рейс, внезапная поломка машины и тому

●
РЫБАЧИЙ СААРЕМАА —
ОСТРОВ УВЛЕЧЕННЫХ:
НЕ ПУТИНОЙ ЕДИНОЙ.
ДИАПАЗОН ИНТЕРЕСОВ —
ОТ КОЛЛЕКЦИИ ЮХАНА СААРА
ДО АВТОГОНОК ПО КАРЬЕРУ.

подобные происшествия заставляли по-
рой круто изменять планы и маршруты,
уходить с накатанных дорог и... открывать
для себя нечто неожиданное, ни в каких
путеводителях не упомянутое. Первой та-
кой счастливой неожиданностью и была
встреча с Юханом Сааром.

МУЗЕЙ ВРЕМЕНИ

Пожалуй, ни один из виденных музеев не ошеломлял меня, как этот внешне ничем не примечательный амбар. Когда хозяин распахнул его массивные, окованные железом ворота, глазам открылось нечто невообразимое, какой-то завораживающий хаос абсолютно не сопоставленных предметов, собранных воедино то ли озарением авангардиста, то ли фантазией незаурядного сказочника.

Телевизор КВН соседствовал с ботфортами мушкетеров, над мирной прялкой нависал устрашающего вида тевтонский меч, незатейливая балалайка стояла рядом с загадочными ретортами алхимиков... Слово годы и столетия, проходившие по пыльной проселочной дороге, возле которой стоит амбар, оставляли в нем эти вещи на память. Любителям точных цифр сообщу: только книг «оставлено» 18 300 экземпляров.

— И самая первая среди них, — говорит Юхан Саар, — моя детская азбука. С нее все и началось.

Юхану в день нашего знакомства исполнилось 67 лет и 2 дня. Коренной островитянин, из крестьян. Сражался против фашистов в Эстонском стрелковом корпусе. В память о войне — 8 медалей и тяжелая хромота после ранения. Бывший фронтовик стал первым председателем маленького местного колхоза «Уус Кауби». Когда мелкие хозяйства объединились, его выбрали бригадиром. В общем, жизнь отдал родной земле, а деньги, что заработал, — собирательству.

Что собирает он в этом своем музее? Юхан усмехается:

— Время.

Историки утверждают, что первые поселенцы перебрались сюда с материка еще за 2000 лет до нашей эры. В средние века остров стал заметной силой в восточной части Балтийского моря, и страсти вокруг него разгорались нешуточные. Приходили сюда с мечом, приплывали с товарами; отважные мореходы-сааремасцы обошли на своих кораблях весь мир, и их странствия тоже оставили материальный след в биографии острова.

— В самой бедной избушке рыбацкой вдовы можно было вдруг встретить загадочного индейского идола, на свалке — лампу, которой, возможно, пользовался еще Аладдин, — говорит Юхан. — Каждый из этих предметов хранил тайну, за ним угадывалась чья-то судьба, и грешно было предавать ее забвению. Из судеб людей складывается история Родины. Это безмерно волновало меня, и я стал собирать все подряд. Особенно увлекся словом печатным — книгами, журналами.

Книга и привела меня в дом Ю. Саара. Распахнутая каменная книга, на которой что-то было написано по-эстонски. Она была укреплена на стене уютного, аккуратного домика, и любопытство заставило меня шагнуть за калитку, отыскать невысокого, ясноглазого старика, работавшего в глубине сада. Сильно прихрамывая, он подошел, протянул тяжелую, иссеченную временем, трудами руку, пригласил в дом.

Дом оказался библиотекой. Тесновато для массы громоздившихся аж под потолок изданий, но ухоженной, разбитой по темам, авторам, снабженной подробным каталогом.

Большинство книг, журналов на эстонском. В разделе древности тяжелые кожаные переплеты с медными застежками — фолианты XVII—XVIII веков на латыни, немецком, церковнославянском. С особой жадностью листаю книги на русском. Ох как хочется порыться, осмотреть все! Но это занятие не на один день, а хозяин уже зовет на второй этаж.

Там властвуют картины, фарфор, украшения. Музыка заставшая — грампластинки (с граммофонами). Музыка живая — аккордеоны, баяны, губные гармошки, гитары, скрипки, рожки, свистульки, каннели...

И тут же островерхая каска немецкого офицера времен первой мировой войны и форменная фуражка учителя образца 1898 года, национальные женские костюмы, открытки из далекого прошлого и фотографии, похожие, еще от Дагера и Ньепса.

Впрочем, стоп, опять сбиваюсь на перечисления. Но куда денешься от них, если в одном доме несколько музеев сразу, и голова кругом от любопытства, желания все потрогать, примерить, включить (здесь это можно). Только книги у Саара подсчитаны, ну а все остальное... Он и сам машет рукой, не до подсчетов, мол, кто-нибудь когда-нибудь этим займется. Его дело собирать.

— Бывали ли здесь специалисты по этнографии,

археологии, истории техники? — спросил я у Юхана.

— Нет. С библиотекой знакомились земляки писателя Юло и Юри Туулик, народный писатель республики Ааду Хинт. Кое-что из вещей перерисовывали студенты из Таллина, будущие художники.

— Что-нибудь из коллекции выставлялось?

— В замке Курессааре — медицинские инструменты. В сельхозмузее Тарту и сейчас некоторые машины стоят. Ну и в районной библиотеке, в Доме культуры Кингисеппа разные книги показывали. Я ведь был первым председателем местного общества книголюбов, да потом попросился в отставку, некогда на заседания ездить.

Пока мы беседовали, к дому Юхана дважды подъезжали туристские «Икарусы», подходили к нам экскурсоводы, но, видя, что хозяин занят, вежливо исчезали. Человек он, как выяснилось, в республике известный, не раз писали о нем в эстонской прессе, даже из Канады эмигранты его навещали.

Собрание Саара занимает несколько помещений, и колхоз «Каарма», как с гордостью заметил заместитель председателя Раймонт Труверк, планирует построить новое большое здание, чтобы там разместилось все. Полагаю, что это будет и самый большой колхозный музей Эстонии. Ведь собиратель его полон бодрости, энергии: на днях снова отправляется в Тарту, что-то поменять у тамошних коллекционеров, кое-что из недостающего купить в «Старой книге». И это на свои не слишком богатые средства пенсионера.

— Ну, а что самое ценное в вашей коллекции? — спросил я, прощаясь с Сааром, памятуя о совете обратить внимание на одну из скрипок, отмеченную полустертой надписью «Верона».

— Самое ценное, надеюсь, еще впереди, — скупой улыбнулся Юхан.

ЧЕГО ЧЕЛОВЕКУ НАДО!

Полям и морем кормятся островитяне. Однако вот ведь парадокс: известность здешней земли принес камень — знаменитый «сааремский мрамор», которым отделаны многие дома и дворцы в Ленинграде и Таллине, мемориальный комплекс в Ульяновске, автозавод в Тольятти... Адреса, где использовался местный доломит, можно перечислять долго, придется и в Западную Европу выбраться, потому как добывается он здесь с XIV века и далеко занесли его быстрые ладьи предприимчивых купцов.

С тех самых времен ведут отсчет и некоторые династии местных каменотесов, по наследству передавая от деда к внуку секреты обработки удивительного камня, что в земле мягок и обретает гранитную твердость лишь под воздействием солнца и воздуха. И хоть самое тяжелое здесь давно взяли на себя механизмы, художественная резьба — творчество, машине не поручишь.

— С двенадцати лет я учиться начал, — рассказывает мастер Волли Сай. — И было у кого — все дядя тут работали, и дед, и прадед. Мне от них дорогое наследство осталось.

Он открыл шкаф, объемом напомнивший мне средних размеров трансформаторную подстанцию, полностью забитую молотками, зубилами, рубанками, резцами и т. п. Самых разных форм и размеров.

— Наш инструмент в магазине не купишь.

Волли Сая называют и скульптором, и художником. Все установленные для каменотеса разряды он давно перерос. Но жажды движения не утратил.

Я задал ему, быть может, не слишком корректный вопрос: чего он, как человек творческий, хочет? Ну скульптор, к примеру, может мечтать о своем Медном всаднике, архитектор о новом Ыйсмяэ (очень симпатичный район в Таллине).

— А как вы думаете, чего хотел Михкель Ранд? — вопросом на вопрос ответил Волли.

Михкель Ранд был кузнецом, деревенским парнем, которому родители дали хорошее здоровье да крепкие руки, судьба — возможность получить начальное образование, а деревня Нээми — небольшой клочок бесплодной земли на одной из своих окраин. Кто вложил в его душу необыкновенную мечту, осталось тайной.

Ради нее он обрек себя на труд поистине каторжный. Зарабатывать на жизнь тяжким молотом — занятие само по себе изнурительное. А Михкель еще отдавал силы делу, которое большинству окружающих казалось блажью: растил сад.

Сад, каких на островах никогда не было, — ветви деревьев не гнулись под тяжестью плодов, предназначенных на продажу. Росли здесь кавказская пихта и гинго из далекой Азии, уксусное дерево и амурский бархат — всего свыше ста родных для архипелага и чужедальних растений, прижившихся только благодаря упорству, знаниям человека, отдавшего им свыше шестидесяти лет своей жизни.

Я бродил по тенистым аллеям того удивительного уголка земли, был в маленьком домике кузнеца, видел его инструменты, портрет. С портрета в окно, на гущу деревьев спокойно смотрел сухощавый мудрый старик. Прекрасной, несуетной была его трудная жизнь. Он работал в глуши и не ждал ничьей благодарности. Работал ради того, чтобы в его саду гуляли люди — взрослые и дети — и видели, какой красивой может быть их родная земля.

Те же струны звучат и в душе Волли Сая. Глядя на его могучие руки, я думал об извечной тайне мастерства, каком-то своем универсальном языке людей, наделенных божьей искрой таланта, позволяющей им чувствовать друг друга сквозь непроходимую для прочих толщу времени.

ЗВЕЗДА РЫБАКА

Меня, человека приезжего, удивили на этом острове автобусные остановки. Аккуратные, разноцветные застекленные домики стоят вдоль дорог порой в самых глухих уголках, и хоть бы где стеклышко треснуло — все убрано, ухожено.

А про жилые дома, коттеджи и говорить не приходится — разнообразие вкусов, стилей, изумительная чистота дворов даже в самый пасмурный день оставляют в душе чувство праздника.

Столь же любовное отношение и к своей маленькой столице. И не случайно два года назад Государственной премией республики отмечен здешний... рыбный магазин, точнее, его создатели, сумевшие воплотить в утилитарной, казалось бы, по назначению постройке лучшие традиции национальной архитектуры.

Рыбный магазин принадлежит колхозу «Сааре Калур». Я долго думал, откуда мне знакомо это название, пока на глаза не попался каталог проходившей в прошлом году в Ленинграде крупнейшей международной выставки «Инырбпром».

В жизни архипелага «Сааре Калур» занимает особое место. Путешествуя по островам, не раз вспоминал сказку про Кота в сапогах. Помните, как предприимчивый котяра заботился о репутации своего хозяина. «Чей это луг вы косите?» «Маркиза де Карабаса». «Чьи это поля?» «Маркиза де Карабаса».

Примерно так и тут. Интересуешься: «Это чей яхт-клуб?» Отвечают: «Сааре Калур». «Для кого строят комплекс финны?» «Для «Сааре Калур». «Кто живет в этом симпатичном микрорайоне?» «Колхозники «Сааре Калур»...»

Только здесь никакой показухи: уже с семи лет бороздят Балтику на «Оптимистах» и «Кадетках» ребята из клуба юных моряков; финны, построив прекрасный холодильный, получили заказ на новый рыбообрабатывающий комплекс; председатель колхоза недавно отказался от выделенной ему шикарной двухэтажной квартиры из пяти комнат в «своем» новом микрорайоне. Хорошо, конечно, однако другим такой метраж не нужен.

Не только красиво, но и зажиточно живут в колхозе. Однако, насколько я знаю, на одной рыбной благосостояние нынче поддерживать весьма затруднительно, а никаких побочных доходов у островитян вроде бы нет. А как же без них? Вон в правлении приводили пример: старые траулеры стоили примерно 600 тысяч рублей, новые, что приходится покупать, обходятся в 2,5 миллиона и экипажи на них на 5 человек больше. А добывают почти столько же. Плюс подскочили расходы на ремонт, содержание, топливо.

— Верно, забот нам время прибавило, — сказал секретарь парткома Лео Нипсуст. — Мы, кажется, последние, кто упорно держится только за рыбу, и гордимся тем, что по уровню ее добычи занимаем первое место в Эстонии, выйдя на рубежи, запланированные Продовольственной программой на 1990 год. Конечно, другие колхозы, подрабатывая на выпуске шампуня или электроники, имеют солидные дополнительные доходы. Но наше правление, определяя курс на будущее, твердо решило: рыбак в первую очередь должен думать о рыбе, он не просто добытчик, а кормилец страны.

Николай ШАХБАЗОВ

РАССКАЗ

С

СЛУЧАЙ С ДЮБУА

Николай Шахбазов работает в жанре рассказа. Его влечет не вообще короткая проза, а именно рассказ, жанр особый, классический, довольно редкий в наши дни. Круг его почитателей неширок. Это объясняется прежде всего редкими публикациями. Он не спешит. Он нетороплив и несуетен. Литературный труд для него — наслаждение, а не тяжкая обязанность. Я это ощущаю. Точность слова, лаконизм, психологическая правда и глубокая лиричность — все это создает особую стилистику, особую атмосферу шахбазовской прозы, в которой обязательно присутствует подлинность и абсолютно отсутствует всяческая претенциозность.

Булат ОКУДЖАВА

1

Бородаева звали так же, как и Баркляя де Толли: Михаил Богданович. Был он директором театра. За глаза его все именовали Бульбой. О нем говорили: «У Бульбы нюх». Говорили: «Что касается нюха, то Бульба». И на самом деле был у Бульбы нюх — поразительный. Однажды он пришел в театр и, проходя в кабинет, сказал Варваре Петровне:

— Черная кошка перебежала дорогу. Если будт звонить из управления, меня нет.

Звонили из разных мест, а потом и из управления. Спрашивали: где Бородаев? А почему спрашивали — неизвестно.

2

День двадцать третьего апреля, когда дорогу Бульбе перебежала кошка, ничем примечателен не был. Шла обычная театральная жизнь. В фойе помреж вводил в эпизод нового исполнителя, на сцене репетировал главный. Вернулся из отпуска Ларчиков, работник пожарно-сторожевой охраны. Обсуждали макет, представленный художником.

Вечером играли «Гаити». Бульба покинул театр после второго антракта, вслед за ним уехал и его заместитель. Ведущий довел спектакль до конца и ушел последним.

А между тем двадцать третьего апреля исполнилось три месяца со дня премьеры «Гаити». Но событие это осталось незамеченным, на него никто не обратил внимания — ни ведущий, ни завтруппой, ни Бульба.

На следующий день приказом Управления по делам искусств «Гаити» неожиданно был снят с репертуара.

3

Если бы Бульба в свое время не дал согласия на постановку «Гаити», то всех последующих событий, которые так потрясли театральный организм и чуть было не лишили Бульбу директорского кресла, не было бы. Позднейшие историки театра не могли сколь-нибудь убедительно объяснить причину запрета спектакля. Большинство их придавало упоминаемой в записях секретаря директора черной кошке большее значение, чем

она заслуживала. Все они — как только дело доходило до приказа управления — вытаскивали на свет черную кошку, и с этого момента исследование шло по ложному пути и было обречено. И в то же время, как это ни странно, ни один из них не уделил должного внимания тому факту, что ровно через две недели «Гаити» вновь появился на сцене и держался в репертуаре до конца сезона. Профессор Ю. Зубцов был склонен рассматривать это как элементарное нарушение приказа. Предположение его выглядит по меньшей мере легкомысленным и аттестует Ю. Зубцова как человека, не понимающего своеобразия эпохи, в которой происходили события, и игнорирующего главную черту характера Бульбы — осторожность. Если бы историки театра попытались найти подлинные мотивы возобновления «Гаити», они, по всей вероятности, сумели бы ответить и на вопрос, почему он был снят. И тем не менее восстановить эту историю, именующую нами условно «Случай с Дюбуа», во всех подробностях и вынести окончательное суждение стало возможным лишь в наше время, когда открыт доступ к архивным материалам Управления по делам искусств. Однако, прежде чем говорить о событиях за период от 24 апреля по 7 мая, необходимо обратиться к более ранним дням. И тут следует назвать имя Феофана Курочкина.

4

Чем бессмысленнее становилась роль завлита в жизни театра, тем вычурнее он именовался. В пятидесятых годах завлита стали именовать помощником главного режиссера. Должность эта всегда была неопределенной, а к моменту происходящих событий представляла совершенный курьез.

Завлиту предъявлялись два требования: первое — вести протоколы Художественного совета, второе — повышать уровень современной драматургии. Но поскольку уровень из года в год оставался одним и тем же, а Художественный совет был органом мифическим, то завлит в глазах руководства слыл человеком, ни за что получающим зарплату. Предполагалось, что где-то существует пьеса, которую театр ждет годами и которую можно было бы раздобыть за полчаса, прояви завлит расторопность. Положение завлита осложнялось еще и тем, что он никогда не знал, в чьем ведении находится: директора или главрежа. Как правило, директор и главреж высказывали мысли взаимоисключающие, и завлит, таким образом, постоянно пребывал в состоянии гимнаста, работающего под куполом без страховки. В конечном счете его ожидала судьба смертника. Поэтому завлиты обычно комплектовались из людей, прощтрафившихся на руководящей работе. Если же находился человек, добровольно предлагающий свои услуги, то можно было заранее сказать, что он более ни для чего другого пригоден не был. Одним из таких людей, а именно: не пригодным ни для чего другого — и был Феофан Курочкин.

— Вот, — сказал Курочкин и положил Бульбе на стол объемистую папку.

— Что это? — спросил Бульба.

Бульба знал, что это пьеса и ничем, кроме пьесы, быть не может. И то, что Курочкин именно сегодня притащит пьесу, он тоже знал. Накануне был разговор.

Главный уже с полгода слонялся по театру, ничего не делая. В других театрах главные ничего не делали годами, и это как-то сходило с рук; но Бульбе каждый раз, когда он бывал в управлении, ставили в упрек, что главный у него на простое. Разъяренный Бульба возвращался в театр, вызывая Курочкина и стучал кулаком. Курочкин бросался, как к спасательному кругу, к стопке самотечных рукописей, хватал первую

попавшуюся из них и на следующий день тащил Бульбе. Он входил в директорский кабинет с видом заговорщика. Озираясь по сторонам, он плотно прикрывал за собой дверь, извлекал из-под полы рукопись и говорил шепотом: «Вот, нашел». И на этот раз, после вчерашнего разговора, Бульба знал, что Курочкин притащит пьесу. Вопрос его: «Что это?» — означал: как называется, кто автор?

— Уильям Дюбуа, — ответил Курочкин. — «Гаити».

Бульба задумался.

Бульба требовал от Курочкина то, что управление требовало от Бульбы: хорошей советской пьесы. Но что такое хорошая советская пьеса, не знали ни Курочкин, ни Бульба. Кажется, этого не знали и в управлении. Время было смутное, чреватое неожиданностями.

Ясно было одно: театр должен отражать жизнь. В этом Бульба ни минуты не сомневался. На совещаниях, когда ему не о чем было говорить, он всегда говорил об этом. Второе, в чем Бульба не сомневался, это в том, что жизнь прекрасна. Но тут встречали драматурги и сбивали Бульбу с толку. Соглашаясь, что жизнь прекрасна, они говорили, что если нет конфликта, то нет и пьесы. Получался какой-то заколдованный круг. Чтобы написать пьесу, нужен был конфликт, а если был конфликт, то жизнь уже не была прекрасной. Бульба, будучи более практиком, чем теоретиком, не любил эти вопросы и в то же время понимал, что директор не может в них не разбираться.

Курочкин догадался, о чем Бульба думает, и сказал:

— С советской пьесой сложно. Лучше переждать.

— А за иностранщину, думаешь, по головке погладят? — спросил Бульба.

Но Курочкин был готов к этому вопросу.

— Михаил Богданович, — сказал он. — Случай особый. Уильям Дюбуа — видный общественный деятель, к тому же негр. Большая Советская Энциклопедия...

— Ладно, — перебил его Бульба. — Расскажи вкратце, о чем речь?

— Действие происходит на острове Гаити, который французы называют Сан-Доминго, — начал Курочкин. — Наполеон сперва даровал этому острову свободу, а потом ее отнял. Тогда генерал Лувертюр поднял восстание. Французы, как ни бились, ничего сделать не могли. Думали-думали и решили заманить этого негра в ловушку. И вот во время переговоров...

— Постой, — перебил Бульба Курочкина. — Ты меня не путай. Кто негр — автор или генерал?

— Оба негры, — ответил Курочкин.

— Ну, ладно. Продолжай, — сказал Бульба.

— Словом, его заковывают в кандалы и отправляют во Францию. Но дело не в этом. Там есть еще такой генерал Кристоф, который влюблен в жену полковника Буше. Зовут ее Одетта. А в мамашу Одетты когда-то был влюблен полковник Жак. Этот Жак переодевается дворцом, чтобы увидеть Одетту и одновременно шпионить за французами.

— Он тоже негр? — спросил Бульба.

— Да, — ответил Курочкин. — И он, и Кристоф. И Бульба снова задумался.

С неграми у Бульбы были связаны два воспоминания. Первое относилось к давним временам, когда он только начинал свою театральную деятельность. Надо сказать, что прежде, чем стать директором, Бульба был актером. И вот однажды он был занят в массовке в спектакле «Хижи-на дяди Тома». Спектакль имел успех, его играли на всех утренниках, а в школьные каникулы по два раза в день. Бульба ходил по сцене, весь измазанный морилкой, которую завхоз где-то достал по дешевке. Она была изготовлена на каких-

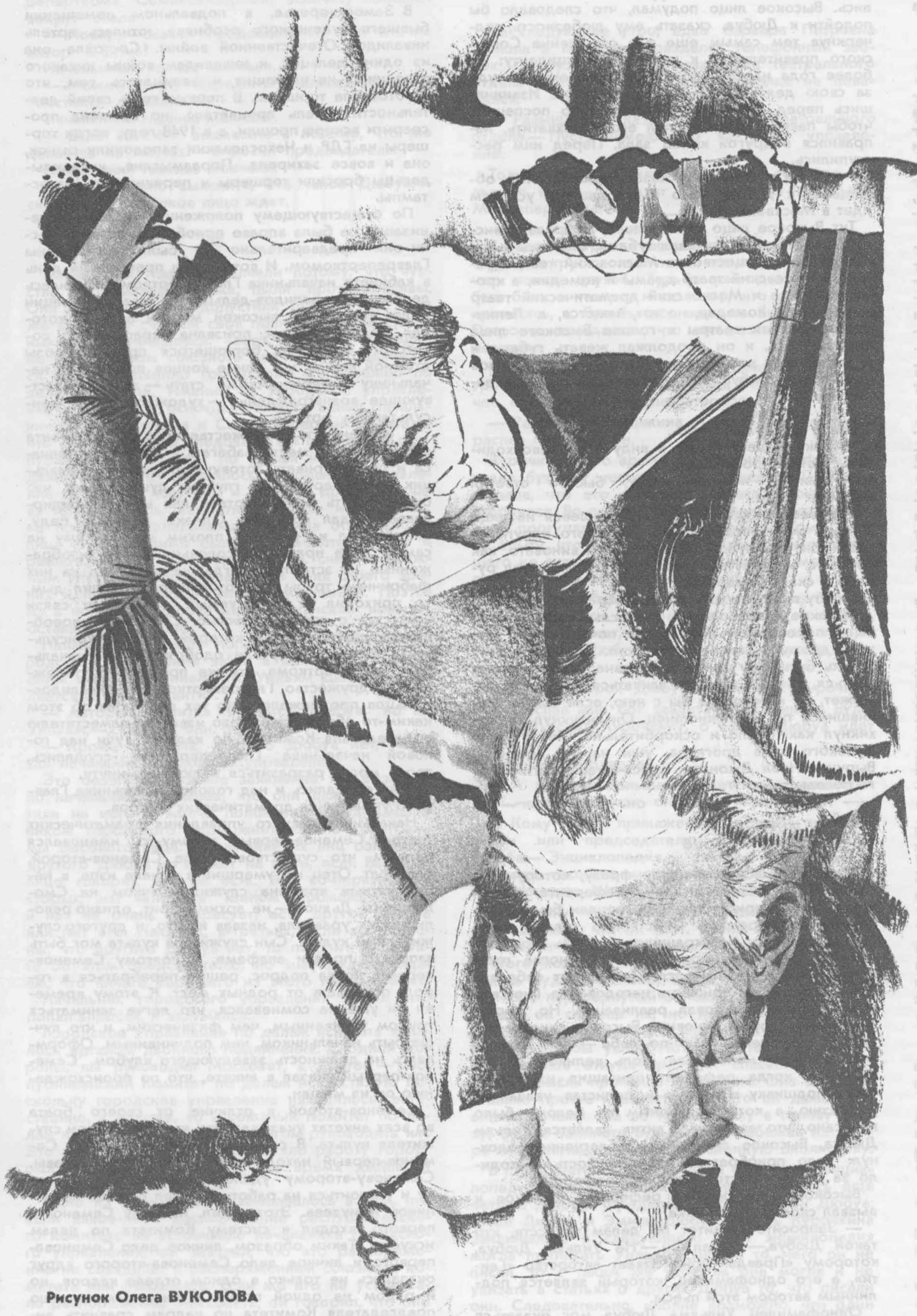

Рисунок Олега ВУКОЛОВА

то зловонных маслах, но главное — требовались невероятные усилия, чтобы ее смыть. С тех пор...

Второе воспоминание было связано непосредственно с директорской деятельностью Бульбы. Жил в Москве негр по имени Роберт Тодд. Толком его никто не знал, но поскольку он был негром, с ним приходилось считаться. Этот Роберт Тодд мнил себя актером и во что бы то ни стало хотел играть Отелло. Как на грех, для своих экспериментов он наметил театр, которым руководил Бульба. Раз в два года приступали к постановке «Отелло». Распределялись роли, начинались репетиции. Но вскоре становилось ясно, что из этой затеи ничего не получится. Роберт Тодд сокрушенно вздыхал и на некоторое время исчезал с горизонта. Но года через два все начиналось сначала. Неизвестно, сколько бы это продолжалось, если бы кто-то (кажется, Аникст, консультирующий московские театры по вопросам английской драматургии) не подсказал Бульбе, что Отелло, собственно говоря, не негр, а мавр. И когда Роберт Тодд в очередной раз появился

в кабинете Бульбы, Бульба уже был спокоен.

Курочкин вновь догадался, о чем Бульба думает, и сказал:

— А Поль Робсон?

— Что — Поль Робсон? — не понял Бульба.

— Поль Робсон, — повторил Курочкин. — Великий негритянский певец и борец за мир. Забыли? Поэт «Широка страна моя родная».

И Курочкин пошел в наступление. Опираясь на неопровержимыми фактами и неожиданными параллелями, он легко доказал, что творчество художника, игнорирующего негритянскую тему, лишено высоких идеалов гуманизма и справедливости. Негритянская тема облагораживает художника, сказал он, и не преминул упомянуть Гогена, перепутав Гаити с Таити. Голос его постепенно обретал металлическую звонкость, сидя в кресле, Курочкин вытягивался, становился выше ростом. Если бы не существовало негров, продолжал он, мы не только не имели бы бессмертного произведения Пушкина «Арап Петра Великого», но и неизвестно, имели ли бы самого

Пушкина. Он говорил страстно и убежденно, не давал Бульбе опомниться. Обратясь к современности, он кратко сообщил о распределении сил на мировой карте, остановился на борьбе народов стран Азии и Африки за свою независимость и эффектно закончил словами...

И Бульба дрогнул. Разумеется, не исторические экскурсы Курочкина оказали влияние на Бульбу и даже не цитаты из авторитетных источников. Неизгладимое впечатление на него произвели слова Курочкина о борьбе народов стран Азии и Африки. Именно эти слова явились решающими в судьбе пьесы, хотя Гаити, находясь у берегов Америки, не имел отношения ни к Азии, ни к Африке.

— Оставь, — сказал Бульба. — Я переговорю с главным.

Так был заложен первый камень в фундамент будущего спектакля.

5

Главный, с точки зрения Бульбы, был человеком никчемным. Достаточно сказать, что у него не было нюха. Таких людей Бульба не уважал. К тому же главный любил произносить фразы, которые Бульба в глубине души считал сущим вздором. Например: «Театр — это буйство красок». Или: «Искусство должно быть масштабно». Больше всего главный любил спорить. Спорил он со всеми — с авторами, художниками, с Бульбой. С актерами он не спорил, он на них кричал. Когда в управлении говорили, что на главного опять поступили жалобы, Бульба разводил руками. «Талант», — отвечал он.

На этот раз главный оказался покладист. Его прельщала экзотичность материала.

— Лианы и бананы, — сказал он. — Действие происходит на фоне тропического леса.

На всякий случай спросил:

— А что скажут там?

— Там? — переспросил Бульба.

— Там, — повторил главный, ткнув указательным пальцем в потолок.

Бульба вдруг просиял.

— Там — одобряет, — сказал он.

Наступила пауза. Главный взял чистый лист бумаги и сделал из него кораблик. Бульба понял, что рискует упустить время.

— Слышал, пьесой интересуется Охлопков, — схитрил он.

Рядом с корабликом появилось какое-то существо — не то жираф, не то кенгуру.

— И ваханговцы, — подбавил Бульба.

— Приступим к распределению ролей, — сказал главный и смел в корзину кораблик, а заодно и существо, которое должно было изображать жирафа или кенгуру.

— Нюх, — сказал Бульба Курочкину, встретив его в коридоре. — Без нюха — нельзя.

Когда Бульба хотел кого-либо похвалить, он говорил: «У него нюх». Про себя он говорил: «У меня большой нюх». Людей с большим нюхом было не так уж много. Кроме Бульбы, большой нюх был еще у Шаха. «Вот он выдвигает этого... как его? Розова», — говорил Бульба.

Самый же большой нюх, по мнению Бульбы, был у Мэтра. Но тот жил в Ленинграде.

6

Премьера «Гаити» состоялась после зимних каникул — 23 января — и прошла с успехом. В первом акте публика была немного смущена обилием экзотики, затем привыкла к ней и следила уже за любовными перипетиями. Когда в третьем акте Жак сообщил о своем решении покончить с жизнью, выпил какое-то зелье и нетвердым шагом ушел за кулисы, в зале раздались вскрипы. Занавес опустился под дружные аплодисменты зрителей.

Через несколько дней газета «Культура и искусство» писала: «Инициатива театра, первым поставившего «Гаити» на советской сцене, заслуживает всяческого одобрения». Далее следовали комплименты в адрес режиссера и актеров, особенно был выделен исполнитель роли Лувертюра. Рецензент подчеркивал значение музыки в общем воздействии спектакля. О музыке было сказано так: она выразительна и эмоциональна.

Оценку «Культуры и искусства» разделили и другие газеты.

На совещании в управлении спектакль был признан событийным.

В театре все поздравляли друг друга, обменивались сувенирами.

Единственный человек, имя которого не упоминалось ни в рецензиях, ни в выступлениях на совещании, ни даже в актерских разговорах, был Курочкин. Однако так уж повелось испокон веков: если спектакль имел успех, хвалили всех,

кроме завлита, если же успеха не было, завлита ругали за неудачный выбор пьесы.

7

Перед весенней сессией ООН в Нью-Йорке состоялось совещание, в котором приняли участие авторитетнейшие делегации великих держав. После окончания совещания глава каждой делегации дал официальный прием в честь своих иностранных коллег. Дж. Ф. Даллес, как гражданин страны, на территории которой проходило совещание, дал прием первым. Вслед за ним прием дал глава советской делегации — через день.

За несколько часов до приема референт информировал главу делегации, которого в дальнейшем будем именовать Высоким лицом, о составе гостей. Кроме официальных лиц, были приглашены деятели науки, деятели литературы и искусства и общественные деятели. Если Высокому лицу имя того или иного гостя было незнакомо, референт сообщал о нем краткие сведения. В числе гостей значился и Уильям Дюбуа. Назвав его, референт сказал:

— Историк и этнограф. Литератор.

— Если не ошибаюсь, — сказал Высокое лицо, — в сорок пятом году он был советником американской делегации на конференции в Сан-Франциско.

— Совершенно верно, — подтвердил референт. — До этого возглавлял кафедру социологии в университете Атланты. Сейчас ему восемьдесят четыре года, и он бодр. Кстати, его пьеса «Гаити» идет с успехом в Московском театре драмы и комедии.

Перешли к другим гостям и о Дюбуа более не вспоминали.

Высокие лица — если они не путешествуют инкогнито — лишены возможности посещать частных лиц и общественные места, оставаясь незамеченными. В любом, подчас самом ординарном их поступке стараются найти второй и даже третий смысл. Не совсем точно выраженная мысль получает множество толкований, иногда самых разноречивых. Официальное положение, которое занимают Высокие лица, диктует им свои условия, и они находятся в плену этих условий, по крайней мере до тех пор, пока являются Высокими лицами. Лишь дипломатические приемы дают им возможность — и то весьма относительную — непосредственного общения с избранными представителями общества.

...Главы делегаций обменялись приветствиями, и напряжение несколько спало; гости, разбившись на группы, оживленно беседовали. Удивлялись рано наступившей в нынешнем году весне и восхищались последним концертом Тосканини. Обсуждали события в Тунисе, правительственный кризис во Франции.

— Президент поручил образование нового кабинета Полю Рейно.

Кто-то упомянул Грубера. Это было не совсем тактично по отношению к американским должностным лицам, но все заулыбались: Грубер ходил в героях дня. Впрочем, дело было не столько в Грубере, сколько в «Нью-Йорк таймс».

«Нью-Йорк таймс» умудрилась опубликовать речь Грубера — западноевропейского министра иностранных дел — за несколько часов до того, как состоялось его выступление. Произошло это потому, что выступление министра по национальному радио было почему-то перенесено с десяти часов утра на шесть вечера. Положение можно было исправить, обвинив «Нью-Йорк таймс» в дезинформации, однако ничего не подозревавший министр выступил в шесть часов и слово в слово повторил то, что уже было не только опубликовано, но и прокомментировано международными обозревателями. Всем стало ясно, что свою речь министр предварительно представил в Вашингтон на рассмотрение, а быть может, и получил ее из Вашингтона в готовом виде. Представитель белого дома отказался дать какие-либо разъяснения по этому вопросу.

Высокое лицо с фужером в руке стоял в углу зала и беседовал через переводчика с двумя физиками, один из которых был лауреатом Нобелевской премии. Постоянный представитель Пакистана в ООН вертелся вокруг да около, то ли не решаясь вступить в беседу, то ли ожидая, когда Высокое лицо кончит говорить с физиками. Пакистанец был человеком, лишенным чувства меры, и уже дважды, на других приемах, донимал Высокое лицо рассказами об обычаях своей страны. Отвечая на вопросы физиков и думая о том, как избежать беседы с этим словоохотливым сыном Востока, Высокое лицо увидел Дюбуа. Тот стоял в противоположном по диагонали углу и рассказывал окружающим его людям, видимо, что-то забавное, потому что они то и дело смея-

лись. Высокое лицо подумал, что следовало бы подойти к Дюбуа, сказать ему любезность, подчеркнув тем самым еще раз отношение Советского правительства к недавнему инциденту: не более года назад Дюбуа был привлечен к суду за свою деятельность в защиту мира. Извинившись перед физиками, Высокое лицо поспешно, чтобы пакистанец не успел его перехватить, направился в другой конец зала. Перед ним расступились.

— Я рад сообщить, — сказал Высокое лицо, обращаясь к Дюбуа, — что пьеса ваша с успехом идет в Москве. В театре...

Тут Высокое лицо запямятовал, и фраза повисла в воздухе. Он пожевал губами, стараясь выиграть время. Существовал Московский театр драмы и Московский театр драмы и комедии, а кроме них, еще и Московский драматический театр и еще Театр комедии, но тот, кажется, в Ленинграде. Все эти театры в голове Высокого лица перепутались, и он продолжал жевать губами и никак не мог вспомнить, в каком же из театров идет пьеса Дюбуа. Наконец он улыбнулся и закончил:

— В театре.

И все тоже улыбнулся.

— Какую пьесу имеет в виду его превосходительство? — спросил Дюбуа.

— «Гаити», — испуская паузу, быстро ответил Высокое лицо.

Мгновенное удивление, выразившееся на лице Дюбуа, сменилось грустью. Глаза его вдруг погасли, он улыбнулся беспомощно и виновато, как человек, застигнутый врасплох. Потом развел руками и сказал, вздохнув:

— Эту пьесу писал другой Дюбуа.

Высокое лицо подумал, что ослышался, и хотел было переспросить, но вдруг почувствовал легкую дрожь в нижней челюсти. Эта проклятая дрожь была ему знакома издавна, стоило ей появиться, как он начинал заикаться. Сейчас, быть может, он и совладал бы с нею, если бы не случившийся тут же пакистанец. Он хихикнул, и хихикнул как-то зло и оскорбительно. Левая щека Высокого лица дрогнула, уши начали краснеть. Выручил Ноэл Джонсон, пресс-атташе английского посольства.

— Тосканини, — сказал он. — Тосканини — это гений.

8

Если бы Высокое лицо ту фразу, которую он мысленно произнес в адрес референта, сказал вслух, то все присутствующие поняли бы ее значение без перевода. Собственно говоря, этой фразой он мог и ограничиться, будь простым смертным. Однако привыкший за многие годы к тому, что один его взгляд повергает собеседника в трепет, он пришел в негодование. Гнев его искал выхода, требовал реализации. Но, кроме референта, других виновных Высокое лицо не видел, а референт — сам по себе — был величиной слишком малой для столь великого гнева. Поэтому, когда референт притаился из пресс-бюро подшивку «Правды» и, полистав, указал на рецензию, в которой черным по белому было написано, что автором «Гаити» является Уильям Дюбуа, Высокое лицо даже облегченно вздохнул: дело приобретало значительность, выходило за рамки простой оговорки референта.

Высокое лицо оставил референта в покое и вызвал своего помощника.

— Запросите Комитет по делам искусств, кто такой Дюбуа, — сказал он. — Не Уильям Дюбуа, которому «Правда» приписывает авторство «Гаити», а его однофамилец, который является подлинным автором этой пьесы.

Однофамилец Уильяма Дюбуа мог оказаться сюрреалистом, экспрессионистом, трансценденталистом, экзистенциалистом. Похоже было, что московские театры не знают даже, чьи пьесы они ставят. Высокое же лицо был не только Высоким лицом, но и очень Высоким.

9

Телеграмма, полученная через Министерство иностранных дел, весьма озадачила председателя Комитета по делам искусств. Речь в ней шла о каком-то втором Дюбуа. Он трижды перечитал телеграмму, пытаясь понять, что от него требуют, но так и не понял, потому что он не только ничего не слышал о втором Дюбуа, но и не знал о существовании первого. Он велел немедленно вызвать начальника Главреперткома и начальника Главного управления драматических театров.

Начальник Главреперткома и начальник Главного управления драматических театров, узнав, что их вызывает председатель, встревожились не на шутку. Каждый из них имел на то свои основания.

В Замоскворечье, в подвальном помещении бывшего купеческого особняка, ютилась артель инвалидов Отечественной войны. Состояла она из одних дельцов, к инвалидам войны никакого отношения не имеющих, и занималась тем, что изготавливала торшеры. В первые годы своей деятельности артель процветала, но времена процветания вскоре прошли, а в 1948 году, когда торшеры из ГДР и Чехословакии заполнили рынок, она и вовсе захирела. Поразмыслив, инвалиды-дельцы бросили торшеры и перекинулись на эстампы.

По существующему положению ни одна организация не была вправе приобрести эстампы, если они предварительно не были утверждены Главреперткомом. И вот в один прекрасный день в кабинете начальника Главреперткома появилась делегация инвалидов-дельцов. Глава делегации долго говорил о высокой миссии артели, которая, по его словам, призвана украсить быт советского человека, борющегося против угрозы атомной войны, и в конце концов предложил начальнику Главреперткома стать — за соответствующее вознаграждение — художественным консультантом артели.

В обязанность художественного консультанта входило раз в месяц забегать в артель на полчаса и просматривать готовую продукцию. Начальник Главреперткома в глубине души решил, что будет судить работу артели как можно придирчивее, и дал согласие. Однако, на свою беду, он обладал из рук вон плохим вкусом. Ему на самом деле нравились соловьи и розы, изображенные на эстампах. Когда же он видел на них фабричные трубы, из которых густо валил дым, то приходил в неопределимый восторг от связи искусства с современностью. Создалась своеобразная ситуация, при которой он, как консультант, продукцию артели одобрял, а как начальник Главреперткома, эту же продукцию утверждал. Содружество Главреперткома и инвалидов-дельцов продолжалось до тех пор, пока об этом каким-то образом не стало известно заместителю председателя Комитета по кадрам. Тучи над головой начальника Главреперткома сгустились, гроза могла разразиться в любую минуту.

Тучи сгустились и над головой начальника Главного управления драматических театров.

Начальник Главного управления драматических театров Семенов-первый потому-то именовался первым, что существовал еще Семенов-второй, его брат. Отец их, умерший в начале нэпа, в незапамятные времена служил дьячком на Смоленщине. Дьячок — не архимандрит, однако революция их уравнивала, назвав и того, и другого служителями культа. Сын служителя культа мог быть запросто предан анафеме, и поэтому Семенов-первый, когда подрос, решил перебраться в город, подальше от родных мест. К этому времени он уже не сомневался, что легче заниматься трудом умственным, чем физическим, и что лучше быть начальником, чем подчиненным. Оформляясь на должность заведующего клубом, Семенов-первый указал в анкете, что по происхождению он из мещан.

Семенов-второй в отличие от своего брата во всех анкетах указывал, что является сыном служителя культа. В сорок девятом году, когда Семенов-первый находился в зените своей славы, Семенову-второму удалось перебраться в Москву и устроиться на работу в отдел охраны памятников и музеев. Этот отдел, на беду Семенова-первого, входил в систему Комитета по делам искусств. Таким образом, личное дело Семенова-первого и личное дело Семенова-второго вдруг оказались не только в одном отделе кадров, но и рядом на одной полке. Стоило заместителю председателя Комитета по кадрам сравнить анкеты братьев, как над головой Семенова-первого разразилась бы гроза.

В силу этих обстоятельств начальник Главреперткома и Семенов-первый не на шутку встревожились, узнав, что их вызывает председатель.

— Садитесь, — сказал председатель тоном, не предвещающим ничего хорошего.

К письменному столу председателя, образуя букву «Т», был приставлен длинный стол, покрытый красным сукном. Когда начальник Главреперткома и Семенов-первый, отодвинув стулья, уселись в подмышках буквы «Т», председатель задал вопрос, достойный любителя кроссвордов:

— Кто автор «Гаити»?

Начальники главков переглянулись и ответили хором:

— Уильям Дюбуа.

— Вы в этом уверены? — спросил председатель. (Дожидаюсь начальников главков, он кое-как разобрался в телеграмме.) — Читайте! — крикнул он, побагровев.

Телеграмма вырвалась из его рук и, сделав вираж, спланировала на колени начальника Глав-

реперткома. Семенов-первый, вскочив, побежал вокруг стола.

— Позор, — сказал председатель. — Так кто же автор «Гаити»?

Начальники главков молчали.

— Может, «Анну Каренину» написал Алексей Толстой? — съязвил он.

Начальники главков молчали.

— Если такое возможно в Москве, что же делается на местах? — спросил председатель.

Начальники главков молчали.

— Немедленно выясните, кто такой Дюбуа, — сказал он. — Высокое лицо ждет.

10

Начальники главков молчали потому, что чувства, испытываемые ими, были противоречивы. Они сознавали, что допустили ошибку, но в то же время не считали себя полностью ответственными за случившееся. Театр драмы и комедии не был театром союзного значения и подчинялся непосредственно городскому Управлению по делам искусств. Именно на городское управление и ложилась основная тяжесть вины. Начальник Главреперткома и Семенов-первый полагали, что дело о Дюбуа следовало бы передать в республиканский Комитет по делам искусств, в ведении которого находилось городское Управление по делам искусств, и во всех других случаях председатель, вероятно, так бы и поступил; но поскольку телеграмма исходила от Высокого лица и необходимо было действовать быстро и решительно, то председатель не считал возможным упускать расследование из поля своего зрения и поручил его начальникам главков. Поэтому в истории с Дюбуа республиканский комитет оставался в стороне.

Начальники главков попросили начальника городского управления зайти в комитет и ошарашили его сообщением, что Уильям Дюбуа не является автором «Гаити».

— Автор «Гаити» является Дюбуа, но не Уильям, — сказали они.

— Кроме Уильяма, другого Дюбуа нет, — сказал начальник городского управления.

Это безапелляционное заявление так возмутило начальников главков, что они даже не ответили на него и молча положили перед начальником городского управления копию телеграммы Высокого лица. Выражение их лиц означало: другого Дюбуа не может не быть, если Высокое лицо говорит, что он есть. Это во-первых. Во-вторых, мы являемся звеном промежуточным, и нас не очень интересует, есть другой Дюбуа или нет его. Наконец, в-третьих, если вы уверены, что другого Дюбуа нет, то пойдите и заявите об этом председателю, но мы предупреждаем, что ничего хорошего из этого не получится.

Начальник городского управления понял, что попал впросяк, и задумался.

Городское Управление по делам искусств являлось органом двойного подчинения. С одной стороны, им руководил Моссовет, с другой — республиканский Комитет по делам искусств. Но поскольку городское управление находилось, естественно, в Москве, то и союзный Комитет по делам искусств считал своим долгом руководить им. Это положение весьма осложняло работу городского управления, но в то же время давало и некоторые преимущества.

Одно из преимуществ заключалось в том, что если какое-либо распоряжение республиканского комитета не устраивало начальника городского управления, он заявлял, что это распоряжение не совпадает с распоряжением союзного комитета или Моссовета. Если же его не устраивало распоряжение Моссовета, он говорил, что оно противоречит распоряжениям и республиканского, и союзного комитетов. Тогда начиналась переписка между республиканским комитетом, союзным комитетом и Моссоветом, и, пока выяснялись, что к чему, распоряжение теряло смысл и все утрясалось само собой.

Сейчас начальник городского управления сидел и думал, нельзя ли как-нибудь и в данном случае использовать это преимущество; но ничего придумать не мог. Он махнул рукой, сдался.

В конце концов, рассуждал он, чем я — не промежуточное звено? Я, конечно, виновен, но меня подвели подчиненные, — в первую очередь начальник театрального отдела и начальник Мосреперткома. Однако мысль эту вслух он не высказал, потому что и начальник театрального отдела, и начальник Мосреперткома, являясь его ближайшими помощниками, недостаточно смягчали силу удара. Поэтому он сказал начальникам главков, что основная тяжесть вины, по его мнению, ложится на директора театра.

В этот день дорогу Бульбе перебежала черная кошка.

На следующее утро, едва Варвара Петровна пришла в театр, как раздался телефонный звонок. Она узнала голос начальника театрального отдела и ответила, что Бородаев еще не появился.

— Разыщите, — сказал начальник театрального отдела. — Пусть немедленно явится в управление.

Только она опустила трубку, как телефон зазвонил вновь. На этот раз говорил начальник Мосреперткома.

— Разыщите, — сказал он.

Варвара Петровна позвонила Бульбе на квартиру, но трубку там никто не поднял. Прошел час, потом другой. Бульба уже давно должен был быть в театре, и по тому, что звонки прекратились, а Бульбы все еще не было, Варвара Петровна догадалась, что его разыскивали без ее помощи.

Наконец, в час дня Бульба появился. Он был грозен, как Петр Первый перед Полтавой, и мрачен, как Наполеон после Ватерлоо.

— Разыщите Курочкина, — медленно, как-то нараспев произнес он.

Курочкин в это время в служебном буфете допивал бутылку кефира. Когда Варвара Петровна сказала, что его вызывает директор, он очень огорчился. Во-первых, он намеревался после завтрака прогуляться по Таганке, а во-вторых, знал по опыту, что неожиданные вызовы ничего хорошего не сулят. Разумеется, он даже не мог представить себе масштабы катастрофы.

— Вот что, Курочкин, — сказал Бульба, барабанив пальцами по настольному стеклу, — спорить мне с тобой некогда. К вечеру — кровь из носа, — чтоб второй Дюбуа был найден. В управлении ждут.

— Какой второй Дюбуа? — удивился Курочкин.

— Послал мне бог заплата! — воскликнул Бульба и объяснил Курочкину, о каком Дюбуа идет речь.

Курочкин побледнел.

— А как же Большая Советская Энциклопедия? — робормотал он.

— Кому мне, прикажешь, верить — энциклопедии или председателю комитета?! — заорал Бульба. — Энциклопедия завтра напишет — на странице такой-то вместо «Эжен Сю» следует читать «Исидор Шток», а отвечать-то нам?

Курочкину часто снились кошмары, и сейчас ему казалось, что он спит. Стены вдруг исчезли, он увидел себя со стороны — на краю пропасти. С этого момента окружающие предметы отодвинулись куда-то далеко, будто Курочкин смотрел на них в перевернутый бинокль, и слова утратили смысл, он слышал их, но не понимал. Это состояние продолжалось и после того, как Курочкин от Бульбы ушел. Но вдруг так же, как во сне, неведь откуда приходит спасение, неожиданная мысль пронзила Курочкина. Она была настолько проста и естественна, что он даже удивился: почему она не пришла ему в голову сразу, еще в кабинете Бульбы? Он выбежал из театра и стремглав помчался в районную библиотеку.

В пятнадцатом томе Большой Советской Энциклопедии, кроме Уильяма Дюбуа, значились еще четыре Дюбуа: Фредерик Дюбуа, Эдмон Дюбуа, Эжен Дюбуа и Эмиль Дюбуа. Мысль Курочкина заключалась в следующем: если энциклопедия могла приписать Уильяму Дюбуа то, чего он не писал, то с таким же успехом она могла и не указать в статьях о других Дюбуа то, что писали они. Следовательно, вполне возможно, что один из четырех Дюбуа и является автором «Гаити».

Двух из них Курочкин отвел сразу: один был реакционным политическим деятелем, другой неправильно решал вопрос о познаваемости закономерностей природы... Про третьего Дюбуа было сказано, что он сторонник норманистской теории. Курочкин не знал, хорошо это или плохо, поэтому на всякий случай отвел и его. Оставался Эжен Дюбуа.

Про Эжена Дюбуа было написано: голландский ученый, обнаруживший остатки ископаемого существа — питекантропа. В течение многих лет защищал дарвинизм, доказывая, что питекантроп представляет собой промежуточное звено между человеком и обезьяной.

Курочкин даже подпрыгнул от радости: человек, обнаруживший остатки питекантропа да еще доказывающий, что питекантроп является звеном промежуточным, был способен на что угодно. Такой человек мог запросто написать и пьесу. У Курочкина не оставалось сомнений, что Эжен Дюбуа и есть искомая величина.

Он сделал необходимые выписки и помчался назад, в театр.

К сообщению Курочкина Бульба отнесся недоверчиво. Эжен Дюбуа не произвел на него впечатления человека серьезного. Обнаруженные им остатки могли принадлежать и не питекантропу, не говоря о том, что неизвестно, существовали ли питекантропы когда-либо. В представлении Бульбы питекантроп был персонажем мифологии, нечто вроде огнедышащего дракона или кентавра. Норманистская теория, которую поддерживал Фредерик Дюбуа, вызывала больше доверия.

После долгих споров было принято компромиссное решение: сообщить в управление, что автором «Гаити» является Эжен Дюбуа, но не указывать, что остатки питекантропа обнаружены им.

12

Начальник городского Управления по делам искусств был единственным человеком, который с самого начала этой истории не верил в существование второго Дюбуа. Однако возражать начальникам главков он не стал, полагая, что делать это вынужден будет Бульба. Поэтому он крайне удивился, когда в письме, подписанном директором театра, прочел, что второй Дюбуа обнаружен. «Хитер Бородаев, — подумал он. — Того гляди, выкрутится».

Но начальник управления тоже был хитер, к тому же он был игроком. Не то чтобы играл на бегах, а в смысле фигуральном. Он поднял трубку и позвонил Бульбе.

— Михаил Богданович, — сказал он, — жаль, что ты меня не застал. Дело вот в чем. Очень хорошо, что ты наконец выяснил, кто написал «Гаити». Эжен Дюбуа так Эжен Дюбуа, спорить с тобой не буду. Но наверху твоё объяснение никого не удовлетворит. Раз уж ты выяснил, что «Гаити» написал Эжен Дюбуа, то, будь добр, сообщи о нем какие-нибудь сведения. Допускал ли он, к примеру, ошибки в своем творчестве или, наоборот, был на высоте. Может, поговорку какую выдумал. Много я не требую — полстранички. А ты подошел формально. Будь здоров.

Сделав один шаг, Бульба был вынужден сделать второй. Но, кроме того, что Эжен Дюбуа обнаружил остатки питекантропа и защищал дарвинизм, Бульба о нем ничего не знал. Не знал о нем ничего и Курочкин. Но Курочкина, наделенного большим воображением, чем Бульба, обстоятельство это не смущало.

— Я уверен, что Эжен Дюбуа написал свою пьесу после того, как в составе научной экспедиции побывал на острове Гаити, — сказал Курочкин. — Посудите сами, Михаил Богданович, не мог же он сперва написать пьесу, а потом отправиться в экспедицию.

Довод этот показался Бульбе убедительным.

— Пиши, — сказал он. — Вернувшись из экспедиции, Эжен Дюбуа создал «Гаити», которая принесла ему широкую известность. Точка.

— На Гаити, подобно Миклухо-Маклаю, он подружился с туземцами, — сказал Курочкин. — Это привело к столкновению с французской администрацией, он вынужден был покинуть остров раньше срока.

— Предварительно обнаружив остатки питекантропа, — подсказал Бульба.

— Остатки питекантропа он обнаружил не на Гаити, а на Яве, — поправил его Курочкин, и Бульба смутился.

— В таком случае о питекантропах не надо вообще, — сказал он. — Мы начали не с того конца. А что он делал в детстве?

— В детстве он, разумеется, принимал участие в домашних спектаклях, — ответил Курочкин. — Думаю, не ошибусь, если скажу, что увлечение театром он унаследовал от своей матери, которая в молодости обладала красивым меццо-сопрано.

— О меццо-сопрано тоже не надо, — сказал Бульба.

— Правильно, — согласился Курочкин. — Увлечение театром он унаследовал от своей матери. Точка. В шестнадцать лет он решил стать актером, но встретил сопротивление со стороны отца... После разрыва с семьей...

— А где он родился? — вдруг спросил Бульба.

— В Гааге, — ответил Курочкин. — Он родился в Гааге, но после разрыва с семьей переехал в Роттердам. Здесь он поступил на медицинский факультет Роттердамского университета, который окончил с золотой медалью.

Факт этот показался Бульбе правдоподобным.

— Пиши, — сказал Бульба. — Университет он окончил с золотой медалью. Точка. А как ты думаешь, Курочкин, — спросил он, — кто оказал влияние на его творчество?

— Жорж Санд,— ответил Курочкин.— Все писатели девятнадцатого века находились под влиянием Жорж Санд.

— Смотри, Курочкин, не подведи,— сказал Бульба.— Неужели все?

— Во всяком случае, на Эжена Дюбуа она оказала влияние,— ответил Курочкин.

— Не мешало бы упомянуть о цензуре,— сказал Бульба.— Цензура всегда притесняла все прогрессивное. И о тюльпанах. Голландия — родина тюльпанов, это общеизвестно.

Так постепенно вырисовывался облик Эжена Дюбуа — путешественника и писателя.

Получив справку об Эжене Дюбуа, Начальник городского Управления по делам искусств пришил к объяснительной записке, в которой Бульба писал, что театр был введен в заблуждение Большой Советской Энциклопедией, и, присовокупив к ним свою объяснительную записку, все три документа отправил в союзный Комитет по делам искусств. И пошел Эжен Дюбуа путешествовать по инстанциям.

Путь его напоминал молнию на детских рисунках, с той лишь разницей, что молния обращена острием вниз, а путь Эжена Дюбуа пролегал вверх. Эжена Дюбуа то и дело возвращали, требовали поправок, правила, передавали дальше. Каждый, кому он попадался на глаза, считал нужным вносить изменения в его биографию. Семенов-первый, например, по каким-то одному ему известным причинам заменил Гаагу Брюсселем, превратив Эжена Дюбуа таким образом в бельгийца.

Наконец, двадцать шестого апреля он добрался до председателя комитета. Председатель отбросил прилипшие к Эжену Дюбуа в пути объяснительные записки и, запечатав его в конверт, отправил в Министерство иностранных дел на имя Высокого лица. Одновременно председатель сообщал, что на виновных наложены взыскания.

13

В честь глав делегаций великих держав дал обед и Генеральный секретарь ООН. Делегации собирались разъезжаться, и только официальные приемы и обеды еще задерживали их. В серии приемов и обедов обед Генерального секретаря ООН был последним.

Любые дипломатические мероприятия требуют от их участников соблюдения ряда условностей, и человека, не искушенного в правилах этикета, неприятности подстерегают на каждом шагу. В основном они происходят с людьми науки, отличающимися рассеянностью, и с деятелями литературы, склонными игнорировать не только правила этикета, но и общепринятые нормы поведения. Гораздо сложнее, когда нарушение касается церемониала, в особенности если совершается лицом официальным, да еще преднамеренно. В 1768 году на придворном балу в Лондоне русский посол Чернышев занял место рядом с графом фон Сейлерном, послом Священной Римской империи. Явившийся несколько позже французский посол, увидев минуту, пролез между ними, оттеснив Чернышева. Инцидент этот кончился дуэлью. Но обед у Генерального секретаря ООН прошел и без курьезов, и без инцидентов.

В начале обеда, отвечая на приветствие Генерального секретаря, Высокое лицо заметил среди присутствующих Уильяма Дюбуа. Вспомнив недавнюю беседу, он испытал чувство неловкости и в продолжение всего обеда старался не смотреть в его сторону. Однако перед самым разездом Дюбуа подошел к Высокому лицу и, дотронувшись до его локтя, сказал:

— Я был рад, ваше превосходительство, слышать от вас, что моя пьеса пользуется в Москве успехом. Сценическая судьба «Гаити» не складывалась благополучно, по крайней мере до сих пор.

Левая щека Высокого лица дрогнула, он сказал, слегка заикаясь:

— По-азвольте, вы, по-омнитесь мне, говорили, что «Гаити» писал другой Дюбуа.

— Это действительно так!— воскликнул Дюбуа. Он вздохнул и развел руками, как и при прошлой беседе.— Когда я писал «Гаити», мне было двадцать лет, и я был другим Дюбуа.

Если бы Высокое лицо ту фразу, которую он мысленно произнес в адрес Уильяма Дюбуа, сказал вслух, то все присутствующие поняли бы ее значение без перевода. Высокое лицо ничего не ответил Уильяму Дюбуа, он посмотрел вокруг, нет ли поблизости представителя Пакистана.

14

На следующий день во время доклада помощник Высокого лица вручил ему полученное дипломатической почтой письмо председателя Комите-

та по делам искусств. В письме сообщалось, что пьеса «Гаити», ошибочно приписанная видному негритянскому деятелю Уильяму Дюбуа, принадлежит бельгийскому путешественнику и писателю Эжену Дюбуа, справка о котором прилагается. Ввиду того, сообщалось в письме, что творчество Эжена Дюбуа для советского зрителя интереса не представляет, спектакль «Гаити» с репертуара снят. На работников Комитета по делам искусств, Управления по делам искусств и на работников театра, допустивших ошибку, наложены взыскания. В целях предотвращения подобных ошибок в будущем и улучшения работы театров намечен ряд мероприятий.

— Ничего не понимаю,— сказал Высокое лицо,— какой еще Эжен Дюбуа? Вы слышали что-нибудь об Эжене Дюбуа?— спросил он помощника.

— Нет,— ответил тот.

— Ерунда какая-то,— сказал Высокое лицо. Он взял ручку и на письме председателя Комитета по делам искусств в верхнем левом углу — наискосок — написал: «В архив».

15

Высокое лицо, не поняв сути происшедшего, решил, что произошло недоразумение, и, отправив письмо Председателя Комитета в архив, перешел к другим делам. Вернувшись в Москву, он распорядился «Гаити» в репертуаре восстановить. Распоряжение было передано его помощником без каких-либо объяснений. Председатель комитета не считал удобным спросить, чем оно вызвано, поэтому на афишах и программах, выпущенных после седьмого мая, инициалы Дюбуа не указаны. Тем не менее, кроме Начальника городского управления, все были склонны думать, что автором «Гаити» является Эжен Дюбуа. Даже спустя много времени — 9 марта 1954 года — влиятельная газета в статье, посвященной спектаклю, писала: «К сожалению, доверившись, по-видимому, Большой Советской Энциклопедии, рецензенты приписали эту пьесу однофамильцу ее автора — видному негритянскому деятелю, борцу за мир, историку Уильяму Дюбуа».

Из этой фразы можно заключить, что газета если и не была уверена, что «Гаити» писал Эжен Дюбуа, то совершенно не сомневалась, что Уильям Дюбуа, во всяком случае, ее не писал.

16

На этом история с Дюбуа кончается.

Уильям Дюбуа умер в 1963 году в возрасте девяноста пяти лет. Бульба умер в 1957 году, в том же году, в каком Высокое лицо кончил свою деятельность. Курочкин жив, в одной из среднеазиатских республик он работает массовиком в доме отдыха. История о том, как он очутился в Средней Азии, заслуживает отдельного рассказа.

Из остальных героев удалось разыскать только Варвару Петровну. Я отправился по адресу в район Новых Черемушек. Дверь мне открыла старая женщина со множеством бигуди на голове и в галошах на босу ногу. Она заулыбалась, засуетилась и сразу же стала жаловаться на своих соседей, приняв меня, видимо, за какого-то инспектора.

— Варвара Петровна,— сказал я.— Меня интересует история постановки «Гаити». В общих чертах я ее знаю, но, может быть, вы вспомните кое-какие подробности.

— Никакой истории не было,— сказала она.— Вы что-то путаете.

— Ну, как же?— сказал я.— «Гаити» сняли, потом восстановили. Помните?

— Нет,— ответила она.

— Варвара Петровна,— сказал я,— вы не можете не помнить, вы тогда работали секретарем Бородаева. Бородаева-то помните?

— Какого Бородаева?— спросила она.

— Бородаева, директора театра,— сказал я.— Михаила Богдановича. Его еще все называли Бульбой.

— Я человек маленький,— сказала она.— Я на пенсии. А вы, собственно говоря, от кого?

— Я сам по себе. Я ни от кого.

Она не ответила.

— Честное слово,— добавил я.

— Не советую,— сказала она.

— Что — не советуете?— удивился я.

Она оглянулась и сказала, понизив голос:

— Вам известно, что в этой истории были замешаны очень большие люди?

— Помилуйте!— воскликнул я.

— То-то и оно,— сказала старуха.— Не советую.

Из Новых Черемушек до центра я добирался часа два. Улицы были запружены народом, в этот день Москва встречала Гагарина.

ВОЗВРАЩАЯСЬ
К НАПЕЧАТАННОМУ

«НОВЫЕ МЕТОДЫ» ЗАЩИТЫ И «СТАРЫЕ ПРИЕМЫ» РАССЛЕ- ДОВАНИЯ

Александр ЛАРИН,
доктор юридических наук

На следственную работу я пришел вскоре после войны, когда еще функционировали отделы борьбы с бандитизмом, когда не только милиция, но и работники прокуратуры и даже судьи не расставались с личным оружием. А лет двадцать пять спустя довелось расследовать хищения, совершенные с применением компьютера. И чтобы раскрыть эти преступления, также понадобилась вычислительная техника. Так что повидал многое. Тем не менее статья А. Комарова «Новые методы защиты» («Огонек», 1987, № 26) удивила.

До сих пор адвокаты жаловались на следователей, которые мешали им вести защиту по уголовным делам. А теперь, оказывается, адвокаты следователей обижают, толкуют про какие-то ошибки в уголовных делах.

Но чем недовольны следователи? О чем речь по существу? О каких ошибках?

Типичная следственная ошибка — обвинение невиновного. Выявить такую ошибку, реабилитировать обвиняемого должен суд. Однако практи-

чески это происходит не всегда и не сразу. Предвзятые судьи, введенные в заблуждение сфальсифицированными или ложно истолкованными материалами предварительного следствия, способны осудить невиновного. Тогда следственная ошибка отягчается судебной, исправление ее затягивается, иногда на долгие годы.

Следственные ошибки возникают не сами собой. Они — от беззакония. Говорят, наряду со сложными бывают и дела простые, примитивные. Это неверно.

Примитивны многие преступления. Например, убийства. Но когда возникает уголовное дело и преступник, не считаясь со средствами, стремится уйти от наказания, а потерпевший добивается возмездия и многие вокруг небезучастны к происшедшему, все эти чувства, устремления, действия сплетаются в тугую клубок, который размотаешь не сразу. И упрощенный подход совершенно неприемлем. Иной следователь думает: достаточно припугнуть подозреваемого, так он все как на духу выложит. Бывает, подозреваемый действительно с перепугу сознается. И потом много времени уходит, чтобы выяснить, что несчастный ложно оговорил себя.

Можно ли исключить из практики следственные и судебные ошибки? Да. Многовековым опытом выработана технология поиска истины о преступлении и преступнике. Она закреплена в статьях Уголовно-процессуального кодекса. Действуя по этим правилам, следователи и судьи избегают ошибок, а нарушая правила, ошибаются. И непонятно, почему вызывают к справедливости те, кого за такие ошибки прозвали «правовыми нигилистами». Ведь это от латинского nihil — ничто. И уж если преступали закон, ставили его в ничто, то подобное звание заслужили. И это еще ничего, это мягко, по-интеллигентному обзывали.

Ну, а адвокаты, защитники — они-то причастны к судебным ошибкам? Как сказать... Адвокат не составляет обвинительное заключение и не подписывает приговор. Формально за выводы следователя или суда адвокат не в ответе. Но если он не использовал все законные способы и средства для выявления оправдывающих или смягчающих обстоятельств, то понесет ответственность перед своим цехом — коллегией адвокатов.

Практически, однако, следственные ошибки в большинстве случаев обнаруживаются благодаря усилиям адвокатов. Если, прибегая к высокому газетному стилю, назвать повседневную деятельность адвокатов борьбой, то это борьба за права личности, за человечность, против предвзятости, против судебных ошибок. Но не против следователя. На предварительном следствии все решения о направлении исследования, о производстве следственных действий, о мерах принуждения принимает следователь. Адвокат может только ходатайствовать, просить следователя в пользу своего подзащитного. Удовлетворение же или отклонение этих просьб зависит от следователя. И нет между ними арбитра, который мог бы зафиксировать поражение следователя и победу адвоката. Другое дело — судебное разбирательство, где государственный обвинитель и защитник противостоят друг другу как равноправные стороны. Здесь, в решающей стадии процесса, они состязаются, если хотите, борются. Но сейчас мы не об этом, а о следствии.

Итак, со следователем адвокат не борется. Но нет места и «единым действиям следствия и защиты», о которых пишет А. Комаров. И следователь, и защитник призваны обеспечить достижение единой цели — торжества правосудия. Но движутся они к этой цели с противоположных сторон: один обвиняет, другой защищает. Если же иной адвокат по невежеству или малодушию изберет позицию «единства действий» со следователем, он нарушит закон, а равно свой профессиональный и нравственный долг.

Иногда обиды возникают от элементарной неосведомленности. Так, следователь Я. Тариев пишет в «Огонек» из Частинского района Пермской области: «...На мой взгляд, адвоката можно и нужно допустить к участию в деле с момента предварительного следствия». Немного опоздал Я. Тариев со своим великодушным взглядом. Участие защитника со стадии предварительного следствия установлено советским законодательством давным-давно. По делам несовершеннолетних и лиц, страдающих физическими или психическими недостатками, а также в некоторых других случаях адвокат участвует с момента предъявления обвинения, а по всем остальным делам — с момента предъявления обвинения для ознакомления

всех материалов предварительного следствия. Очередной шаг в развитии гарантий права на защиту многие советские юристы видят в том, чтобы защитник участвовал с момента предъявления обвинения по всем без исключения следственным делам.

Я. Тариева, однако, не удовлетворяет действующий закон. Он согласен допустить участие в предварительном следствии лишь адвоката, который «не пытается любыми средствами добиться «оправдания» своего подзащитного». Как видно, идеал Я. Тариева — такой защитник, который не защищает. Но этот «идеал» несовместим с законом, который уполномочивает защитника «использовать все указанные в законе средства и способы защиты в целях выяснения обстоятельств, оправдывающих обвиняемого или смягчающих его ответственность». Неужели юристу непонятно, что профессиональный долг адвоката как раз и состоит в тщательном, всемерном выполнении этой задачи?

Недоволен Я. Тариев и тем, что «адвокат, как и обвиняемый, может менять свою позицию, не неся за это никакой ответственности». Отсюда, дескать, «неравенство между защитником и государственным обвинителем». Этот удивительный следователь, видимо, забыл, что по закону следователь вправе дополнить, изменить или прекратить обвинение, что прокурор вправе отказаться от государственного обвинения (ст. 154, 248 УПК). Как это юрист может не знать, что такие радикальные изменения позиции, если они основаны на внутреннем убеждении, никакой ответственности для следователя и прокурора не влекут?

Возражает Я. Тариев против участия защитника на предварительном следствии и потому, что труд адвоката оплачивает обвиняемый. В самом деле, по закону граждане и организации, нуждающиеся в юридической помощи, вносят деньги в юридическую консультацию, и из этих средств выплачивается гонорар адвоката. Размер гонорара пропорционален объему и качеству труда. Таким образом, заработок адвоката действительно в некоторой мере зависит от подзащитного. Этим адвокат отличается от следователей, прокуроров и других профессиональных участников уголовного дела. Но почему так? Может быть, это ошибка, которую можно исправить законодательным путем? Нет, пожалуй. Не случайно обратившегося за юридической помощью закон называет доверителем. Подзащитный вверяет адвокату свою судьбу, раскрывает перед ним душу. Он должен быть уверен, что адвокат добросовестно и самоотверженно будет отстаивать его интересы, что бы там ни думали на этот счет работники милиции, следователи, прокуроры. Чтобы обеспечить такую уверенность, закон наделяет обвиняемого правом выбора защитника, отказа от защитника, правом на замену защитника. Этому же служит принцип оплаты заработка адвокатов. Этот принцип действует со времен античного Рима и по сей день во всех странах, где есть адвокатура. Ничего лучшего за последние две тысячи лет не придумано. И это никоим образом не препятствует активному участию адвокатов в досудебных стадиях процесса во многих современных государствах, включая и большинство социалистических стран.

Занимающий высокий пост в следственном аппарате старший советник юстиции В. Олейник тоже размышляет о реформировании процессуального законодательства. А. Комаров сообщает о двух его предложениях. Первое — «дополнить статью 34 УПК (Уголовно-процессуального кодекса) понятиями «адвокат», «защитник». В данном случае, видимо, не принято во внимание, что указанная статья включена в кодекс не для определения понятий, а для разъяснения наименований, то есть терминов. Адвокат участвует в уголовном процессе в качестве защитника либо представителя потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика. Определению статуса защитника и представителя посвящены статьи 47—54 и 56 УПК, так что еще раз разъяснять, кто именуется защитником или представителем, беспредметно. А вот второе предложение беспредметным я не назвал бы. Речь в нем о том, чтобы ввести в закон «перечень законных средств, способов защиты, используемых адвокатом на предварительном следствии и в суде, с указанием на недопустимость любых других противозаконных средств и способов защиты, направленных против всесторонности и объективности расследования». На первый взгляд повторяется мысль, уже выраженная в ст. 51 УПК, где обозначены права защитника (иметь свидания с подзащитным, собирать справки, характеристики

и др.), причем сказано, что защитник использует средства и способы защиты, указанные в законе. Однако на самом деле здесь отнюдь не безобидное повторение. Суть предложения в том, чтобы ограничить права защитника по принципу: все, что не разрешено законом, запрещается. Это ценный принцип. Но сфера его применения иная. Он нужен для охраны прав и интересов граждан от чрезмерного использования властных полномочий. Адвокат же никакой власти не имеет. В качестве защитника по уголовному делу он представляет обвиняемого, содействуя осуществлению его права на защиту — важнейшего из прав личности в уголовном процессе. Здесь, в сфере реализации прав личности, действует противоположный принцип: разрешено все, что не запрещено законом. Как видно, предложение В. Олейника — попытка перевернуть правовое положение защитника с ног на голову, ограничить обвиняемому и без того недостаточные возможности защиты.

Я. Тариев, В. Олейник и их единомышленники не ограничиваются советами законодателя. Они еще готовят и соответствующую психологическую почву. Для этого муссируются разговоры о якобы многих адвокатах, осужденных за совершение преступлений. Приводя эти сведения, А. Комаров, однако, тут же отмечает, что по ряду дел адвокаты добрались до скамьи подсудимых «в связке» с судебными и прокурорскими работниками. Не меньше, наверное, можно найти дел, по которым бывшие сотрудники правоохранительных органов осуждены за преступления, совершенные без адвокатов. Да ни к чему это. Ни одно ведомство, ни одна профессия не гарантированы от проникновения негодяев. Но оперирование подобными фактами не прояснит, а затемнит обсуждаемый здесь вопрос.

Та же цена бездоказательным рассказам о «новых методах» защиты, практикуемых какими-то адвокатами-суперменами, которые якобы запугивают бедных следователей, перебрасывают их с одного участка на другой, хозяйничают в органах печати, путем «кулуарной обработки свидетелей» добиваются «массового отказа от показаний на предварительном следствии» и т. п. Беседуя с А. Комаровым, следователи сознавались, что в существование этих «методов» им самим «верить не хочется». А распространять такие истории, видно, хочется.

Удивительные, невероятные, по меньшей мере несерьезные истории! Ведь склонение свидетеля к изменению показаний или отказу от них — это уголовно наказуемые действия, влекущие ответственность по ст. ст. 17, 181, 182 или 183 Уголовного кодекса РСФСР. Чтобы объявлять о совершении их, тем более «в массовых масштабах», надо располагать соответствующим приговором. Но ведь таких приговоров нет. Так как же?

Не следовало на страницах журнала чернить как преступника московского адвоката Э. Г. Сафронского. При рассмотрении дела Сафронского в Верховном суде РСФСР выявились допущенные следователями нарушения законности. Обвинения, выдвинутые против него, оказались несостоятельными.

Еще ставят адвокатам в укор, что они порочат следственные органы, приписывая им недозволенные приемы получения доказательств. Но беда в том, что такие приемы действительно практиковались. Они установлены вступившими в силу приговорами, и виновные наказаны. Очевидно, в дальнейшем адвокаты должны внимательнейше относиться к указаниям на подобные факты и принимать все меры к их разоблачению. Да, это долг каждого порядочного человека. Не адвокаты порочат следственные органы, а те следователи и работники милиции, которые прибегают к незаконным приемам. Эти старые приемы давно осуждены советской общественностью. И попытки возобновить их получают суровый отпор.

В условиях демократической перестройки жизни общества приобретает особое значение охрана прав и законных интересов граждан. Соответственно возрастает роль адвокатов, оказывающих юридическую помощь населению. Быстрее и чаще выявляются, предаются гласности и устраняются нарушения законности, в том числе следственные и судебные ошибки. Это одна из объективных закономерностей, одна из тенденций современного социального развития. Кто не умеет мыслить и работать по-новому, пусть научится, кто не хочет, — уйдет с дороги. Попытки же повернуть развитие вспять не только бесперспективны, но и постыдны.

Человек, о книгах которого пойдет речь, не был профессиональным писателем. Федор Васильевич Лопухов (1886—1973) — знаменитый советский балетмейстер, в 20-х, 30-х и отчасти 40-х годах он сочинял и ставил балеты. Но в специальных, в том числе и учебных целях, он писал мемуары. И оказалось, что книги его принадлежат не только педагогической науке и искусствоведению, но и литературе. То есть в строгих академических штудиях художественная фантазия Лопухова получила необычайный простор, а его личность выразила себя в полной мере.

Жанр литературы об искусстве — своеобразная разновидность интеллектуально-поэтической прозы. Особое качество подобная проза приобретает в том случае, когда жизнь автора сложилась нелегко и когда его непосредственная творческая деятельность оборвалась слишком рано. Это как раз случай балетмейстера Лопухова.

Слова «танцевание» нет в словарях русского языка, но его можно встретить в книгах Федора Васильевича Лопухова. Он нашел его в старинных статьях, а может быть, придумал сам — и вовсе не ради лингвистической игры, а ради того, чтобы быть понятным точно. В этом слове присутствует движение, длительность, процесс. Это слово-знак и слово-образ.

Лопухов был фанатиком точной мысли, презирал суждения, высказанные кое-как, и работу, сделанную

гедия, завтра фарс, вчера философская аллегория и фольклорная байка. И, покуда художественная непредсказуемость сохранила свое значение естественной нормы и даже образца, Лопухов был ведущей фигурой в отечественном балете.

Истинный человек 20-х годов, человек опыта и реального склада ума, Лопухов был страстным разрушителем мифов, которыми окружал себя балет, касалось ли дело легендарных сюжетов или театральных легенд, шла ли речь о конструкции старинного па или о прыжке знаменитой балерины. Даже в дошедших до нас классических стилизациях Лопухова (вариациях, вставленных в балеты Петипа) тренированный глаз без труда обнаружит чуть более жесткую, чем у Петипа, конструктивную четкость рисунка, чуть большее обнажение структуры, чуть менее скрытый каркас и постоянное стремление искать красоту в неиспользованных приемах. И так у Лопухова всегда, в большом и малом. Он любил Фокина, считал себя его последователем и учеником, но тем не менее с мифотворчеством Фокина тоже не согласился. В 1921 году он заново поставил «Жар-птицу», а это был заветный фокинский балет, сочиненный в живописном, восточномифологическом стиле. Каким получился спектакль Лопухова, трудно сказать, но идеи, положенные в его основу, на редкость интересны. Лопухов подробно рассказывает о них в своей книге «Шестьдесят лет в балете». В отличие от Фокина Лопухов интересуется не эстетика, но семантика мифа, не то,

средствами сокрушить твердыню традиции было бы невозможно. Два человека понимали это лучше других: Дягилев в Париже и Лопухов в Петрограде. Но Дягилев лишь выдвигал проекты, а осуществляли их Мясин, Бронислава Нижинская, Баланчин. А Лопухов делал все сам, он был инспириатором, реализатором, зачинщиком, творцом. А главное, что надо сказать, «безумные» идеи Лопухова были «безумнее» дягилевских «безумных» идей и потому, разумеется, вызвали гораздо более упорное сопротивление, и судьба их — чисто практическая судьба — оказалась горькой. «Танц-симфония» под названием «Величие мироздания» (1923), «танц-симфония», открывшая необозримые перспективы, прошла всего один раз, несмотря на поддержку наиболее дальновидных зрителей, а «Щелкунчик» (1929), вероятно, самый смелый лопуховский эксперимент, испугал своей смелостью даже отчаянных смельчаков, вызвал небывалый скандал, повлек за собой отставку Лопухова (с 1922 года возглавлявшего балетную труппу бывшего Мариинского театра), и нам еще только предстоит в полной мере оценить, а может быть, и реализовать те захватывающие воображение возможности, которые заключала в себе эта заведомо дискуссионная постановка.

И, наконец, история со «Светлым ручьем» (1935) — она тоже могла произойти только с Лопуховым. Художник трагической судьбы (как-никак ни один из его спектаклей не сохранился), но не трагедийного мироощущения (характерный штрих:

скоморохов и шутов, он, конечно, и не требовал для комедии ничего другого. Лежащая на поверхности тайна «Светлого ручья» в том, что это полупрозрачный балет со всем присущим цирку фабульным простодушием и трюковым блеском. Сюжетный же ход с переодеваниями был в духе оффенбаховских оперетт. И, наконец, совсем как у Оффенбаха, осмеивались провинциальные мещанские страсти.

Но как раз двусмысленная, отчасти опереточная, отчасти цирковая природа «Светлого ручья» должна была раздражать: ведь в это время даже фильм «Цирк» строился по законам торжественной оды.

И, кроме того, у критиков «Светлого ручья» был свой взгляд на тех, кого обличали как мещан, совсем не строгий взгляд, скорее отеческий. Судьба «Светлого ручья» тем самым была предопределена.

Анализы популярных балетов 30-х и 40-х годов — самые драматичные страницы воспоминаний Лопухова. Это и лучшие аналитические разборы спектаклей тех лет. Балетмейстер, перешедший на положение зрителя, старается понять, что же обеспечило успех его более молодых конкурентов. Предвзятости в отношении к ним никакой нет. Нет ни добрых, ни мстительных чувств, тем более нет неискренних рукоплесканий. Есть стремление разобраться в происходящем и занять позицию, которую он сам счел бы честной. Лопухов приветствует психологизм, но отвергает нетанцевальность. Отвергает он упадок художественной культуры и умаление

Вадим ГАЕВСКИЙ

АВТОПОРТРЕТ

БАЛЕТМЕЙСТЕР

неумело. Приблизительность ему была чужда, как и интеллектуальная вялость. Энергия мысли наполняла его труды, энергия движения — его натуру. Ему бывало тесно в рамках неподвижных, анемичных слов, и в своих постановках он обновлял танцевальный язык, так же как фразеологию в своих литературных текстах. Он был деятельным всю жизнь и умел быть деятельным даже тогда, когда ему ставились препоны. Вынужденный проститься со сценой — а прощался со сценой Лопухов не однажды, — он садился за письменный стол. Так были написаны четыре книги.

Из них изданы три, четвертая, «В глубь хореографии», еще дожидается своего часа. Все они различны по предмету и по жанру. Первая, «Пути балетмейстера», — трактат начинающего хореографа, полный открытий и горделивого вызова судьбе. Вторая, «Шестьдесят лет в балете», — подведение итогов, воспоминания художника, который, однако, не торопится ставить точку. Третья — «Хореографические откровения» — в книге анализируется природа балета и то, что составляет его сокровенную и трудноуловимую суть: хореография, хореографический текст, хореографические структуры. Техника анализа прямо-таки фантастична, и эту сугубо профессиональную книгу наполняет скрытый лиризм. «Хореографические откровения» — прощальная книга, это прощание без прощальных слов, в рабочий момент, в момент напряженных занятий. Шотландские предки Лопухова напоминают о себе, и он уходит из мира балета по-английски.

Лопухов являл собой тип художника неопределившейся ситуации. Он был непредсказуемым. Сегодня тра-

как выглядела Жар-птица, а что собою олицетворяла.

Автор «Ледяной деви», балета, который был поставлен в 1927 году, Лопухов ввел в балетный театр мотивы зимы, холода и полярной ночи. Было бы нелепой вульгаризацией связывать это напрямую с ситуацией «России во мгле», но и отрицать социальные предпосылки лопуховских инсценировок было бы тоже неразумно. Как бы то ни было, именно после Лопухова классическая ориентация русского балета на знойный Восток постепенно ослабевает, сходит на нет. Гурни рая уступают свое место акробатам.

Но в сознание людей не должен войти портрет человека с охлажденным умом и каменным сердцем. Лопухов был совсем не таков. В душе его бушевали страсти. Он рассказывает в своих мемуарах, как на гастролях в Америке получил кличку «крейзи-рашн», то есть, как переводит сам Лопухов, «полоумный русский». Произшло это в пору его артистической молодости, не удавшейся в силу разных причин и прежде всего потому, что такой Лопухов не мог сделать карьеры на императорской сцене. Эта пора, длившаяся долго, без малого пятнадцать лет, описана Лопуховым глухо. Да и что можно сказать о годах без ролей и о сезонах в кордебалете.

Но затем в жизни Лопухова произошел переворот. Наступила эпоха, благоприятная для «крейзи-рашн». 20-е годы не только в физике, но и в балете требовали «безумных» идей. Одни лишь «безумные» идеи могли увлечь молодежь, побороть инерцию, дать новый импульс, сломать сложившиеся стереотипы. Простыми

именно Лопухов первым среди балетмейстеров прослушал музыку балет-трагедии Прокофьева «Ромео и Джульетта», но не принял ее и упустил редчайшую творческую возможность, он быстро оправился от всех невзгод, создал в 1932 году балетную труппу Ленинградского Малого оперного театра и сочинил подряд несколько блестящих радостно-комедийных балетов. А самым радостным был «Светлый ручей». Но именно «Светлый ручей» принес Лопухову больше всего горя.

На этом, как известно, обрывается полноценная балетмейстерская деятельность Лопухова, возобновлявшаяся с тех пор лишь эпизодически и без прежней веры в успех: молния, поразившая его, испепелила не смогла, но след от ожога оставила надолго.

Я думаю, что «Светлый ручей» не понравился тем, что был не в меру шутилив, и тем, что осмеивал мещанство. Веселым, антимещанским духом было проникнуто многое в ленинградской культуре тех лет — от Акимов до Зощенко. Шла игра, разрушавшая привычную ценность вещей и вообще всяческую устойчивость, всяческую неподвижность: бессмыслица соседствовала с глубокомыслием, а драматическое — с шутовским. В эту игру с юных лет с великим азартом включился Шостакович. «Светлый ручей» — самый его праздничный и самый беспечный балет. И своими ритмами, и своими репризами, и — не забудем отметить это — своим безошибочно-четким мастерством Шостакович возвращал балет в его отчий дом — к цирку. А Лопухов, автор «Пульчинеллы», «Байки про Лису» и «Арлекинады», Лопухов, любивший, как мы уже сказали, акробатов,

хореографического мастерства. Гордый человек, не смиливший гордыню, он отстаивает в своих правах мастерство и судит о драмбалете с позиции мастера своего дела.

И так постоянно; это упорное стремление не отделять творчество от ремесла и, наоборот, отделять сценическую реальность от оптических иллюзий, это упорное желание говорить об артисте не языком метафор, но языком фактов. Да, конечно, когда речь идет о недооцененных, Лопухов меняет тон, и фрагмент о вдохновенной Алле Шелест написан, в свою очередь, вдохновенно, но даже и тут Лопухов не изменяет себе: портрет Лопухова — не парадный, не репрезентативный, но захватывающий правдивый портрет; потому собрание его портретов задело многих.

Есть драматизм профессии, ничуть не менее тягостный, нежели драматизм судьбы. Театральные критики знают, как трудно писать правду о живых людях. Не потому, что ее не печатают — не об этом сейчас речь, а потому, что самые справедливые слова ранят, и ранят надолго. Кого увлечет эта жестокая роль, кому хочется резать по живому? И все-таки другого выхода нет, и Лопухов все последние годы стремился вернуть художественной критике ее достоинство и ее смысл, занимая мужественную позицию перед лицом затаившихся актерских самолюбий. Чего это ему стоило, нам узнать не дано. Нескромно рассказывать о тайных муках, сопутствующих любому ремеслу, нескромно интересоваться ценой, которая уплачена за честно сделанную работу. Она всегда велика, но платить ее никогда не жалко.

ЭСКИЗЫ
ДЕКОРАЦИЙ
К БАЛЕТНЫМ
ПОСТАНОВКАМ
Ф. В. ЛОПУХОВА.

А. Я. ГОЛОВИН.
«ЛЕДЯНАЯ ДЕВА».
1927.

М. П. БОБЫШОВ.
«АРЛЕКИНАДА».
1933.

В. В. ДМИТРИЕВ.
«ЩЕЛКУНЧИК»,
1929.

М. П. БОБЫШОВ.
«АРЛЕКИНАДА»,
1933.

ДУМАТЬ И ПОСТУПАТЬ ПО-НОВОМУ

Начало на стр. 16

взрывов якобы превосходила установленный порог в 150 килотонн, опровержение панических слухов о высоких уровнях радиоактивности в Западной Европе после Чернобыля, скептические отзывы видных американских ученых о программе создания рентгеновских лазеров с ядерной накачкой.

— Почему же обо всем этом нельзя знать советским ученым?

— Неведомо. Наверное, потому же, почему в библиотеке по естественным наукам АН СССР не выдавались на руки выпуски «Нейчур», где хоть раз упоминался Чернобыль. И в результате наши ученые, приезжая на международные встречи по ряду актуальных проблем, оказывались подготовленными к дискуссиям гораздо хуже западных коллег, а также ученых из других социалистических стран. (Ведь подобные изъятия материалов из научных журналов там не производятся.)

Вот как вчерашний день с его обветшалыми, бессмысленными запретами, даже признавая на словах все лозунги о перестройке и обновлении, ставит заслоны, реально тормозя научно-технический прогресс, лишая советских научных работников необходимой им информации, к стати, вполне доступной не только зарубежным ученым, но уж подавно и разведчикам.

Ведь сейчас необычайно быстро развиваются средства слежения из космоса за всем, что делается на поверхности нашей планеты (а подчас и под водой или под землей) с помощью спутников-разведчиков, вооруженных всевозможными сенсорами. Например, в «Сайентифик Америкэн» недавно давались схемы того, как сильно детализировался за последние годы вид танка с высоты в несколько сотен километров.

Все страны, все народы нашей планеты в известной мере уподобились соседним комнатам в коммунальной квартире и их обитателям.

Хорошо это или плохо — вопрос особый, должны ли мы прославлять или проклинать за все это науку, речь не о том. Все это данность, неотъемлемая черта времени, в котором мы живем, реальность, с которой надо считаться, которой надо руководствоваться, чтобы не оказаться безнадежно отставшим от времени не просто технически, а в образе мышления.

— До самого последнего времени не сообщалось о подготовке наших космических полетов, что причиняло большие неудобства журналистам, пишущим по науке. Исключение делали лишь, если предстоящий полет международный...

— Это абсолютно бессмысленно, подготовка прекрасно видна из космоса. А мне самому, к примеру, на разных международных встречах при обсуждении проблемы полного запрещения ядерных испытаний немало трудностей доставляло то, что наши сейсмические станции не перечисляли в списке зарегистрированных ими событий подземные испытания ядерного оружия в СССР, в то время когда об этом сообщали сейсмические станции других стран. Сейчас, после полугодового действия одностороннего советского моратория на все ядерные взрывы — этого ярчайшего проявления нового мышления, после проведения совместного советско-американского сейсмического эксперимента в районе нашего полигона близ Семипалатинска, голоса злопыхателей молчат, даже когда мы вновь начали испытания, но сообщаем о них. Это лишний раз свидетельствует о могучей силе гласности в оздоровлении международного климата.

— Виталий Иосифович, а как вы думаете, почему исчезли из нашего обихода телефонные книги жителей городов? Разве при современных ЭВМ трудно хранить информацию такого типа и вносить изменения, если они появляются?

— Ясно, что сейчас техническая сторона «проблемы телефонных книг» много легче, чем до войны, когда такие книги были, но они исчезли — как розовая пастила, как мороженое на вафлях с именами и многие другие смутно вспоминаемые сейчас лакомства нашего довоенного детства. А вот, к примеру, в Будапеште сброшюрованные

телефонные книги учреждений и жителей города лежат в будках телефонов-автоматов. Нет у нас сегодня подробных планов городов — типа тех, что можно получить в любой гостинице не только капиталистических, но и социалистических стран. Подробный план Москвы, где есть даже большая клумба перед нашим институтом, лежит у нас вот уже 15 лет. Его оставил стажер, приехавший к нам из США, а тому выдали в Вашингтоне, в Национальной Академии наук. Разумно ли считать подобный план секретом для самих москвичей и гостей столицы?

Это все бессмысленно осложняющие жизнь мелочи, а я хочу вернуться к тому, что полнота и быстрота обеспечения информацией — необходимое условие быстрейшего и эффективного развития науки, научно-технического прогресса.

И вот здесь, мне кажется, и нужно в полной мере использовать те огромные потенциальные возможности социалистического общества, которые долгие годы были преданы забвению.

Перед нами два возможных пути. Один, к которому призывает партия, — путь нового мышления. Второй — думать и поступать по-старому, путь ограждения от информации, шторы на глазах, как для пугливых лошадей, заборы — поплотнее, повыше!

Первый базируется на достижениях научно-технического прогресса, в свою очередь, максимально ему содействует. Второй — тормоз для дальнейшего развития.

Человек социалистического общества должен быть максимально полно информирован, именно этот тезис базируется на максимальной уверенности в колоссальных возможностях расцвета личности. Второй путь органически включает в себя «неуклюжесть», «топорность» пропаганды, ее перманентную запоздалость, использование вчерашних и позавчерашних аргументов, расчет на борьбу не с фактическим сильным противником, а с мифическим, оглуленным. Зачастую он ведет к изъятию оружия фактов, которые по тем или иным причинам иные горе-пропагандисты предпочитают скрывать.

Гласность играет огромную роль и для обеспечения эффективной «обратной связи», подлинно научного социологического анализа откликов, реакции нашего народа на те или иные инициативы партии и правительства, на международные события, научные открытия. Нужен объективный и нелицеприятный анализ, в котором желаемое не принимается за действительное, как это — увы! — все еще нередко бывает.

Характерный пример отсутствия такой обратной связи в недавнем прошлом — ни разу нигде не зафиксированное чувство стыда, которое охватило (сужу не только по себе!) самые широкие слои нашего народа, когда мы узнали, что, кроме Маршала Победы — великого полководца Жукова, — почти сорок лет спустя в стране (в мирные дни!) появился еще один четырежды Герой Советского Союза...

— Сейчас литераторы много говорят и спорят о том, надо ли продолжать публиковать в журналах неизвестные у нас ранее произведения писателей, уехавших в эмиграцию, просто по тем или иным причинам забытых, репрессированных в тридцатые годы. А как считаете вы, ученый?

— Я нахожу высокую мудрость в афоризме: «Жернова истории мелют медленно, но верно» — и вижу в многочисленных публикациях последнего времени, в том числе в публикациях «Огонька», прекрасное подтверждение этого афоризма. Хочется целиком присоединиться к взволнованным словам академика Дмитрия Сергеевича Лихачева, обращенным к участникам недавнего пленума правления Союза писателей СССР: «Обвинение в некрофилии — чудовищное обвинение всей культуры. Прошлое не умирает. Нужны публикации в журналах массовыми тиражами того, что не было издано в прошлом».

Убежден, что в тех случаях, когда речь идет о творениях авторов, оказавшихся в эмиграции, надо уметь четко разграничивать значимость творения от личности творца, какие бы ошибки и преступления ни были им допущены.

— Сколько я знаю, Виталий Иосифович, в детстве и юности вы увлекались историей и даже колебались, какую профессию избрать. Каким вам представляется положение в нашей сегодняшней исторической науке?

— Думаю, историческая наука пока отстает от литературы и искусства в изображении героических и трагических страниц в жизни страны, партии. Мы уже привыкли к тому, что история то и дело перекраивается, приноравливается к сиюминутным интересам.

Пятьдесят лет назад процедуры такого перекраивания были просты — на очередном уроке в школе нам сообщали, какие портреты в учебнике истории СССР сегодня надо вырезать, какие фамилии замазать чернилами.

В дальнейшем эти процедуры усложнялись и совершенствовались, но суть их осталась неизменной, и в результате история зачастую напоминает сейчас холст, на который много раз наносились новые изображения поверх прежних, так что возникли нелегкие, но неотложные задачи реставрации первоизданных картин истории. Осуществить такую реставрацию нельзя без первоисточников, без них история не может серьезно изучаться и преподаваться — сегодняшний день нельзя понять без вчерашнего.

Вы правы, с детских лет я очень увлекался историей, хотел посвятить себя именно этой науке, и, узнав об этом, один американский коллега подарил мне лет десять назад огромного формата толстую книгу «Первая страница» — факсимильные изображения наиболее важных первых страниц «Нью-Йорк таймс» за 1920—1975 годы. Как интересна и поучительна такая книга! Как ярко видно из нее, к примеру, сколь непропорционально малое внимание было уделено в США решающему вкладу Советских Вооруженных Сил в разгром гитлеровской Германии! Но где аналогичная книга у нас? До 1956 года даже исторический труд Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир» был под строгим запретом. В наших энциклопедиях не сыщешь многие десятки имен людей, сыгравших значительную (пусть даже преимущественно отрицательную, но ведь они жили и действовали, их имена многократно фигурируют в трудах Ленина) роль в истории партии и страны. Отсутствуют, например, два, а было время — и три, и даже четыре из десяти руководителей нашего правительства за 70 лет Советской власти. Рядовому читателю недоступны хранящиеся в немногих библиотеках подшивки старых советских газет и журналов, недоступны живые страницы истории революции, гражданской войны, 20—30-х годов, Отечественной войны и послевоенных лет. Многие старые газеты и журналы пришли, правда, в ветхость — вот тут и пригодились бы издания типа «Первой страницы». Или стенографические отчеты съездов, которых тоже днем с огнем не сыщешь. Мы даже не представляем себе, сколь велика воспитательная роль таких живых страниц истории для нашей молодежи! Считаю, что именно сейчас было бы очень нужно опубликовать доклад, с которым выступил Н. С. Хрущев на XX съезде партии 25 февраля 1956 года. Ведь этот документ стал столь памятной вехой жизни нашего поколения. С другой стороны, поучительным и предостерегающим примером явилось бы для многих, в том числе и ученых, переиздание стенографического отчета позорной августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года — этого «бенефиса» академика Лысенко, или чудовищных «Судебных речей» будущего академика Вышинского.

А взять события последнего времени. Находятся «мудрецы», подсчитывающие все наши бедствия — Чернобыль, «Адмирал Нахимов», взрывы в шахтах — и видящие в этом доказательство того, что если что в стране изменилось, то к худшему. Не бедствий стало больше — гласности, честной и откровенной информации об этих бедствиях. Существой гласность и раньше, меньше было бы сегодня расхлябанности, меньше и катастроф, и человеческих жертв.

Бытовавшая до марта 1985 года практика замалчивания правды, сокрытия или искажения информации, представлявшейся нежелательной, не только приносила прямой вред науке и народному хозяйству, не только способствовала моральной эрозии, но и была проявлением волюнтаристского, антинаучного подхода, находилась в прямом противоречии с требованиями научно-технического прогресса, с бурным взрывообразным развитием таких важнейших его направлений, как информатика, радиоэлектроника, исследование и использование космического пространства.

Активный строитель будущего не может не ощущать кровное родство, неразрывную близость своих интересов с интересами социалистического Отечества — его благоденствием и процветанием, идет ли речь о народном хозяйстве или сохранении природы, истории или памятников культуры. Вместе с тем он должен уметь самостоятельно мыслить, чтобы не принимать автоматически любые указания вышестоящих товарищей за выражение подлинных интересов Отечества. Здесь крайне важна полная информированность советских людей, обеспечение их как можно более полным — за единственными исключениями порнографии и человеконенавистничества — объемом информации.

Линия на широчайшее развитие демократизации и гласности, провозглашенная XXVII съездом КПСС и подтвержденная с особой силой январским и июньским (1987 года) Пленумами ЦК КПСС, прочно опирается не только на принципы социалистического общества, но и на анализ основных тенденций научно-технического прогресса.

Владимир КОВАЛЕВ,
специальный
корреспондент «Огонька»
Фото автора

Впервые в жизни я пересекал государственную границу пешком. Как везде и всюду на границе, паспортный контроль, необходимые таможенные и прочие формальности, затем щелчок замка на массивной металлической калитке, поворот турникета, десяток метров нейтральной полосы — и я в Западном Берлине...

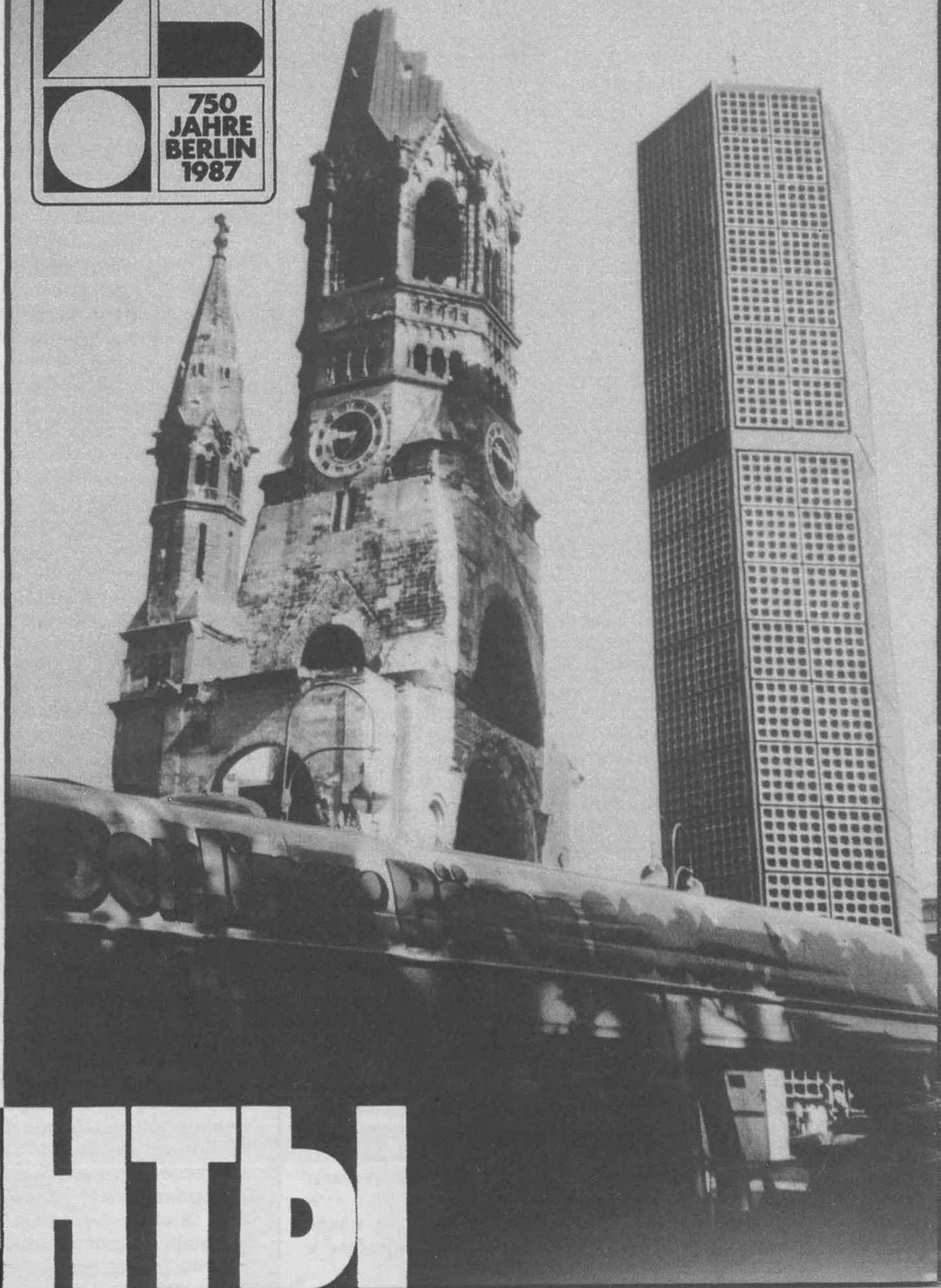
Или по-иному по другую сторону стены, разделившей на две части один город. Для одних стена стала трагедией, для других — неким символом, для третьих... Но, как бы там ни было, стена является лишь следствием целого ряда причин, следовавших друг за другом после мая 1945 года. О них чуть позже.

А пока бросается в глаза подчеркнутое равнодушие к персоне «с Востока» упакованных в стеклянную будку парней в американской военной форме, услужливо-рассеянная суета заспанного — раннее утро — продавца сувениров: торгуют майками, значками, наклейками, сумками и прочим с обязательной надписью «Чекпойнт Чарли». Такое игривое название у этого контрольно-пропускного пункта в американском оккупационном секторе Западного Берлина, расположенного на том самом месте, где некогда стыковались формирования союзных армий антигитлеровской коалиции. После 1945 года КПП обозначался буквой «С» английского алфавита и, так уж получилось,

стало людям лекции, постоянно повторяя заученные фразы о том, как американская армия и они лично «спасали мир в Европе, став заслоном на пути русской танковой армады...».

Въедливый глаз телекамеры преследует, фиксирует каждый шаг, следит за всем, что движется в «музее» и вокруг него. Несколько видеоманитов в самом здании наматывают изображение на пленку, создавая какую-то нездоровую, напряженную атмосферу. Ящики для «пожертвованных беженцам», окошки-амбразуры, обращенные к столице ГДР, табличка, извещающая, что гражданам «оттуда» вход бесплатный...

Позже я сожалел, что начал свое знакомство с Западным Берлином именно от «Чекпойнт Чарли», а не избрал иной путь, которым пользуется большинство, — «штадтбан», городскую железную дорогу, или «унтер-grundбан», метрополитен. Мне говорили, пересекая границу в обоих направлениях не особенно нравится подчеркнуто американизированная атмосфера этого уголка района Кройцберг, окруженного гигантскими щитами с рекламой «Кока-колы» и сигарет «Кэмэл». Потому-то здесь и пусто, отсюда некоторая запущенность района, огромные пустоши, образованные тыльными частями старых домов с причудливо разрисованными фасадами. Вообще двенадцать районов города наподобие пестролокутного одеяла, каждый замкнут на себе, пульсирует или еле дышит в зависимости от социального состава в нем живущих. Блистательный Шарлоттенбург несравним с полуразвалившимся Кройцбергом — местом пристанища «гастарбайтеров», месяцами не покидающих квартиры... Да и что делать им на богатой и пышновитринной Курфюрстендамме, что в самом центре?

БРИЛЛИАНТЫ НА ВИТРИНЕ

вошел в историю послевоенной конфронтации двух систем, двух миров — социалистического и капиталистического. Именно здесь, на брусчатке Фридрихштрассе, одной из самых длинных улиц Берлина, в конце лета 1961 года стояли друг против друга американские и советские танки с ревущими моторами, готовые по первому сигналу...

Впрочем, что сейчас говорить о том, чего, к счастью, не произошло? Один из множества трагических эпизодов «холодной войны», едва не приведший к ужасам нового военного конфликта в Европе, нынче ушел в область преданий. Право, он достоин гораздо меньшего, нежели постоянное напоминание, но целый квартал занимает здание, если хотите, «музея антикоммунизма», известного особыми стараниями далеко за пределами Западного Берлина. Созданный волею американских оккупационных властей и на их доллары, музей стал местом принудительного паломничества. Сюда чуть ли не в обязательном порядке ведут всех туристов из США, разных стран Западной Европы, особенно не спрашивая, хотят они сами того или нет. В нынешний, юбилейный для Берлина год, показ «экспозиции» во вновь открытых залах стал своеобразным барометром подчеркнутого нежелания нормализовать отношения между двумя немецкими государствами. В просторных помещениях пожилые отставники-гиды демонстрируют фотографии, крутят фильмы, читают молодым в большин-

Вопрос о единой архитектурной концепции в силу обстоятельств не дебатировался на заседаниях западно-берлинского сената. Действует всемогущий закон Частного Предпринимательства. Владельцу дома глубоко безразлично все, что не относится к получению дохода. Некоторые здания буквально рушатся от ветхости, а тысячи людей с низкими доходами, живущие в таких развалинах, с ужасом ожидают нового вздорожания жилья. Ровно за день до моего приезда покончила с собой Рут-Сильвия Ниндорф, 66-летняя пенсионерка, получившая известие о повышении квартплаты за ее однокомнатную квартиру с 75 до 300 марок в месяц. Она была одной из тех, кого называют «трюммерфрау», из тех женщин, что после войны разбирали развалины Берлина. Фрау Ниндорф с помпой представили президенту США Рональду Рейгану во время его июньского визита в Западный Берлин, и в присутствии городского головы Эберхарда Дипгена Рейган обратился к ней со словами: «Я впечатлен вашим трудолюбием...» Вскользь брошенная, ни к чему не обязывающая фраза, как писали газеты, только пенсия «трюммерфрау» после этого не выросла ни на одну марку. Я был

на Котбuserдамме, 96, на границе районов Кройцберг и Нойкёльн, видел обветшавший дом с однокомнатной квартирой, из которой однажды утром вынесли бездыханное тело. Фотография в траурной рамке, букет гвоздик... «Она была гордой женщиной», — услышал за спиной негромкие слова от старенькой бабули, краешком платка вытиравшей слезы.

В судьбе этой женщины как бы сконцентрировалась вся послевоенная история. Вряд ли она и тысячи ей подобных желали видеть город своей юности в нынешнем его виде.

Раскол Берлина, равно как и раскол Германии, остается на совести империалистических держав Запада и германских правых. Шаг за шагом все шло к тому, чтобы ликвидировать согласованный союзниками в 1944—1945 годах режим контроля и оккупации. Сначала в нарушение союзнических договоренностей была осуществлена денежная реформа, затем созданы сепаратные органы управления Западным Берлином. Налаженный быт, исторически сложившееся устройство безжалостно разорвали на две части. Денежные знаки, выпущенные на Западе, не имели хождения в советском секторе и даже в районе Большого Берлина, а жителей

убеждали, будто русские установили жесткую «блокаду», а сам город до неопределенного срока останется «фронтным».

Увы, до сих пор не изъят из обращения этот словесный пассаж. В милитаристских кругах НАТО до сих пор Западный Берлин откровенно называют «копьем в теле социализма», «самой дешевой атомной бомбой»...

Многие помнят ночь 13 августа 1961 года. Граница между ГДР и Западным Берлином тогда была закрыта. Бомбу обезвредили, как образно сегодня принято говорить. Рухнули планы тех, кто развивал стратегию «отбрасывания» социализма, мечтал пройти маршевым шагом сквозь Бранденбургские ворота. Четырехстороннее соглашение по Западному Берлину, заключенное в сентябре 1971 года, стало кульминацией усилий Советского Союза, других социалистических стран, направленных на погашение одного из очагов международных конфликтов. Основным пунктом соглашения стало то, что Западный Берлин остается особым политическим образованием, не входящим в состав Федеративной Республики Германии, и не будет также управляться ею и впредь.

— Если бы только правые на этом успокоились, — говорил мне западно-берлинский публицист, заместитель главного редактора газеты «Вархайт», органа Социалистической единой партии Западного Берлина, Герхард Зайфарт. — Подойдите к любому участку стены, почитайте реваншистские лозунги, которыми она вся исписана, и вы многое поймете. До сих пор

правляющий бургомистр города ни разу не заявил, что он управляет одной только западной частью. В прошлом году состоялось так называемое «празднование» 25-летия закрытия границы, а совсем недавно возле бывшего рейхстага провели помпезный политический спектакль с участием президента США Рональда Рейгана. Да, совсем скоро после этого случилась печальная история с фрау Ниндорф. Эту женщину я очень хорошо знал...

— Политики играют в свои игры, а сами жители — как они реагируют на предлагаемые им «спектакли»?

— В большинстве своем они стараются просто жить, у нас здесь для этого требуется большое искусство. Западный Берлин принято считать, во многом не без оснований, витриной капитализма, средоточием его достижений и успехов. Но скажите честно: очень ли это заметно в удаленных от центра районах? Советую вам хотя бы один день провести, к примеру, в рабочем Кройцберге.

Проводить меня добровольно вызвался Петер Бурау, тоже журналист и активист общественного движения против реваншизма. Петер родился в Кройцберге и знает район до последнего камешка. Если и подлежит описанию увиденное на одной Гнейсен-ауштрассе, то скорее это будет повтор угрюмых повествований о больших городах прошлого века, выходивших из-под пера Чарльза Диккенса. Облупившиеся холодные фасады, преобладание серого и черного, даже листья на обязательных для города липах, кажется, вырастают серыми, копошащиеся в пыли детишки, увязывающиеся за прохожими в надежде получить монету.

— Где могут быть родители этих детей улицы?

— На случайных заработках,—говорит Петер Бурау.— Восемьдесят пять тысяч официально зарегистрированных, а всего больше ста тысяч безработных во всем Западном Берлине, за последние три десятилетия это печальный рекорд, а установить его помог именно Кройцберг. В печати было опубликовано сообщение врача Аннемари Виганд, сравнившей смертность среди младенцев Кройцберга и аристократического Целлендорфа. Здесь она почти вдвое выше, и в основном дети страдают от болезней верхних дыхательных путей. Основное заболевание взрослых — туберкулез. При том, что исследование доктора Виганд не касалось иностранных рабочих, так называемых «гастарбайтеров», изгоев без родины...

Ранним утром первого мая Кройцберг взорвался. Ровно за день до этого из уст «отцов города» звучали комплименты в связи с открытием официальных празднеств по поводу 750-летия. Менее чем через сутки полицейский наряд устроил обыск в бюро одной из прогрессивных организаций, собиравшей подписи под воззванием к сенату против повышения цен на жилье. Вот она, полицейская решительность, лишь направленная против человека, а не в его защиту. Люди не стали безропотно взирать на явные бесчинства центурионов, в Кройцберге запыхали пожары, на улицах стали возводиться настоящие баррикады. «Грабителями» и «хулиганами» называли газеты тех, кто не склонил головы и чьим единственным оружием против бомб со слезоточивым газом стали булыжники мостовой. Чиновник сената, выступая по телевидению с комментарием событий, назвал обездоленных «плохими берлинцами».

Но «хорошие берлинцы» — кто они? Те ли, кто в сияющих лаках «мерседесах» и «БМВ» катят по Курфюрстендамму и скрываются за стеклянными дверями ночных клубов и ресторанов?

Роскошные заведения в изобилии окружают центральную часть города, обозначенную как бы «диалектической парой» — двумя лютеранскими соборами в честь кайзера Вильгельма: старым, разрушенным в годы войны, сохранным в руинах для напоминания потомкам, в назидание им, и новым, взметнувшимся на высоту полусотни метров башню из стекла и бетона. Церковь терпима, и этой терпимостью пользуются все кто угодно. В основном это съехавшиеся со всей Европы панки, остатки хиппи и просто бездельники с клипсами в ушах. Здесь их неприкосновенная территория, надел, который они охраняют от вмешательства извне. Строгие законы против наркотиков утрачивают силу в этой зоне, источающей сладкий запах «травки», и божье упаси туристу направить объектив фотокамеры на подростков — тут же один или группа срываются с места, и есть риск аппаратуре быть разбитой. Со мной произошло нечто подобное, ничего не оставалось, как вступить в контакт с разъяренным сине-фиолетовым юношей:

— Почему вы так боитесь фотографироваться?

— От ваших фотографий проку мало. Кто знает, откуда вы? Нас постоянно снимают полицейские, заводят на каждого досье, а затем выдерживают по одному, если надо закрыть то или иное преступление. Мы не желаем проводить лето за решеткой!

— Вы так уверены, что среди вас все чисты и непорочны?

— Господь нам судья. Мы не вмешиваемся ни в чью личную жизнь, мы никому не нужны, и нам точно так же никто не нужен...

С Михаэлем Шульце, одним из парий общества «всеобщего благодеяния», мы провели на Курфюрстендамму несколько часов. Он не берлинец, приехал из Кельна, где остались родители. Мать — учительница русского языка, отец — служащий самостоятельной фирмы. Третий год Михаэль бродит по Западному Берлину с одной-единственной сумкой, в которой, как он выразился, «его дом» — теплое одеяло. Часть ночи проводит в парке Тиргартен с такими же, как сам, «вольнотеряющимися». Досыпает днем в каком-нибудь укромном уголке. Средства к существованию? У родителей не берет ни пфеннига, подрабатывает случайными заработками, у него есть водительская лицензия, иногда берут на подмену. Нравится ли такая жизнь? В общем-то, иного выхода нет.

— Пока я молодой, меня это устраивает. О завтрашнем дне думать не хочу. Не хочу! — сделал Михаэль ударение на последнем слове.

Каким-то образом заботится о «людях на обочине» католическая церковь, располагающаяся в Западном Берлине не ахти какой, но все же сетью приютов, общежитий. Есть и ведомство социального обеспечения, питающееся из различных благотворительных фондов. В это ведомство могла обратиться «трюммерфрау» Рут-Сильвия Ниндорф, покончившая с собой. Но ей было хорошо известно, что прибавку к пенсии если и назначат, то вызвучат с ее взрослой дочери. Вот что стало причиной трагедии. Я посетил одно бюро такого рода в районе Шпандау. Длинный коридор, где сидят, спят матери с маленькими детьми, старики, юноши и девушки... Тягостная атмосфера напряженного ожидания... Чего ждут люди? В принципе здесь могут выписать небольшое пособие, к которому еще добавляется восьмипроцентная надбавка за то, что ты избрал местом своего жительства этот город. Надбавку платит федеральное правительство в Бонне, тем самым демонстрируя свою причастность к нуждам западноберлинцев.

— Нам платят за то, что мы, как нам говорят, живем в «прифронтовой

полосе». У нас только американских солдат тысяч десять, а есть еще французский и британский секторы оккупации,— говорил мне юноша по имени Герхард.

— Нас мало интересует, кто нам платит и из каких соображений. Иметь руки и голову еще ничего не значит, а без средств к существованию оставаться неохота,— подхватил его сосед по скамейке.

— Неужели нет шансов хоть на какую-нибудь работу?

— Чистить туалеты и подметать улицы? Спасибо. Пускай этим занимаются иностранцы, их ведь для этого сюда и приглашали!

Словно что-то сломалось в сознании, когда я услышал это признание. Вместе смешались понимание ненужности парней городу, но одновременно в словах паренька проявилось откровенное иждивенчество, развившаяся способность брать от системы, брать и еще раз брать. Тут скажется и печальное следствие послевоенного «плана Маршалла», когда в Западный Берлин шел непрерывный поток товаров, так что собственное производство особенно не тужилось. Только по производству сигарет город лидирует, в остальном до сегодняшнего дня импорт превалирует над экспортом, в продаже в основном товары завезенные — из стран ЕЭС, Японии, Гонконга, Южной Кореи, Тайваня. Налог на ввоз товаров извне крайне низок, но цены зависят не от качества, а от торговой фирмы, их предлагающей. Кто побогаче, идет в престижный универмаг «Ка Дзэ Вэ» с кондиционерами, сверхвежливым сервисом или в люксовый «Европа-центр» с садами, аквариумами и фонтанами, а те, кто привык считать поступления на свой счет, роются в развалах трикотаж в «Вулворте», девиз которого: «За десять марок — вещь». В принципе самой системе торговли в Западном Берлине надо отдать должное: работает она безупречно, четко, даже без намека на нахрапистость и грубость. Поэтому и процветает. Одно малосимпатичное обстоятельство, по-своему в то же время и оправданное,— везде за тобой следят. С помощью телекамер и огромных, свыше метра в диаметре сферических вращающихся зеркал. При полной свободе для покупателя полный за ним контроль, как бы чего не вынес...

Ориентация торговли общеизвестна — выколачивание денег. А примерно с шести-семи вечера тем же самым начинает заниматься улица. Вот уж поистине Западный Берлин — кладеза уличных талантов! Пройди десяток шагов, и в руках окажется пачка самодельных приглашений в дискоцентры, танцевальные залы — от «Нового Эдема», что рядом с театром «Курфюрстендамм», до более отдаленных, а значит, и подешевле — «Чаплинз гардн» или «Диско миднайт». До утра будут оглушать они тебя мощью звука, волшебной феерией красок и видеопоказом.

Кому-то приятно в этой карусели, кому-то в другой, все на той же улице. Меня заинтересовала экстрагантная компания, устроившая представление на крышах двух автомобилей. Свой спектакль «750 тысяч секунд стремительного времени» показывал уличный театр «РАММ», и, пока шло действие, мы разговорились с режиссером театра Михаэлем Винтером.

— Наш мюзикл о времени, в котором мы живем,— рассказал он. — О времени, которое отбирает лучшие наши годы, и о том, как найти себя в этом хаосе. Спектакль не имеет полностью законченной формы, каждый раз он другой, с поправкой на реальную ситуацию вокруг. Словом, выхватывая из жизни 750 тысяч секунд, «сжимая» их до полутора часов, пока идет представление, мы говорим о самом важном.

— Сегодня, например, о чем?

— О терпимости и отказе от насилия, о дефиците любви и преданности...

А рядом группа в несколько человек вклинивается в толпу. Толкнут, извинятся, отпустят шутку, но дело свое знают в совершенстве. Между пальцами зажаты кусочки лезвий, один делает надрез, идущий следом подбирает ловко то, что вывалилось из сумки или пластикового пакета. Я, признаться, только в гостинице увидел следы покушения на мою сумку; то ли работал «стажер», то ли что-то помешало довершить «проверку» содержимого, но и на руке своей увидел запекшуюся кровь от острого предмета...

Все ли я сказал о том месте, где побывал? Как будто. Напоследок приберег небольшие наблюдения о том, как здесь, на Западе, относятся к сегодняшнему дню моей страны. Вообще каких Советский Союз в представлении Западного Берлина? Сравнивая отношения к США и СССР, отмечаю перевес делового и духовного интереса к нам.

На интересе к новым процессам в СССР строится целая система получения доходов: я ни разу не видел на молодых парнях и девушках маек с американской символикой, зато надписи «СССР» и «Москва» сплошь и рядом. Русские буквы на сумках стали своеобразной модой, процветает торговая фирма «Коко», предлагающая матрешек, хохлому и палех, блузки с национальными узорами советских республик. В киосках — «Правда» и «Известия», «Бурда» на русском. Интересовался в нескольких торговых точках, как дело с «Огоньком». Каждый номер, оказывается, ждут, хотя и поступает не так много экземпляров, в тот же день они раскупаются. Не говоря уже о том, что редко какой из выпусков популярной информационной программы «Тэгешау» обходится без сюжета о нашей стране. Доброжелательность и соучастие — так можно охарактеризовать отношение прессы. Исключение составят разве что издания газетно-журнального концерна Акселя Шпрингера, в этих пухлых газетах даже название суверенного государства ГДР берется в кавычки...

При полных залах выступали в Западном Берлине советские поэты Евтушенко, Вознесенский, Окуджава, целые очереди выстраивались к кинотеатрам, где проходила Неделя советских фильмов, а по картине Элема Климова «Иди и смотри» разгорелась жаркая дискуссия, лента задела за живое, за то, что еще в памяти. И если правая печать в нарочито выпяченных тонах писала об «эстетизации зверств», то очень объективно высказался известный кинорежиссер Вим Вендерс: «Фильм следует рассматривать не с точки зрения эстетики, а с точки зрения жизни».

Ее, реальную жизнь, не укроешь за фанерным щитом с рекламой. Жизнь прорывается сквозь мишуру культурно-развлекательного юбилейного спектакля, рассчитанного на весь нынешний год. Не один миллиард марок пущен на политический карнавал, призванный устроить все так, чтобы «на Востоке лопнули от зависти», но... Я уезжал из Западного Берлина, освещенного фейерверком ночных огней, и напоследок прошелся по центру. На моих глазах разгорелась драка: не поделили пятак тротуара двое исхудалых парней, один — с гитарой, другой — в цирковом трико. В руках гитариста вдруг оказался камень, и он запустил им в своего соперника. Тот уклонился, камень просвистел мимо и угодил в блистающую витрину с бриллиантами на черном бархате. Толпа, наблюдавшая забавную поначалу сцену, бросилась враспынную, преследуемая звуками приближающейся полицейской сирены...

Западный Берлин — Москва.

МЕРЗ МЕРЗЕГО МЕРТВЕЦ

В течение дня комиссару Мегрэ звонил мужчина и взволнованным голосом говорил о том, что его преследуют и могут убить. Глубокой ночью полицейские находят его жертв. Становится известно, что кто-то, рискуя быть схваченным, привозит в желтом «ситроене» убитого и оставляет в центре Парижа. В этом видно явное намерение пустить полицию по ложному следу. Экспертиза устанавливает, что лицо погибшего уже после смерти было изуродовано, очевидно, для того, чтобы затруднить опознание. После объявления в газете пришел мальчик-рассыльный и рассказал полицейским, что видел в тот вечер на набережной желтую машину, в моторе которой копались двое мужчин. Появилась и старуха гадалка, тогда же видевшая, как двое мужчин вылезли из желтой машины и скрылись в кафе «У маленького Альберта». Когда Мегрэ со своим сотрудником прибыл на место, оказалось, что вход в кафе и дом не заперт, однако хозяева отсутствуют.

Клиентов было немного. Зашли перекусить три подручных каменщика, работавшие на соседней улице. Хлеб и колбасу они принесли с собой и заказали два литра красного.

— Хорошо, что вы опять открыты! А то минут десять приходилось топтать, чтобы пропустить стаканчик!

Появление новых лиц их ничуть не удивило.

— А старый хозяин больше не работает?

— Хороший он был малый! — заявил один из рабочих.

— Давно вы с ним познакомились?

— Недели две, как начали тут рядом вкалывать. Понимаете, мы обедаем везде, где придется.

Их, правда, немного заинтриговал Мегрэ, расхаживавший повсюду.

— Кто это? Он вроде нездешний.

— Тсс! Это мой тесть... — с простодушным видом отвечал Шеврье.

На плите шипели кастрюли. Заведение оживало. Сквозь широкие, в глубоких проемах, окна внутрь помещения стали проникать скупые лучи солнца. Засучив рукава, Шеврье смел опилки.

Телефонный звонок.

— Вас, шеф. Это Мерс.

Бедняга Мерс всю ночь не сомкнул глаз. Данные дактилоскопической экспертизы не слишком обнадеживали. Обнаруженные на мебели, на бутылках отпечатки оказались старыми, затерты-

ми. Самые отчетливые он передал в антропометрический отдел, но владельца их в картотеке не оказалось.

— Они работали в резиновых перчатках. Единственно, что дало положительный результат, — это опилки: анализ показал следы крови.

— Человеческой?

— Через час станет известно наверняка. Но я почти уверен, что это так.

Люка, который в ту ночь тоже внес свою лепту, приехал около одиннадцати, очень оживленный, Мегрэ заметил на нем яркий галстук.

— Один эспор-касси! — воскликнул он, подмигнув Шеврье.

Ирма успела нацепить на дверь грифельную доску, на которой мелом было выведено: «Сегодня в меню: телячье фрикандо с приправой из щавеля».

Молодая женщина вся была в хлопотах. Казалось, места своего теперь не уступит ни за какие коврижки.

— Поднимемся наверх, — предложил Люка комиссар. Расположились возле приоткрытого окна спальни, благо погода выдалась теплая. Извлекающая из чрева баржи бочки, на берегу грохотал кран. Свистели гудки, скрежетали цепи, по кипящей от ударов винтов воде сновали, запыхавшись, буксиры.

— Его звали Альберт Рошен. Я был в налоговом управлении. Разрешение на право торговли он получил четыре года назад.

— Узнал ее фамилию?

— Нет. Разрешение на его имя. Я справлялся в ратуше, но там мне ничего сказать не смогли. Должно быть, он женился до того, как сюда переехал.

— А что сообщили в полицейском участке?

— Ничего. По их словам, заведение приличное. Полиции ни разу не приходилось наводить тут порядок.

Мегрэ то и дело поглядывал на улыбающийся ему с комода портрет своего мертвеца.

— От своих клиентов Шеврье узнает остальное.

— Вы останетесь здесь?

— Мы можем пообедать внизу, будто зашли случайно. От Торранса и Жанвье никаких новостей?

— Они все еще возятся с букмекерами.

— Если сумеешь связаться с ними по телефону, скажи, пусть как следует проработают Венсен. Логика была прежней: Венсенский ипподром находился, так сказать, в нужном направлении. А маленький Альберт, как и сам Мегрэ, был человеком привычки.

— Неужели посетители не удивлены, что кафе снова открыто?

— Не слишком. Кое-кто из соседей заглядывал в окна. Они, видно, решили, что Альберт продал свое заведение.

В полдень оба сели возле окна. Ирма обслуживала их сама. В кафе за соседними столиками сидело несколько посетителей. Среди них были машинисты с портового крана.

— Что, Альберту наконец-то подфартило? — спросил один из них у Шеврье.

— Он ненадолго уехал в деревню.

— Так ты его подменяешь? Нину он с собой

прихватил? Может, нас не так будут пичкать чесноком. А мы и не против! Не то чтоб я не любил его, просто дух от него слишком уж силен.

Когда Ирма проходила мимо, крановщик уцепился за ягодицу. Шеврье не подал и виду, даже выдержал вопросительный взгляд Люка.

— В общем-то он малый неплохой! Только до скачек охоч... Послушай, если ему было кем заменить себя, чего ж кафе целых четыре дня было закрыто? Да еще и не предупредил никого! Пришлось в первый день тащиться к Шарантонскому мосту. Нет, милашка, камамберу мне не надо. А швейцарский буду есть хоть каждый день. Жюль, так тот любитель рокфора...

И все-таки они были удивлены новыми хозяевами. Особенно интриговала их Ирма.

— Долго Шеврье не выдержит, — прошептал Люка на ухо комиссару. — Они всего два года женаты. Если эти парни будут давать волю рукам, он им врежет.

Все оказалось не так уж серьезно. Однако, принеся мастеровым вино, сержант решительно проговорил:

— Она моя жена.

— Поздравляем, приятель... Не беспокойся, не такие мы дурные! — ржали крановщики. Ребята они были неплохие, но вряд ли догадывались, каково приходилось мнимому кабатчику.

— Понимаешь, Альберт вытянул бесприкрытый номер... Мог не опасаться, что кто-нибудь на его Нину позарится...

— Почему ж это?

— Ты что, не знаешь ее?

— В глаза не видел.

— Не много потерял, корешок... Ее и в казарме сенегальских стрелков никто бы не тронул. А вообще-то она баба душевная, верно, Жюль?

— А какого она хоть возраста?

— Как думаешь, Жюль, есть у нее какой-нибудь возраст?

— Сказать трудно. Может, тридцать... А может, пятьдесят стукнуло. Смотря с какого боку поглядеть... Если со стороны здорового глаза, то она ничего... Но если с другого...

— Что, она косит?

— Еще как, старина!.. Он хочет знать, косит она или нет!.. Да она может увидеть сразу носки твоих ботинок и верхушку Эйфелевой башни!..

— Альберт был к ней привязан?

— Видишь, парень, Альберт был один из тех, кто умеет устроиться в жизни. А твоя хозяйка стряпает будь здоров! Ничего не скажешь! Но спорю, что это ты встаешь в шесть утра и топашь на базар... Может, ты ей и картошку чистить помогал?

А потом она и посуду не станет мыть одна, так что не до скачек тебе будет. А вот Альберт и пальцем не ударил... Да и деньжонки кой-какие у Нины, видно, водились...

Почему в этот момент Люка украдкой взглянул на Мегрэ? Не повредило ли услышанное репутации убитого?

— Не знаю, как это у ней получилось, — продолжал механик. — Только не красотой она взяла Альберта...

Мегрэ оставался невозмутимым. Даже чуть заметно улыбался. Он не пропускал ни одного слова, и слова тотчас превращались в образы, ко-

торые завершали портрет маленького Альберта. Но личность этого кабатчика, похоже, по-прежнему была близка комиссару.

— А вы родом из каких мест, ребята?

— Из Берри,— отвечала Ирма.

— А я из Шербура,— заметил Шеврье.

— Выходит, с Альбертом ты познакомился не у себя дома. Он из «шеверян»... Откуда он, Жюль, из Туркуэна?

— Из Рубэ.

— Ну, это без разницы.

— А он не работал какое-то время возле Северного вокзала?— вмешался Мегрэ. В таком бедном заведении вопрос прозвучал вполне уместно.

— Ага, в «Циферблате». Прежде чем тут обосноваться, он лет десять—двенадцать вкалывал кельнером.

— Выходит, с Ниной он там не мог познакомиться.

— Во всяком случае, ему повезло. Я не насчет веселой жизни или развлечений толкую. Я насчет того, что ему не надо было хлопотать.

— Она южанка?

— Что правда, то правда!

— Из Марселя?

— Из Тулузы... А говор—без ножа зарежет. Диктору станции «Радио Тулуза» нос утрет. Подай-ка счет, голубушка. Послушай, хозяин, чего ж ты такой невежа?

Шеврье озадаченно хмурился. Между тем Мегрэ понял, в чем дело.

— Верно!—вмешался он.—Когда появляется новый владелец, с него причитаются.

Обедать пришло всего восемь посетителей. Одним из них был виноторговец—молча жевавший в углу хмурый мужчина средних лет, который всем был недоволен: стряпней, тем, как накрыт стол, белым вином, которое ему подали вместо красного.

— Превратят теперь кафе в забегаловку, ка-

ких пруд пруди,—пробормотал он, уходя.—Так всегда бывает...

Шеврье уже не получал удовольствия от принятой на себя роли—не то что утром. Лишь у Ирмы, как и прежде, работа спорилась. Даже посуду она мыла, мурлыкая какую-то песенку.

В половине второго в кафе остались только Мегрэ и Люка. Наступил период безлюдья. Изредка наведывался какой-нибудь клиент, пешеход, почувствовавший жажду, или один-два матроса с баржи, зашедшие скоротать время, пока судно их загружается.

Развалившись на стуле, Мегрэ попыхивал трубкой. Поел он довольно плотно, отчасти для того, чтобы порадовать Ирму. Его, казалось, совсем разморило. Неожиданно комиссар наступил напарнику на ногу.

По тротуару только что прошел какой-то человек. Он заглянул в окно, затем, мгновение поколебавшись, двинулся к двери.

Среднего роста. Рыжие волосы, веснушчатое лицо, голубые глаза, толстые губы.

Незнакомец взялся за ручку. Вошел нерешительно. Во всей его фигуре чувствовалась какая-то настороженность.

Потрепанные башмаки несколько дней не чистены. Темного цвета костюм вытерт, рубашка сомнительной чистоты, неряшливо завязанный галстук.

Чем-то он походил на кота, который, очутившись в незнакомой комнате, оглядывается кругом, принюхивается, не подстерегает ли его какая-нибудь опасность. Уровень умственного развития у него, вероятно, ниже среднего. Такие глаза бывают часто у деревенских идиотов—не выражающие ничего, кроме природного коварства и недоверчивости.

Завидев Мегрэ и Люка, он, казалось, изумился. Не сводя с них глаз, он боком подобрался к стойке и постучал монетой.

Вошел Шеврье, закусьавший в углу кухни.

— Чего изволите?

Вошедший все еще стоял в нерешительности. Он словно потерял голос. Произнес какой-то резкий звук, он указал на бутылку, стоявшую на кухонном шкафу.

Теперь он пристально разглядывал Шеврье, словно сляясь уразуметь нечто недоступное его пониманию.

Внешне бесстрастный, Мегрэ продолжал постукивать ботинком по туфле соседа. Время словно остановилось. Лево́й рукой прише́лец достал из кармана деньги, правой взял стакан и залпом его опорожнил.

Крепкий напиток заставил его закашляться, на глазах выступили слезы. Затем швырнул на стойку несколько монет и широким, быстрым шагом вышел на улицу.

— За ним, живо!— приказал помощнику комиссар.— Боюсь только, его уж теперь не догнать. Сержант поспешно кинулся вслед.

— Вызови такси! Быстро!—скомандовал комиссар, обращаясь к Шеврье.

Набережная Берси прямая и длинная, боковых улиц тут нет. Может, прежде чем этот тип уедет от Люка, удастся догнать его на автомобиле.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Чем жарче становилась погоня, тем сильнее крепла в Мегрэ уверенность, что все это когда-то с ним уже происходило. Подобное ощущение он порой испытывал во сне. Таких снов он в детстве боялся больше всего. Ему обычно снилось, будто пробирается через какие-то дебри, и тотчас его охватывало такое чувство, словно уже был здесь, делал те же движения, произносил те же слова. При этом у него появлялось какое-то головокружение.

Преследование, начавшееся на набережной Шарантон, шло тем же затейливым маршрутом, который мысленно проделал комиссар у себя в кабинете, когда в полном отчаяния голосе маленького Альберта ему слышалось эхо растущей тревоги и страха.

Он снова наблюдал, как усиливается тревога. Человек, спешивший по бесконечной, почти пустынной набережной Берси, то и дело оглядывался и, всякий раз видя позади себя приземистую фигуру Люка, ускорял шаг.

Мегрэ ехал в такси следом. Какой контраст являли собой оба эти человека! У того, что шел впереди, взгляд и походка словно у дикого зверя. Движения, даже когда он принимался бежать, исполнены какой-то своеобразной грации.

По пятам за ним следовал дородный Люка. По обыкновению выставив вперед брюшко, он напоминал одну из тех похожих на сосиску с приделанными к ней ногами неказистых дворняг, которые преследуют вепря настойчивее самых породистых борзых.

Любой готов был биться об заклад, что рыжий опередит Люка. Даже Мегрэ, увидев, что незнакомец, воспользовавшись отсутствием пешеходов, устремился вперед, велел шоферу прибавить газу. Но, оказывается, напрасно. Самое странное, Люка вроде бы и не спешил. Он просто шагал себе, с виду среднего достатка парижанин, отправившийся прогуляться.

Когда незнакомец услышал позади шаги и, взглянув через плечо, заметил в поравнявшемся с ним такси Мегрэ, он понял, что выбиваться из сил и привлекать к себе внимание ни к чему. И тогда он пошел прежним ровным шагом.

Тысячи людей встретятся им в этот день на улицах и площадях Парижа, но, как и в тот раз, когда похожее происходило с Альбертом, никто не заподозрит, какая на глазах у них разыгрывается драма.

К тому времени, как они добрались до моста Аустерлиц, иностранец — Мегрэ решил, что перед ним иностранец, — казалось, был обеспокоен больше, чем поначалу. Беглец повернул на набережную Генриха IV, видно, что-то затеяв. И действительно, как только все трое оказались в квартале Сен-Поль, незнакомец снова рванулся вперед, но на этот раз в сторону переплетшихся между собой узких улочек, расположенных между улицей святого Антония и набережными.

Мегрэ чуть не потерял его из виду: оказалось, что один из переулков перегороден грузовиком.

Играющие на мостовой дети изумленно смотрели на двух бегущих мужчин. Лишь через два квартала Мегрэ удалось догнать обоих. По-прежнему чрезвычайно respectable, пальто аккуратно застегнуто, Люка лишь чуть запыхался. Он даже догадался мигнуть комиссару: дескать, не беспокойтесь.

Сержант еще не знал, что погоня эта, за которой Мегрэ с комфортом наблюдал из автомобиля, будет продолжаться не один час. Что она станет еще более напряженной.

Позвонив куда-то, незнакомец начал терять са-

мообладание. Он зашел в небольшой бар на улице святого Антония. Люка последовал за ним.

— Он его сейчас арестует!— поинтересовался водитель, знавший Мегрэ.

— Нет.

— Почему же?

В его представлении всякий, кого выслеживают, непременно будет арестован. К чему же тогда это жестокое преследование? Он рассуждал точь-в-точь как ничего не смыслящие в охоте люди, которые наблюдают, как гонят зверя.

Не обращая внимания на сыщика, незнакомец приобрел жетон и закрылся в телефонной кабине. В окно быстро было видно, как Люка, воспользовавшись случаем, освежается объемистым бокалом пива. От этого зрелища разыгралась жажда и у самого Мегрэ.

Разговаривая рыжеволосый долго, минут пять. Раз два-три Люка вскакивал и заглядывал в стекло кабины: не случилось ли чего с его подопечным?

Затем оба стояли у стойки, не разговаривая друг с другом и делая вид, что вовсе не знакомы. Выражение лица у иностранца изменилось. Он затравленно оглядывался кругом, словно выжидая благополучную минуту, но, похоже, успел понять, что такой минуты ему не представится.

В конце концов он расплатился и пошел в сторону площади Бастилии. Обойдя почти всю площадь, устремился к бульвару Ришар-Ленуар, откуда рукой было подать до дома комиссара Мегрэ, но свернул затем направо, в сторону улицы Рокетт.

Не зная, видно, здешнего района, спустя несколько минут он заблудился. Раз два-три он, похоже, пытался скрыться, но либо улица оказывалась слишком людной, либо на соседнем перекрестке он замечал высокое кепи полицейского.

Тогда рыжий принялся пить. Заходил в бары, но уже не звонить, а чтобы проглотить рюмку дешевого коньяку. Люка даже перестал входить за ним следом. В одном из баров с беглецом кто-то заговорил, но он лишь посматрел, ничего не ответив, явно не понимая языка.

Внезапно Мегрэ понял, почему в тот момент, как незнакомец вошел в кафе маленького Альберта, он решил, что перед ним иностранец. Причем вовсе не из-за его внешности и покроя одежды. Комиссар заметил в вошедшем настороженность, свойственную оказавшемуся в незнакомой обстановке человеку, который никого не понимает и которого не понимают другие.

Улицы были залиты солнцем. Стояла совсем теплая погода. Словно где-нибудь в провинции, в районе Пикпюс, консержи выставили свои стулья у парадных.

Долго кружили, прежде чем добраться до бульвара Вольтера, а потом площади Республики, и вот тут незнакомец наконец-то понял, где находится.

Спустился в метро. Уж не надеялся ли он оторваться от Люка? Во всяком случае, беглец сообразил, что убежать не удастся: Мегрэ увидел, как оба вновь выходят из метро.

Улица Реомюр... Снова крюк... Улица Тюрбиго... Потом свернули на улицу Шапон, с нее — на улицу Бобур.

«Район ему знаком», — подумал комиссар. Это ясно. По тому, как иностранец оглядывался кругом, было видно, что он узнаёт тут все, вплоть до самых дрянных лавчонок. Здесь он чувствовал себя как дома. Возможно, даже жил в одной из многочисленных жалких ночлежек?

Казалось, рыжеволосый в замешательстве. Он несколько раз останавливался на углу улицы. Но что-то мешало ему осуществить свои намерения. Таким образом он добрался до улицы Риволи, служившей как бы границей этого омерзительного района. Но улицу он не пересек. Свернув на Архивную, иностранец вновь нырнул в это гетто, немного погодя уже неся по улице Роз.

«Не хочет, чтоб мы узнали, где он живет».

Но почему и кому он звонил? Обратился к соучастникам за помощью? На какую помощь он мог рассчитывать?

— Жалко мне бедолагу, — вздохнул таксист. — Вы уверены, что он преступник?

Нет, комиссар в этом даже не был уверен! И все-таки нужно во что бы то ни стало выследить его. Это единственная возможность узнать что-то новое о смерти маленького Альберта.

Беглец обливался потом и время от времени доставал из кармана большой зеленый платок. Кружа возле квартала, который составляли улицы Сицилийского короля, Экуфф и Стекольная, но не смея проникнуть внутрь его, он по-прежнему продолжал накачиваться спиртным.

Когда рыжий приближался к этому кварталу, шаги его становились медленнее и неувереннее. Он оглядывался на преследователя, потом пере-

водил взгляд на таксомотор, и в глазах его вспыхивал злобный огонек. Как знать? Возможно, если бы не такси, рыжеволосый постарался бы отделаться от Люка, заведя его в какой-нибудь темный угол.

С приближением сумерек улицы стали оживленнее. Народ слонялся по мостовой, стоял возле приземистых, неказистых зданий. С приходом весны обитатели здешних кварталов живут на улице. Были настуже распахнуты окна и двери лавок. В нос бил тошнотворный запах грязи и нищеты. Порой какая-нибудь женщина выплескивала прямо на тротуар.

Должно быть, силы Люка были на исходе, хотя он и не подавал виду. Мегрэ решил при первой же возможности сменить его. Оттого, что он наблюдал за погоней из такси точно зритель, следящий за охотой из окна автомобиля, комиссару было как-то не по себе.

Некоторые перекрестки они успели пересечь уже раза три или четыре. Неожиданно незнакомец решил отделаться от преследователя: он вошел в темный подъезд, а Люка остался у дверей. Но Мегрэ знаком велел идти следом.

— Осторожней! — крикнул он вдогонку.

Спустя несколько минут оба снова оказались на улице. Было ясно: незнакомец нырнул в первый попавшийся дом, чтобы сбить детективов с толку. Уловку эту беглец повторил дважды. Во втором случае Люка обнаружил, что рыжий сидит на самом верху лестницы.

Часов около шести они снова оказались в смахивающем на средневековый квартал на углу улицы Сицилийского короля и Старой Церковной. Незнакомец снова остановился. Затем свернул на улицу, запруженную оборванными людьми. Над входами в ночлежные дома зажглись тусклые лампочки. Тесные лавчонки соединялись с узкими проходами, которые вели в какие-то подозрительные закоулки.

Далеко рыжий уйти не успел. Не прошел и десяти метров, как раздался выстрел. Будто автомобильная камера лопнула. Толпа, двигавшаяся как бы по инерции, остановилась лишь спустя несколько минут. Словно сам по себе затормозил и таксомотор.

Послышался топот бегущих ног. Люка бросился вперед. Прогремел еще один выстрел.

В сумятице ничего было не разобрать. Мегрэ не знал, попала пуля в детектива или же нет. Выскочив из такси, комиссар кинулся к незнакомцу. Тот был еще жив. Он сидел, опершись одной рукой о камни мостовой, а другую прижимал к груди. Голубые его глаза с укором смотрели на комиссара.

Потом они подернулись пеленой.

— Какой кошмар! — проговорила какая-то женщина.

Незнакомец передернул плечами и рухнул за мертво.

Люка вернулся с пустыми руками, но цел и невредим. Второй выстрел в него не попал. Покушавшийся пытался выстрелить еще раз, но пистолет дал, видно, осечку. Сержант не смог как следует разглядеть стрелявшего.

— Я б его не узнал, — признался Люка. — Мне показалось, он был темноволос.

Толпа невольно помогла убийце скрыться, как бы незначай преграждая преследователю дорогу.

Вокруг детективов смыкалось кольцо. Люди глядели с укоризной, чуть ли не с угрозой. Переодетых полицейских узнавали здесь без труда. Вскоре подошедший к сыщикам сержант в форме заставил любопытных сторониться.

— Вызови карету «Скорой помощи», — вполголоса произнес Мегрэ. — Только сначала свистни двух-трех постовых.

Вид у комиссара был удрученный. Он вполголоса отдавал Люка распоряжения. Вместе с полицейскими тому надлежало остаться на месте происшествия. Потом снова взглянул на убитого. Ему хотелось было тотчас осмотреть его карманы, но инстинктивно он почувствовал, что на глазах у всех этого делать не стоит. Такой жест был бы слишком профессионален и мог бы спровоцировать толпу.

— Будь осторожен, — негромко остерег комиссар Люка. — Он тут наверняка не один.

Не доезжая нескольких метров до набережной Орфевр, Мегрэ вышел из такси. Торопливым шагом подойдя к кабинету начальника управления, постучался и вошел без предварительного доклада.

— Еще один убитый, — проронил он. — Подстрелили у нас на глазах, словно кролика.

— Личность установлена?

— Через несколько минут появится Люка. Только труп увезут. Вы мне не выделите десятка два людей? Надо обложить весь район.

— Какой район?

— Улица Сицилийского короля.

На этот раз помрачнел начальник уголовной полиции. Отобрав в сыском отделении несколько человек, комиссар их проинструктировал. Потом нашел инспектора из полиции нравов.

— Не дашь мне кого-нибудь, кто хорошо знает улицу Сицилийского короля, улицу Роз и прилегающие кварталы? Там, должно быть, проститутки немало.

— Больше чем достаточно.

— Примерно через полчаса он получит фотографию.

— Еще один жмурик?

— Да, к сожалению. Но лицо у него не изуродовано.

— Понимаю.

— Похоже, что в этом районе прячется целая банда. Пусть твой парень будет начеку. Это убийцы.

Затем Мегрэ спустился в отдел, наблюдающий за гостиницами, и обратился к его сотрудникам с подобной просьбой.

Важно было не терять времени. Убедившись, что детективы отправились на свои посты, комиссар позвонил в институт судебной медицины.

— Как фотографии?

— Через несколько минут можете присылать за ними. Труп у нас. Мы с ним работаем.

У Мегрэ вдруг возникло ощущение, что он что-то позабыл. Он стоял, в нерешительности почесывая подбородок. Внезапно в воображении комиссара возник образ судебного следователя. Очень кстати!

— Алло... Добрый вечер, господин Комелио. Говорит комиссар Мегрэ.

— Что слышно, господин комиссар, о вашем владельце кафе?

— Он действительно оказался владельцем кафе.

— Личность установлена?

— Вполне.

— Как идет расследование?

— Появился еще один убитый.

Мегрэ представил себе, как похолодел от ужаса его собеседник.

— Что вы сказали?

— Еще один убитый. Но на этот раз потери не наши.

— Вы хотите сказать, его убили полицейские?

— Нет. Это сделали другие господа.

— Каких господ вы подразумеваете?

— Очевидно, это сообщники.

— Они арестованы?

— Пока нет.— Мегрэ понизил голос.— Боюсь, поиски будут продолжительными и сложными, господин Комелио. Дело очень и очень неприятное. Это убийцы, вы понимаете?

— Насколько я могу судить, не будь они убийцами, никакого дела расследования и не возникло бы.

— Вы меня не поняли. Они убивают преднамеренно, чтобы обезопасить себя. Вопреки тому, что считает публика, случай, как вы знаете, довольно редкий. Эти люди не останавливаются даже перед убийством своих собственных товарищей.

— Тогда почему же они его убили?

— Очевидно, потому, что он больше был не нужен и мог навести на их след. А район неприятный, хуже во всем Париже не сыщешь. Всякое эмигрантское отребье тут гнездится. Или совсем без документов, или с фальшивыми паспортами.

— Что намерены предпринять?

— Приму необходимые меры. Я обязан это сделать, поскольку ответственность за происшедшее лежит и на мне. Нынче будет проведена облава. Никаких результатов она, по-видимому, не даст.

— Во всяком случае, я надеюсь, что новых жертв не будет.

— Я тоже на это надеюсь.

— Когда примерно намерены осуществить операцию?

— Как обычно, часа в два ночи.

— Сегодня у меня партия в бридж. Постараюсь задержаться как можно дольше. Позвоните мне тотчас после облавы.

— Хорошо, господин Комелио.

— Когда пришлете мне рапорт?

— Как только выкрою время. Очевидно, не ранее чем завтра вечером.

— А как ваш бронхит?

— Какой бронхит?

Мегрэ совсем забыл про недуг. Держа в руках красную карточку, в кабинет вошел Люка. Мегрэ тотчас понял, что это такое. То был профсоюзный билет, выписанный на имя Виктора Поленского, рабочего завода Ситроен, богемца.

— Какой адрес, Люка?

— Набережная Жавеля, дом 132.

— Постой. Адрес вроде знакомый. Там паршивая ночлежка, она на углу набережной и какой-то улицы. Года два назад мы проводили в ней облаву. Выясни, есть ли там телефон.

Дом находился на берегу реки, возле мрачной громады заводских строений. Дрянная гостиница, битком набитая недавно прибывшими эмигрантами, которые вопреки предписанию полиции ютились по три-четыре человека в одной комнате. Самое удивительное, заведением этим управляла женщина и умудрялась держать своих жильцов в повиновении. Она даже готовила для них.

— Алло! Дом сто тридцать два по набережной Жавеля?

Ответил хриплый женский голос.

— Поленский у вас живет?

Женщина помолчала, соображая.

— То есть Виктор...

— Ну и что?

— Он у вас остановился?

— А твое какое дело?

— Я его приятель.

— Знаю я, кто ты. Мусор.

— Ну хорошо, я из полиции. Поленский все еще у вас? Вряд ли стоит напоминать: мы проверим ваши сведения.

— Знаем мы ваши штучки.

— Ну так как?

— Вот уже полгода его тут нет.

— Где он работал?

— У Ситроена.

— Давно он во Франции?

— Насчет этого мне ничего не известно.

— Он говорил по-французски?

— Нет.

— Долг он у вас жил?

— Месяца три.

— Друзья у него были? Кто-нибудь приходил?

— Нет.

— Документы у него были в порядке?

— Наверно, раз полиция не придиралась.

— Еще один вопрос. Обедал он у вас?

— Чаше всего да.

— Женщины у него были?

— Послушай, пес ты поганый! Думаешь, меня это заботит?

Повесив трубку, Мегрэ обратился к Люка:

— Свяжись с отделом регистрации иностранцев.

В картотеке префектуры никаких сведений о Поленском не имелось. Иными словами, этот иностранец приехал нелегально, подобно тысячам таких, как он, которые ютятся в наиболее неприглядных парижских трущобах. Несомненно, как и большинство, он добыл себе поддельный паспорт. В предместье Сен-Антуан предостаточно подозрительных притонов, где вам за определенную мзду живо состряпают любой документ.

— Позвони на завод Ситроен!

Успели прислать фотографии убитого, и комиссар роздал их детективам из полиции нравов и отдела наблюдения за гостиницами. Сам же отправился в дактилоскопическую картотеку, захватив с собой отпечатки.

Но ничего там не обнаружил.

— Мерс здесь?— спросил он, просунув голову в дверь лаборатории.

Мерсу незачем было приходить на службу, поскольку он отработал целые сутки. Но спал он мало. Ни семьи, ни возлюбленной, насколько это было известно, у него не имелось, а единственной его страстью была лаборатория.

— Я здесь, шеф.

— Еще один труп в твоем распоряжении. Только загляни сначала ко мне.

Оба вместе спустились вниз. Люка уже связался по телефону с расчетным отделом завода.

— Старуха сказала правду. Он три месяца работал чернорабочим. Примерно уже полгода в платежных ведомостях его нет.

— Прилежно работал?

— Прогулов почти не было. Но их там столько, что в лицо всех не знают. Я спросил, нельзя ли узнать о нем какие-нибудь подробности у мастера. Такие сведения имеются лишь о квалифицированных рабочих. А чернорабочие, почти сплошь иностранцы, появляются и исчезают, и никто о них ничего не знает. Проработают дня три, три недели или три месяца — и с концами. По мере надобности их еще и перебрасывают из цеха в цех.

— Что в карманах?

На столе лежал вытертый бумажник некогда зеленой кожи. Кроме профбилета, в нем лежала фотография молодой женщины — круглое свежее лицо, окаймленное тяжелыми косами. Типичная провинциалка.

Две ассигнации по тысяче и три по сто франков.

— Сумма приличная,— пробормотал Мегрэ. Длинный нож с защелкой. Конусообразный клинок, отточенный как бритва.

— Как думаешь, Мерс, не могли ли этим ножом прикончить маленького Альберта?

— Вполне вероятно, шеф.

Платок был тоже зеленоватый. Должно быть, Виктор Поленский обожал этот цвет.

— Это тебе. Вид не ахти какой аппетитный, но разве знаешь наперед, что могут дать твои анализы?

Пачка сигарет «Капрал», зажигалка немецкого происхождения. Немного мелочи. Ключа нет.

— Люка, ты уверен, что не было ключа?

— Вполне, шеф.

— Его раздели?

— Нет еще. Дожидаются Мерса.

— Ну ступай, дружище. Сейчас я слишком занят, не смогу тебя проводить. Тебе придется поработать допоздна, достанется будь здоров.

— Я и две ночи кряду выдержу. Не впервые.

— Ничего новенького, Эмиль?— позвонил Мегрэ в «Маленький Альберт».

— Ничего, шеф... Копшимся помаленьку.

— Народу много?

— Меньше, чем утром. Заходят иногда выпить рюмочку аперитива, а обедают — раз-два и обчелся.

— Что жена? Все с тем же удовольствием выполняет обязанности хозяйки?

— Сама не своя. Прибралась в спальне, сменила белье, будет вполне уютно. Как ваш рыжий?

— Убит.

— Что?

— Когда он попытался вернуться на хазу, кто-то из его корешков вlepил в него пулю.

Снова заглянул в сыское отделение. Нельзя ничего упускать из виду.

— Что слышно о желтом «ситроене»?

— Ничего нового. Правда, кто-то сказал, будто его заметили в районе Барбес-Рожуар.

— Уже ниточка! Надо проработать этот вариант.

За это говорит и географическое положение района. Он находится неподалеку от Северного вокзала. А ведь маленький Альберт долгое время работал там кельнером.

— Ты голоден, Люка?

— Не очень. Могу потерпеть.

— А что скажет твоя жена?

— Надо только позвонить ей.

— Превосходно. Я своей тоже звякну. Ты мне понадобишься.

Мегрэ все-таки устал и решил не работать в одиночку, тем более что ночь, похоже, предстояла тяжелая.

Зашли вдвоем в кафе «Дофин» промочить горло и, как всегда, с каким-то наивным удивлением обнаружили, что, пока они, выбиваясь из сил, пытаются раскрыть преступление, жизнь вокруг идет своим чередом. Одни заняты своими заботами, другие предаются развлечениям. Никому нет никакого дела до того, что на улице Сицилийского короля убили какого-то богемца. Появится пара строк в газете, только и всего.

Таким же образом в один прекрасный день они воспримут сообщение, что убийца задержан.

Более того, лишь немногие посвященные знали, что в одном из самых скученных и подозрительных районов Парижа ночью будет проведен рейд. Заметил ли кто-нибудь выставленных на каждом углу детективов, ничем не привлекающих к себе внимания?

Возможно, лишь какие-нибудь проститутки, забившиеся в темные углы, откуда они вылезали, чтобы уцепиться за руку прохожему, недовольно хмурились, заметив знакомую фигуру сотрудника полиции нравов. Выходит, остаток ночи придется провести где-нибудь в полицейском участке. Дело привычное. Это случалось с ними по крайней мере раз в месяц. Если они здоровы, часов в десять утра их отпустят. А что потом?

Владельцам меблированных комнат эти ночные визиты с целью проверки домовых книг тоже были не по душе. Ведь книги в порядке! В порядке, как всегда.

Под нос им сунут фотографию. Они сделают вид, что внимательно ее изучают, кое-кто пойдет за очками.

— Малый знаком?

— В глаза его не видел.

— Богемцы среди ваших жильцов есть?

— У меня живут поляки, итальянцы, один армянин, а вот богемцев нет.

Перевел с французского Виктор КУЗНЕЦОВ.

Продолжение следует.

ШИРОКО ОТМЕЧАЛСЯ
СЕМИДЕСЯТИЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ
ИЗВЕСТНОГО СОВЕТСКОГО
СКУЛЬПТОРА, ГЕРОЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА,
НАРОДНОГО ХУДОЖНИКА СССР
МИХАИЛА КОНСТАНТИНОВИЧА
АНИКУШИНА.

НАДЕЛЯЯ КАМЕНЬ ДУШОЙ

Ирина АНДЕРС
Фото
Сергея ПЕТРУХИНА

Михаил Аникушин — человек счастливой творческой судьбы. В 1949 году, через два года после защиты диплома, никому не известный скульптор дерзнул представить свою работу на конкурс проектов памятника А. С. Пушкину в Ленинграде, на площади Искусств. В конкурсе принимали участие выдающиеся советские мастера. Однако лучшим был признан проект Аникушина. Первая значительная работа стала для скульптора осуществлением творческой мечты. Такое дано не каждому. Открытие памятника Пушкину в 1957 году принесло художнику признание и известность.

«Хороший бюст равносителен целой биографии», — сказал Роден. Аникушин «прожил» блистательные биографии, создав портреты А. С. Пушкина, А. П. Чехова, Л. Н. Толстого, М. Горького. Искусство мастера воплотило в бронзе и мраморе одухотворенные образы выдающихся людей современности — ученых, артистов, писателей, врачей, рабочих и общественных деятелей. Каждый из них служит единой цели — «добиться к живому источнику души», угадать ее движения, найти в ней самые существенные, непреходящие связи.

А. П. Чехова современники любили за «великий аристократизм духа», «талант трагический и нежный», сердечность и деликатность. Л. Н. Толстой говорил, что «Чехов — это Пушкин в прозе». Возможно, здесь объяснение особой привязанности Аникушина к образу А. П. Чехова. Ломаю сложившийся стереотип, Аникушин лепит его молодым, уже создавшим свои лучшие произведения, познавшим человеческие возможности и боли. В скульптуре Аникушина оживает тонкая, обнаженная и трепетная душа писателя, великого в своей любви к людям, вере в их будущее, истинного русского интеллигента.

«Творить можно только любя то, о чем хочешь поведать людям», — утверждает Аникушин. Его восхищают люди сложного духовного склада, незаурядного таланта.

Лаконична, полна напряженным ритмом внутреннего движения фигура П. А. Куприянова — выдающегося советского хирурга, человека сосредоточенного ума, высокого мастерства,

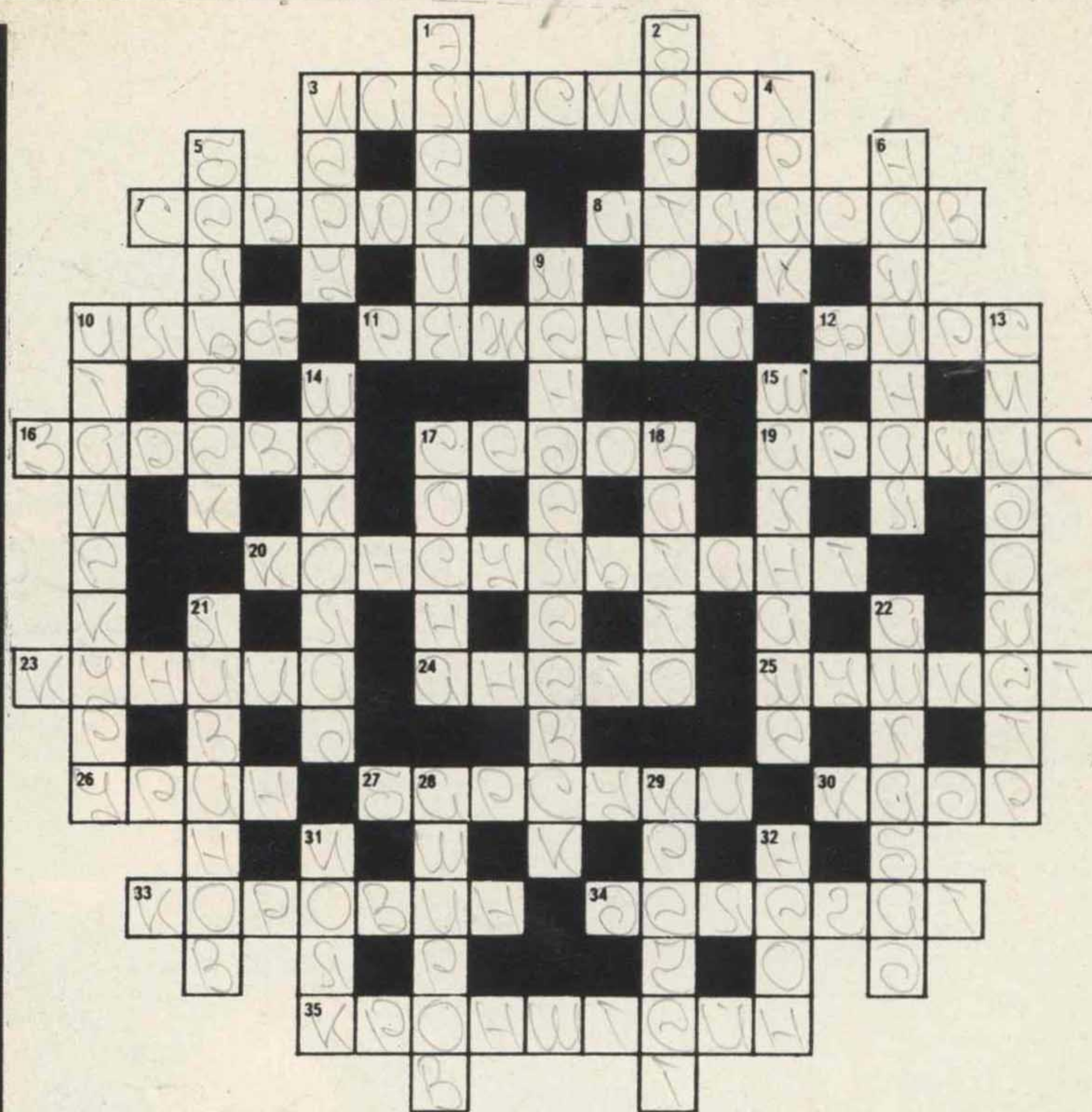
огромной энергии и выдержки. Портрет В. М. Бехтерева подобен образу русских богатырей: былинная голова с красивой шапкой густых волос, волевой, гипнотизирующий взгляд — олицетворение мощного интеллекта. В образе «обыкновенной богини», как в шутку называл Г. С. Уланову Прокофьев, сосредоточился мир гармоничной пластики, вечное очарование женственности и таланта.

В искусстве Аникушина лирическая эмоциональность соединилась с монументальной ясностью и высоким гражданским чувством. Самая важная работа для скульптора — образ В. И. Ленина. «Я стремился, — говорит Аникушин, — преодолеть уже известное и внести какие-то новые штрихи. Ленин — личность всеобъемлющая и чрезвычайно цельная, необыкновенно обаятельная и волевая. Теперь наше представление о нем шире, мы видим реальные плоды его гигантского труда. Ленин — знамя Великого Октября, символ свободы, он — сгусток воли и энергии, воплощение человечности, непоколебимой убежденности и неутомимой устремленности к великой цели. Н. К. Крупская вспоминала: «Он был смел и отважен». Это хотелось особенно подчеркнуть в скульптуре. Такова основная пластическая идея памятника».

За внешне блестящей биографией стоит гигантский труд мастера, его нелегкий жизненный опыт. Девять лет Аникушин работал над образом А. С. Пушкина, став пушкиноведом, изучая произведения, письма поэта, воспоминания его друзей. Работа над памятником А. П. Чехову заняла двадцать лет. Мемориальному ансамблю «Героическим защитникам Ленинграда» отдано двенадцать лет и еще пятилетний путь солдата Ленинградского, Прибалтийского и Забайкальского фронтов во время Великой Отечественной войны. Всю блокаду Аникушин защищал свой город. «Памятник весь построен на впечатлениях военных лет, на воспоминаниях. Эти впечатления, порою очень горькие, навсегда остались в памяти».

Аникушину как-то задали вопрос: «А случались неудачи?» И он ответил: «Сплошные. Есть надежда, и стремление, и суеверный страх, и сомнение. Но главное все же — надежда. Художник вынашивает, мучится, болеет, выздоравливает и снова болеет, ждет и надеется».

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Грузоподъемное устройство, состоящее из блоков. 7. Осетровая рыба. 8. Русский землепроходец, совершивший походы по Камчатке. 10. Советский писатель-сатирик. 11. Молочный продукт. 12. Действующее лицо в пьесе А. П. Чехова «Вишневый сад». 16. Отсвет заката на небе. 17. Русский гидрограф, полярный исследователь. 19. Персонаж романа А. Дюма «Три мушкетера». 20. Специалист, дающий советы по определенным вопросам. 23. Пушной зверек. 24. Самая высокая вершина Пиренеев. 25. Старинное фитильное ружье. 26. Планета. 27. Роман Л. М. Леонова. 30. Снимок на киноплёнке. 33. Русский живописец, театральный художник. 34. Выборный представитель коллектива. 35. Консольная опорная деталь.

По вертикали: 1. Жанр лирической поэзии. 2. Венгерский композитор, пианист. 3. Государство в Южной Америке. 4. Деталь гусеницы вездехода, танка. 5. Река в Крыму. 6. Нарцательная стоимость денег, ценных бумаг. 9. Город в Татарской АССР. 10. Река в Бразилии. 13. Прибор, указывающий скорость транспортных машин. 14. Кондитерские изделия из бобов какао. 15. Поэма А. Фирдоуси. 17. Хвойное дерево. 18. Французский живописец и рисовальщик XVII—XVIII веков. 21. Народный артист СССР, выступавший во МХАТе. 22. Столица союзной советской республики. 28. Народный писатель Туркмении. 29. Птица семейства соколиных. 31. Военная часть. 32. Химический элемент, инертный газ.

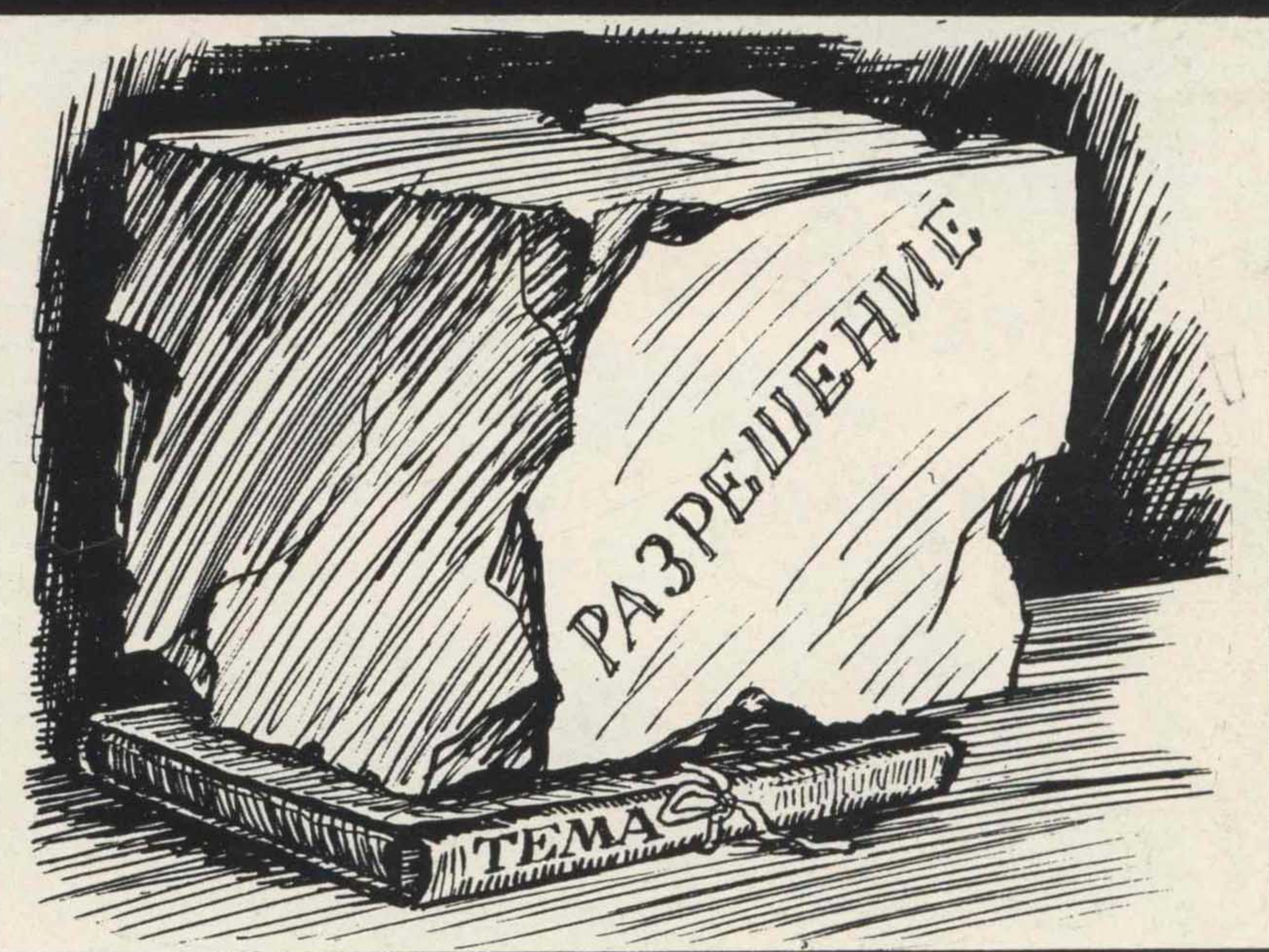
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 41

По горизонтали: 3. Вахта. 6. «Трактористы». 9. Рояль. 10. Ответ. 12. Центр. 15. Задание. 16. Тюлени. 17. Валуйки. 18. «Кисель». 19. Лоцман. 20. Гобелен. 22. Корсика. 23. Ермолов. 24. Горький. 27. Жатка. 28. Телец. 29. Гризодубова. 30. Совет.

По вертикали: 1. Гартман. 2. Штурман. 4. Мальцев. 5. Ассорти. 7. Ковалевская. 8. Селекционер. 11. Баритон. 13. «Трутень». 14. Гиталов. 20. Гагарин. 21. Нейтрон. 25. Реполов. 26. «Кочубей».

НЕТ ПРОБЛЕМ?

Рисунок Анатолия ВАСИЛЕНКО (Киев)

БУДУЩЕЕ КУРГАНСКОГО ЦЕНТРА

То, что мы видим на фотографиях, более всего напоминает проекты фантастических городов.

Но художественная организация Всесоюзного Курганского научного центра «Восстановительная травматология и ортопедия», разработанная Центральной экспериментальной студией Союза художников СССР, несет в себе конкретные цели. Пациентам профессора Г. А. Илизарова не меньше, чем специальная помощь, необходимо движение. На территории центра будут мини-каньоны, водоемы, горы, модель средневековой городской площади.

Центр буквально наполнен разнообразными тренажерами. Художники попытались сделать их привлекательными, естественными, интересными.

●
АРХИТЕКТОР
КОМПЛЕКСА
Э. Я. ЛИХТЕНБЕРГ.

●
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
РУКОВОДИТЕЛЬ
ПРОЕКТА
М. А. КОПИК
И КОНСУЛЬТАНТ
ПРОЕКТА
Е. Г. ГОЛУБЦОВ.

Фото
Дмитрия
ДЕБАБОВА.

Все продумано вплоть до самых мелочей. Вот безделушки-брелоки, которые станут получать каждый, попадая в центр. Больной невольно станет их крутить, а его руки постепенно станут подвижнее. Когда же придется выписываться, брелок будет брошен в огромную прозрачную копилку в главном зале. Новые больные, получив свой, собственными глазами увидят, сколько людей уже вылечилось здесь.

Открыть в окружающем красоту, гармонию, которая не может не принести реальной пользы, — это и называется художественной организацией пространства, занимается которой пока единственная в нашей стране такая экспериментальная студия.

В. КИРЮХИН

ОГОНЁК